

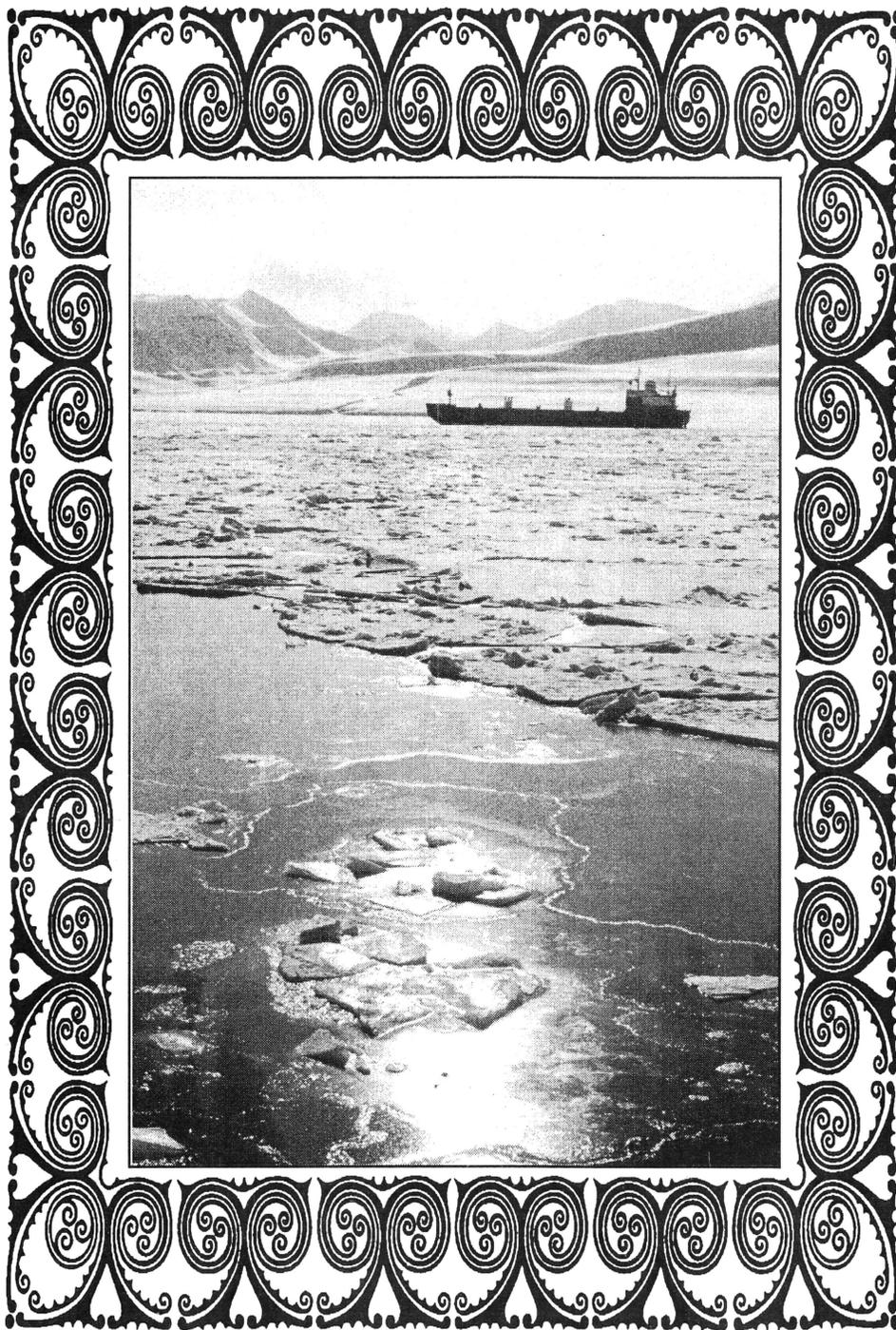
**С Новым, 2002 годом и
Рождеством!**

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134-241X
снеговик
12•2001

КОНКУРС: «УВИДЕТЬ НЕОБЫЧНОЕ!»

ПОЛЯРНАЯ СКАЗКА

Прошло время, когда из окна Деда Мороза были видны плывущие по льдистому морю фрегаты, каравеллы, барки... Сейчас в его прекрасном, ледяном царстве хозяйничают самые прозаические, современные корабли. Впрочем, наверняка уже через сто лет такие суда будут казаться древне-романтичными. А если заглянуть в будущее еще дальше?

Так что сейчас вы смотрите на нечто поистине странное — на кусочек еще не родившейся сказки века, скажем, так ХХУ...

Фото Валерия ПОДОЛЯКА

Письмо к другу

Дорогой друг! Дорогой мой читатель — увлеченный, преданный и великодушный любитель «Уральского следопыта»!

Хочу тебе, как истинному другу, рассказать о том, что ты должен знать. О моих удачах и проблемах, о новых знакомствах и новых достижениях.

Год, в котором я отметил свое шестидесятишестилетие, был для меня не таким уж и простым. Определенные трудности не позволили выпустить вовремя почти половину моих номеров. Они дошли до тебя с опозданием. Но ты ведь простил меня за это? Надеюсь, простил. И не станешь отказываться от возможности общаться со мной дальше. Ведь если отбросить в сторону проблемы на денежном фронте, у меня для тебя в основном хорошие новости.

Моих, а значит, и твоих друзей и единомышленников стало больше. Об этом мне «поведали» итоги подписки на 2002 год. Тираж растет. Может, не так стремительно и победно, как хотелось бы, но — растет.

Одной из причин этого роста, как мне кажется, является то, что и сам я, журнал «Уральский следопыт», и моя редакция постоянно на виду. Мы проводим благотворительные акции (так, в 2001 году удалось много сделать для Свердловского областного клинического психоневрологического госпиталя для ветеранов войн, руководимого медиком по образованию и общественным деятелем по призванию Семеном Исааковичем Спектором: спецвыпуск журнала к 60-летию учреждения, концерты, выступления, бесплатная раздача журналов пациентам...), мы организуем творческие конкурсы для детей и юношества («Большие Надежды», литературный конкурс, объявленный по всему Уральскому региону, финал которого намечен на февраль 2002 года), мы даем возможность желающим общаться с теми, кто им интересен (например, с творческими деятелями: писателями, поэтами, литературоведами, приглашая всех два раза в месяц на заседания творческой мастерской «Пятый угол»), мы находим резервы и силы принимать на себя ответственность опекунов (организовали сбор книг для сельских библиотек и доставку их по месту назначения), мы даже провели розыгрыш книжной лотереи среди своих подписчиков (обладателем собрания сочинений А. и Б. Стругацких стала Василина Андреева из Пермской области).

Есть и другие причины. Во втором полугодии, как ты успел заметить, не было ни одного сдвоенного, а то и строенного номера журнала — и это здорово. Кажется, я всерьез начал отвыкать от этой не совсем правильной привычки — совмещать номера.

А цена-то, цена! Несмотря на «денежный падеж» в стране, стоимость подписки на «Уральский следопыт» не стала больше. Ну разве эта новость не великолепна?!

Да и с финансами у нас не все так плохо, как может показаться. Некоторые «коммерческие» проекты мы с успехом претворяем в жизнь. Примером тому

является уже упомянутый спецвыпуск журнала, посвященный 60-летию Свердловского областного клинического психоневрологического госпиталя для ветеранов войн — он был полностью подготовлен на деньги, собранные спонсорами, и весь тираж был передан руководству госпиталя. А полученная прибыль пошла на поддержание основного журнала.

Так о чем все это говорит? «Всего лишь» о том, что «Уральский следопыт» — не просто какое-то там журнальное издание, а общественно нужное и культурно важное явление. О том, что ты не зря со мной знаком, год от года оформляя подписку и с достойным терпением ожидая прихода очередного номера журнала, даже если он по «каким-то недоразумениям» задерживается.

У тебя веская причина со мной дружить — ты хочешь иметь самые верные, самые интересные материалы по истории страны и края, ты хочешь читать не ширпотребную фантастику в толстых «лакированных» книжках, а ту, которая заставляет думать и сопереживать; ты хочешь знакомиться с утонченной поэзией; ты хочешь узнавать о значительнейших свершениях и занимательнейших приключениях сильных и мужественных людей. Ведь ты — незаурядный человек.

И, между прочим, именно от тебя зависит, будет ли жить журнал и далее. Ведь я — исключительно подписное издание. Я не представляю себя в окружении лощеных и самодовольных «плейбоев» и «космополитанов», стоящим в витрине газетного киоска.

Я ценю твое внимание, твою поддержку. Почему и хочу познакомиться с тобой поближе. Если не возражаешь, я предложу тебе заполнить анкету — она помещена на отдельной странице сразу после моего письма. Надеюсь, тебя не затруднит ответить на мои вопросы и отправить анкету по адресу редакции: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, с пометкой «Анкета». Заранее благодарю.

Вот, наверное, и все. Я рассказал о себе, вскоре узнаю то, что мне интересно знать о тебе. И наша дружба, наше сотрудничество продолжатся. Вырастет круг наших друзей. (Ах, как хотелось бы увеличить тираж журнала до легендарных пятисот тысяч! — И дело не в деньгах, а во внимании. Хотя и в деньгах тоже, ведь если тираж значительно увеличится, увеличатся и возможности редакции, которая сможет платить гонорары за еще более интересные и своевременные материалы, а значит, выиграешь в первую очередь ты!.. Ну почему бы тебе не попробовать предложить подписаться на меня твоим друзьям?..) Появятся новые авторы и художники — молодые таланты. И жизнь наполнится интересными темами и свежими красками. И начнется отсчет номеров следующего, 2002 года. (Кстати, первый номер 2002 г. будет полностью посвящен подведению итогов литературного конкурса «Большие надежды»!)

Но прежде я сделаю тебе маленький новогодний подарок: настоящую карту водного бассейна Большого Урала! Если любишь рыбалку, если любишь хорошо провести время у реки или озера, это очень тебе поможет.

С Новым годом тебя, мой преданный друг, мой уважаемый партнер, мой любознательный читатель!

Всегда твой,

«Уральский следопыт»

**Заполните, пожалуйста, эту анкету и пришлите ее нам по адресу:
620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, «Анкета».**

Спасибо за участие.

С любовью и надеждой на новые встречи, Ваша редакция.

Анкета

Меня зовут _____

Мой возраст _____

Я живу в _____

Я работаю(учусь) _____

На самом деле я _____

В журнале «УС» мне больше всего нравится _____

В журнале «УС» мне больше всего не нравится _____

Мне хотелось бы почитать о _____

Журналу нужно _____

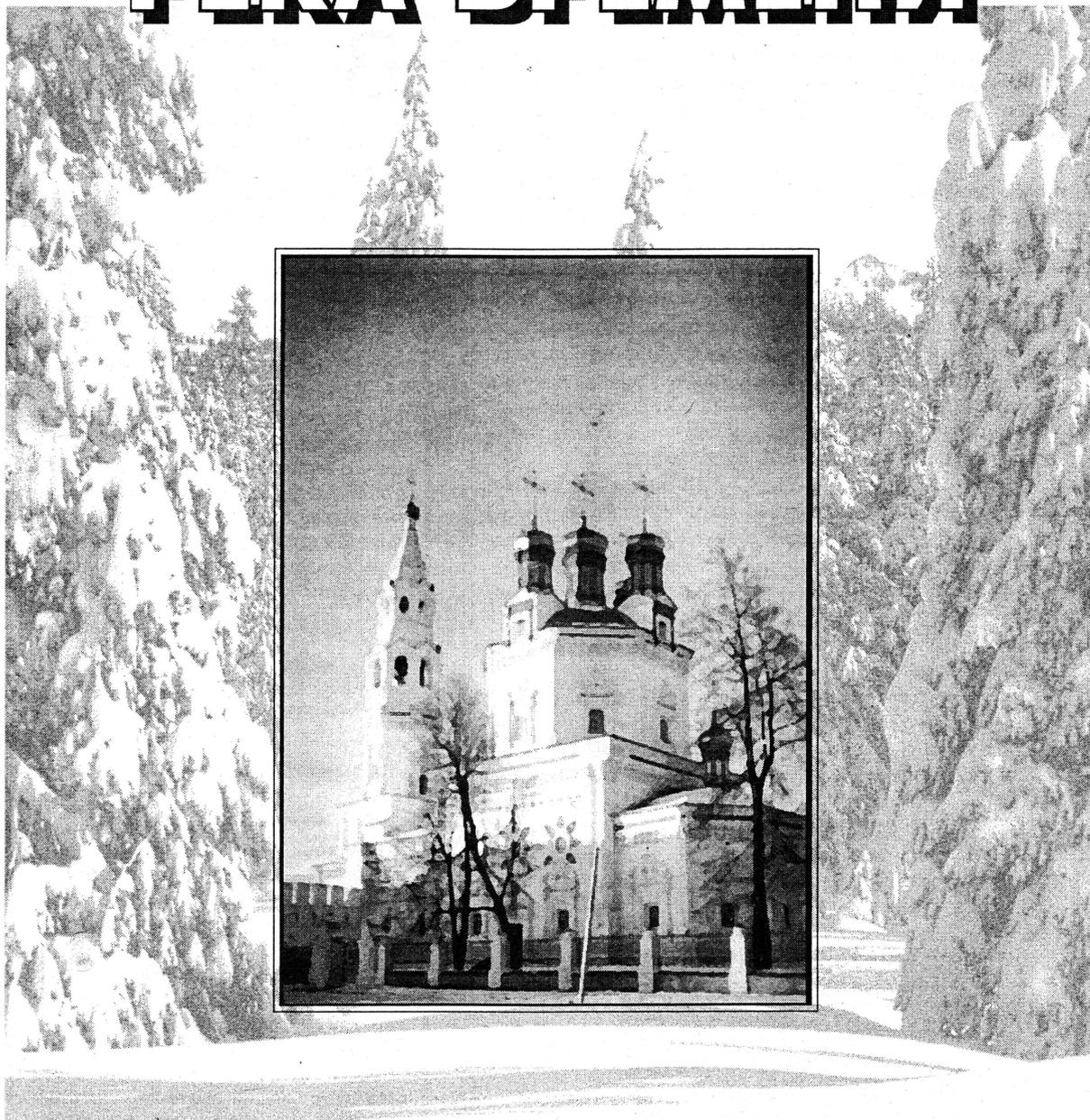
Журнал «УС» должен стоить _____

Журнал может быть цветным, пусть и дороже нет / дороже до 70 рублей.

Если журнал перестанет выходить, я _____

Число _____ Подпись _____

РЕКА ВРЕМЕНИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр.6
Павел Фефилов «Земля Сидорова»	стр.7
Анатолий Ольховиков «Успенская обитель»	стр.11
Юрий Липатников «Нейрохирурги»	стр.14
Вадим Осипов («ДОБРЯНЕ») Стихи	стр.24

ИНЖЕНЕРНЫЙ ПАНТЕОН

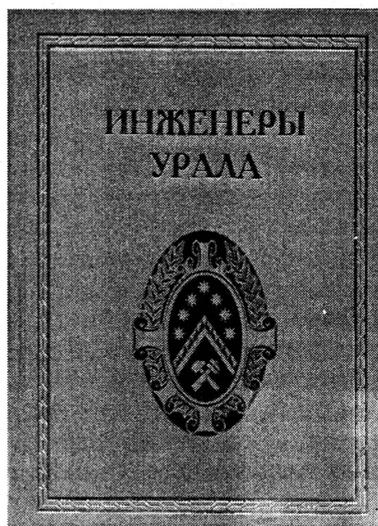
До сих пор сведения об уральских инженерах были разбросаны по архивам и различным изданиям, зачастую местным и малотиражным — практически недоступным исследователям, историкам, краеведам, а тем более — массовому читателю. Единственное издание, которым дорожили и на которое ссылались авторы, был краткий (224 стр. карманного формата) биографический справочник незабвенного Анатолия Григорьевича Козлова «Творцы науки и техники на Урале XVIII — начало XX века». Он заключал около восьмисот очень лаконичных сведений о деятелях нашего горного края.

И вот перед нами совсем недавняя книга — однотомная энциклопедия «Инженеры Урала», подготовленная и изданная Уральским отделением Российской инженерной академии, отметившей этим актуальнейшим изданием трехсотлетие уральской металлургии.

Только инженерам XVIII — XIX веков посвящено более 150 статей, набранных мелким, убогим шрифтом. А всего в энциклопедии около 3 000 биографических справок, и почти каждую из них сопровождает фотопортрет. Впервые в доступном и научно выверенном издании представлен достаточно полный ряд уральских деятелей инженерной мысли и практики — от Петра Рычкова до наших современников.

Энциклопедия издана в количестве 3 000 экземпляров. Ориентироваться в энциклопедии читателю, несомненно, поможет и аннотированный указатель организаций, представивших составителям фактический материал.

Редколлегия предлагает читателям сообщать в УрО РИА о всех дополнениях и замечаниях, которые будут учтены в последующей работе.

Верхняя Пышма. Совершенно необычное древнее сооружение обнаружили краеведы в лесу неподалеку от санатория «Селен». Каменный стол, сложенный из трех громадных гранитных плит, по внешнему виду напоминает дольмен — мегалитический (т.е. сложенный из больших камней) древний памятник. Классический дольмен представлял собой род искусственной пещеры и устраивался из пяти каменных плит; служил семейной усыпальницей или одиночной гробницей. На территории России дольмены были известны на Кавказе и в Крыму. С какой целью возводили каменный столб наши уральские предки? Сколько лет этому памятнику? Почему до сих пор археологи не обнаружили и не описали его? На эти вопросы предстоит ответить ученым.

В. Непомнящий

Египет. Останки динозавра, жившего 65 миллионов лет назад, обнаружила в египетском оазисе Бахария экспедиция Пенсильванского университета (США). Впервые скелеты динозавров, причем четырех одновременно, были найдены в этом оазисе еще в 1900 году. Помещенные в музей в Мюнхене, они погибли в апреле 1944 года, когда город подвергся налету британской авиации. Остались только описания коллекции и раскопок. Спустя почти сто лет группа палеонтологов решила продолжить раскопки в Бахариин, и натолкнулась там на окаменевшие кости. Позже выяснилось, что это останки передней конечности огромного динозавра. Вскоре из земли извлекли еще несколько частей скелета «мальша» весом 70 тонн, который без труда мог заглянуть в окно третьего или четвертого этажа современного дома.

Наталья Шило

Павел ФЕФИЛОВ, Комсомольск-на-Амуре

Земля Сидорова

Исполнилось 175 лет со дня рождения Михаила Константиновича Сидорова - русского промышленника, ученого и общественного деятеля, поборника всестороннего освоения Севера России. Пример его жизни и борьбы, историческая последовательность его открытий поучительны для нас и могли бы преподать полезный урок нынешним предпринимателям.

Публикуем главы из очерка Павла Фефилова, посвященного жизни и деятельности М. К. Сидорова.

М. К. Сидоров

Предтеча северного мореходства

Удобные и дешевые пути сообщения юга с севером и запада с востоком были ключом к кладовым Сибири, дорогой в будущее русской промышленности.

Отвечая на многочисленные ходатайства Латкина и Сидорова, и мнение Государственного совета о предоставлении им исключительного права на пароходство по реке Печере и ее притокам, а также Печерскому лиману, царь соизволил это высочайше утвердить и повелел исполнить. Но Го-

сударственный совет оставлял за собой право лишить учредителей привилегии, если пароходство не будет заведено в первые три навигации.

Первый пароход, приобретенный Сидоровым на Волхове у петербургского заводчика Л. Э. Нобеля и названный «Печерой», подошел в августе 1864 года. В качестве жидкого топлива он использовал нефть — с тем, чтобы в будущем году отправить экспедицию с Печоры на Енисей через Ледовитый океан. Запаса каменного угля на такое продолжительное время взять было невозможно. Однако из-за препятствий экспедиция не состоялась, а пароход «Печора» через несколько лет утонул после ледохода.

А готовилась экспедиция тщательно. Были сделаны промеры всего Печорского залива, обследованы все банки и мели с двух сторон, открыт вход в океан из Печерского залива, обозначен фарватер устья Печоры, поставлены на берегу залива башни и знаки. На нескольких языках было составлено руководство по плаванью в устье Печоры, подробная карта на английском языке — для удобства моряков, перевозящих с Печоры в Кронштадт лес на иностранных кораблях; определены суточные приливы и отливы в Печорском заливе и составлены их таблицы; исследован и определен фарватер для входа кораблей в Печору с океана; подготовлены из местных жителей лоцманы для ввода и вывода кораблей; изучены местные условия заготовки лесов и сплава их по реке Печоре, чего прежде никогда не производилось. До начала деятельности Сидорова на Печоре не было даже карты морского пути.

Владелец Печорской компании не только обеспечил работой значительное количество населения, но и создал для рабочих условия, по тем временам необычные: они жили много лучше, чем на других предприятиях, больше получали, их рабочий день был короче...

Без развития судоходства невозможна была бы добыча отечественного графита. Сидоров в своих

записках пишет, что сибирский графит имеет огромное значение для сталелитейного дела в России: «В этом отношении наше отечество находится в зависимости от иностранцев: в случае войны и неполучения с острова Цейлон через иностранцев на наши казенные заводы графита, нам невозможно иметь хорошие пушки, равно и лучшую сталь для другого оружия...»

До 1863 года, когда в Туруханском крае Сидоровым добыто и отправлено около 20 тысяч пудов графита, который шел тремя путями: первый — наверх по Енисею до города Енисейска, волоком до Томска и затем по рекам Тазу и Оби до города Екатеринбурга; второй — по рекам Тазу и Оби до Тобольска; третий — прямо по тундре от Туруханска в Обдорск (нынешний Салехард). Благодаря одновременной доставке по разным путям, графит достиг России и Европы, несмотря на множество всевозможных затруднений.

А 27 июля 1866 года в Печорский залив впервые зашли одновременно восемь голландских судов. В порту их встречали салютом с других кораблей. Отплывая в обратный путь, капитан одного из голландских транспортов Минк, восхищенный столь теплым приемом, переименовал свое судно «Клейтон» в «Печору».

Сидоров первым отправил под русским флагом за границу на своем судне «Ломоносов» партию печорской лиственницы. В течение последующих десяти лет на 70 судах, своих и зафрахтованных, в Кронштадт и Петербург он доставил около 700 тысяч куб. футов древесины, которая успешно заменила ранее завозившийся для судостроения американский тик.

Пять навигаций, начиная с 1876 года, водил с Печоры на Балтику 240-тонный барк «Ломоносов» русский шкипер В. Ф. Матизен. Он соединил на своих ходовых картах с северными морями не только воды Балтики, но и испанский порт Кадис, что возле Гибралтара.

«Я доказывал, — читаем у Сидорова, — возможность прямого морского пути из Европы через Карское море в устья Оби и Енисея и принимал разные меры. Но до открытия морского пути смотрели на меня как на фантазера, который разоряет себя для осуществления своей несбыточной мечты. Я не встречал сочувствия ни в ученых, ни в промышленниках: администрация не только меня не поддержала, но противодействовала стремлению доказать богатства Севера и желанию осуществить свою идею и развить промыслы на Севере. Это стоило мне, при противодействии администрации, всего моего состояния».

Сидоров обосновывает идею транспортного

сообщения между европейской частью страны и Сибирью через моря Ледовитого океана или по полярному побережью. С этой целью в 1852-1880 годах он предпринимает за свой счет ряд крупных экспедиций. Высказывает Михаил Константинович и идею прокладки канала между бассейнами Оби и Печоры через Ямал в обход наиболее трудного для плавания района Карского моря. Выдвигается проект строительства железной дороги, соединяющей устья великих рек с незамерзающими бухтами на мурманском побережье.

И вовсе не случайно сибирская река Таз в начале XVIII века была конечным пунктом великого морского торгового пути. Его проложили поморы от беломорских берегов в «златокипящую» Мангазею — шумный торговый центр России.

Рука об руку с Норденшельдом

Основным делом всей жизни М. К. Сидорова стала организация морских плаваний из Европы к устью Оби и Енисея. И судьба не могла его не свести с другим фанатиком Севера — Нильсом Адольфом Эриком Норденшельдом. Имя этого шведского ученого было широко известно. Он был крупным минералогом и многие годы посвятил экспедициям на Шпицберген.

Их встреча произошла 20 октября 1868 года в норвежском порту Тромсе. Норденшельд прибыл на судне «София» из экспедиции на Шпицберген, а Сидоров приехал в Норвегию, чтобы зафрахтовать суда для плавания по сибирским рекам.

«В Тромсе, — писал М. К. Сидоров, — я был в то время, когда академик Норденшельд только что возвратился из путешествия на Шпицберген, где едва не погиб. Он показал мне пробоины на пароходе «София», сделанные льдом. Но, когда я начал рассказывать о Карском море, об устьях Енисея, о неудавшихся моих попытках, он забыл все недавние лишения и трудности и так воодушевился, что готов был плыть немедленно в Карское море...»

М. К. Сидорову удалось тогда договориться с одним из норвежских судовладельцев об аренде корабля для плавания на Обь и Енисей, и он условился с Норденшельдом, что тот возглавит эту экспедицию. Они расстались друзьями. Норденшельд подарил Сидорову альбом с видами Северной Норвегии и русской Лапландии. Среди 95-ти фотографий находились и снимок парохода «София», и портрет Норденшельда, которому в это время было 36 лет.

Так началась дружба людей, посвятивших свои мысли и дела изучению и освоению Арктики.

Но снаряжение экспедиции оказалось гораздо

сложнее, чем ожидалось. Требовалось разрешение русского правительства на право входа иностранных судов в Обь и Енисей. Пока решался этот вопрос, корабль, в связи с истечением установленного срока, отправился на ловлю китов в Северную Атлантику. Норденшельд решил напомнить Сидорову о совместных планах. 14 февраля 1869 года он пишет из Стокгольма:

«Как идут дела с Вашим проектом северо-полярного плавания? Я очень интересуюсь им, охотно принял бы участие в таком предприятии». Получив это письмо, Сидоров обратился в Русское географическое общество с просьбой воспользоваться готовностью Норденшельда, энергия и опытность которого предвещали верный успех задуманного дела. Он просил употребить на организацию экспедиции в Карское море 3700 рублей, внесенных им в кассу.

В другом из писем Норденшельд писал Сидорову, что ученой экспедицией всего лучше удовлетворятся коммерческие интересы. Экспедиция только географическая или только коммерческая не достигнет большой пользы. А научная никогда не останется без результатов и покажет, что Карское море всегда замкнуто в Карские Ворота, но в любое время года доступно или севернее — через Маточкин Шар, или южнее — через Югорский пролив.

«Во всяком случае, должен быть произведен опыт, и если могу надеяться на Ваше радушное предложение 3700 рублей, то я достану здесь остальные деньги, — писал Норденшельд, — и в лето 1870 года снаряжу экспедицию с 2 или 3-мя зоологами и геологами — и если возможно, то состоящую из двух парусных судов, из которых одно должно проникнуть к Обдорску (ныне Салехард. — Авт.), другое же должно остановиться для ученых исследований на Новой Земле».

Однако вскоре выяснилось, что русское географическое общество отказало Сидорову в его просьбе, и Норденшельду пришлось пока расстаться о мыслью о плавании к Новой Земле в Карское море.

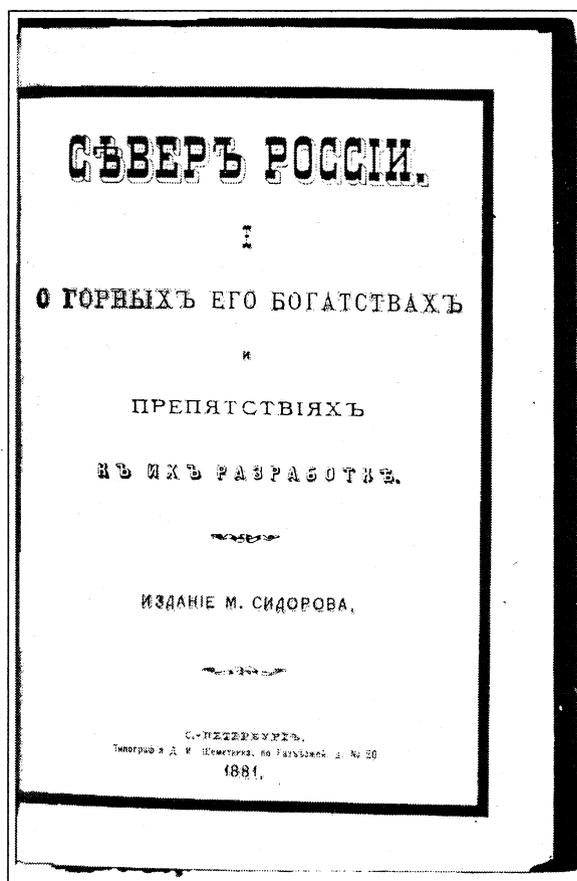
Не находя поддержки на родине, Сидоров объехал важнейшие портовые города Скандинавии, Англии и Германии. Он заводил знакомства с известными северными мореплавателями и убеждал в доступности Карского моря для плавания. Он даже назначил премию в 14 тысяч рублей — тому судну, которое первым войдет в Енисей и возьмет там груз графита.

На этот призыв откликнулся отважный английский капитан Виггинс. В 1874 году на пароходе «Диана» он пересек Карское море и вышел в Об-

скую губу. В следующую навигацию Виггинс на пароходе «Темза» дошел до Енисейского залива, на тысячу верст поднялся по Енисею и бросил якорь в реке Курейка, где находились графитовые прииски Михаила Сидорова.

Но этот долгожданный рейс совершил не русский, не свой корабль, и Сидоров поручает опытному мореходу Д. Н. Шваненбергу провести в Петербург из Енисея парусное судно. Первая попытка оказалась неудачной: специально построенная шхуна вышла из строя. Но через год Шваненберг выполнил поручение.

Помог случай. За товаром, оставленном на зимовку Норденшельдом, пришла баржа. Но товар уже вывезли пароходом, и хозяин согласился продать баржу. Ее быстро превратили в парусник, назвали «Утренней зарей» и загрузили графитом. Плоскодонная баржа без киля меньше всего походила на стройную парусную шхуну. Длинной она была в двадцать метров, шириной чуть больше четырех и вмещала около ста тонн груза. Вся ее ко-

Книга М. К. Сидорова 1881 г. издания

манда состояла из капитана, двух штурманов и двух матросов.

9 августа подняли паруса, и «Утренняя заря» отправилась в плавание, беспрецедентное в истории отечественного торгового мореходства. Енисейский залив проходили в тумане и беспрестанно бросали лот. Первоначально курс проложили мимо острова Белый через Байдарацкую губу к проливу Югорский Шар. Но задул сильный встречный ветер, и Шваненберг решил пройти коротким путем, через пролив Маточкин Шар. Чем ближе подходили к Новой Земле, тем тяжелее становились льды. 16 августа подошли к Маточкину Шару, но узкий пролив, прорезающий Новую Землю, был плотно закупорен ледяными глыбами. Пришлось повернуть на юг и идти к Карским Воротам.

Удивительно, как парусная баржа не была раздавлена льдом! Оказались поврежденными только форштень и руль, но экипаж быстро справился с аварией. Налетевший шторм прижимал шхуну к скалистому берегу в Карских Воротах, и только присутствие духа и опыт Шваненберга и штурмана Нумелина спасли шхуну от гибели.

Через Баренцево море плавание проходило довольно спокойно. 30 августа «Утренняя заря» стала на якорь в порту Варде. Уважение к русским,

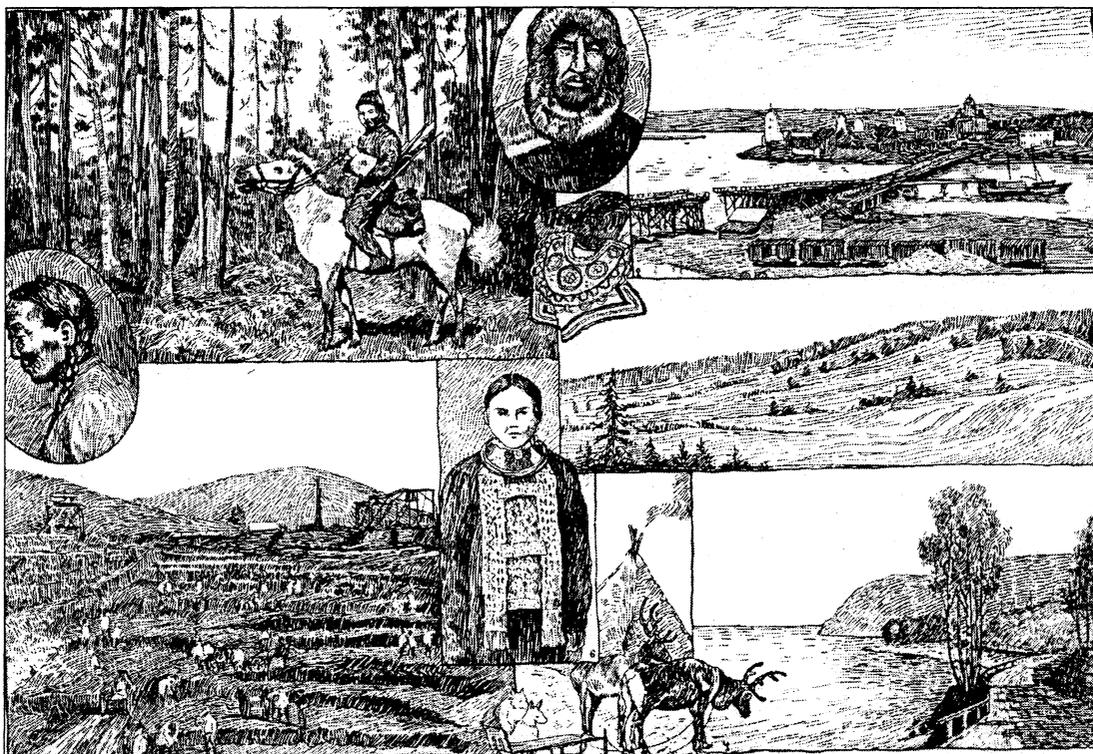
совершившим это удивительное плавание, было так велико, что в Норвегии, Швеции и Финляндии, куда заходил парусник, дамы дарили экипажу букеты цветов и свои фотографии, а капитану Шваненбергу (кстати, выпускнику Архангельского мореходного училища) посвящали стихи о победе, совершенной над грозной стихией.

Шведская столица, как и другие скандинавские порты, восторженно приветствовала героический экипаж.

Великий полярник А. Э. Норденшельд приехал для встечи из Парижа. В Королевской академии наук были выставлены для обозрения сибирские коллекции, доставленные «Утренней зарей». Инициатором и снаряжителем экспедиции был М. К. Сидоров.

Норденшельд телеграфировал ему: «Сердечное поздравление смелое подвигу, который всегда будет вспоминаться с гордостью в летописях русского мореходства. Пусть «Заря» рассеет мрак, который препятствовал верному суждению о состоянии судоходства в Сибири».

19 ноября 1877 года «Утренняя заря» опустила якорь на грунт у Васильевского острова в Петербурге. Долгий путь к океану, начатый когда-то гимназистом Сидоровым в Белом море, был завершен.

Анатолий ОЛЬХОВИКОВ, г. Чусовой

Успенская обитель

*«Вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя».
Апостол Павел. «Послание к римлянам»*

По почину Трифона Вятского

В глубинном местечке Успенка, куда от Чусового по заснеженным или размокшим от слякоти дорогам часа полтора-два добираться, а от Перми — и суток не хватит, живет и здравствует монастырская община. Впрочем, отец Кирилл называет свое братство скитом. Спервоначально это напоминает нечто старинно-раскольничье.

Вопреки логике, прежний монастырь упразднила не советская власть, а Екатерина Великая в 1764 году, передав богатые земельные угодья солепромышленникам Строгановым, и вместо общины, основанной некогда великим праведником, преподобным Трифоном Вятским, остался лишь действующий храм. Ну а уж с храмом произошла банальная история: закрыт в тридцатые годы, весь причт отправлен на Соловки — первый филиал ГУЛАГа. И вся недолга. Каменную церковь, как водится, с обычным цинизмом использовали под зерносушилку, под склад цемента и комбикорма.

Ныне возрожденный скит находится под призором Свято-Троице-Стефановского монастыря в Перми и не имеет статуса юридического лица. Церковные насельники, с благословения Наместника епархии, Афанасия, появились еще в 1996 году. Стараниями отца Кирилла не без препон организована воскресная школа. Едва ли не треть ее учеников — из местной начальной школы. Собираются в гостиную арендуемого скитом жилого дома в выходной день, в четыре часа пополудни. Здесь в веселом и живом общении с детьми на пару часов забывает их наставник о пока еще немногочисленных взрослых прихожанах, о каждодневной трагедии агонизирующего села, где рабочие совхоза годами не получают зарплаты, довольствуясь жалкими подачками «натурой», а десятки ребятишек из неблагополучных семей голодают и остаются без призора. Всех не обогреешь, не накормишь, но уж питомцам воскресной школы всегда готов вечером и стол, и дом.

Возвращаясь к истории, вспомним: семя монашеской жизни, брошенное преподобным Трифоном

Вятским, проросло и дало плоды усилиями и бдением ученика Трифона — Иоанна, ставшего первым игуменом монастыря Успенья Святой Богородицы.

О своеобразном укладе монастырской жизни и уникальных реликвиях, некогда собранных тут, рассказывает в своей книге чусовской историк О. Южаков: «Ежегодно 8 октября праздновался день святого преподобного Трифона Вятского. За неделю выносили из храма икону святого в часовню на месте хижины подвижника, а в канун праздника торжественный крестный ход вносил икону обратно в храм, где она устанавливалась для всеобщего поклонения и целования.

Есть сведения и о других реликвиях. В том же храме находилось еще четыре иконы с изображением преподобного Трифона. Одна — большая, писанная на доске, — висела с левой стороны, за клиросом. В центре — образ святого, а по сторонам — его деяния, числом 20, особо выделенные для назидания и поучения безымянным иконописцем. Правда, некоторые сценки не совсем соответствовали исторической действительности. Так, гонители Строгановы на суде, перед которым предстает святой, изображены в парадных костюмах XVIII века.

Вторая икона — у левого клироса в иконостасе: преподобный изображен со свитком в руках. Третья — аналойная: святой также один в центре, а в левом углу — Господь, благословляющий его. Четвертая представляла явление Богородицы Трифону.

Впрочем, не всегда мастера в церковной иконописи и утвари были безымянны. К примеру, древний серебряный напестольный крест отмечен был надписью, что сделал его в обитель Успенья Пресвятой Богородицы инок диакон Иаков, сын Василия Пучкина, внук Никифора Глазунова.

Но вот еще поразительное явление наших дней: в Успенке возродилась и эстафета отшельничества в вере, пример какого подал преподобный Трифон. Почин подхвачен одним из братии Свято-Тро-

ице-Стефановского монастыря, иноком Андреем, который вырыл земляную нору неподалеку от скита и пребывает там в молитвенном служении Господу. Время от времени он посещает успенский храм по субботним и воскресным службам. Там же хранятся его ряса и клобук. И простясь со скитскими, вновь уходит к себе с рюкзаком, в котором скудные даяния единоверцев: крупа, сухари, овощи.

Скитские и миряне

Бывшая кладбищенская церковь Всех Святых, ныне действующий храм при женском монастыре на Метешной горе. 90-е годы XX века.

Монастыри и пустыни на Руси зачастую давали начало селам и городам. С самых истоков. Где-нибудь в первозданном уголке природы, за тысячи немерянных верст от столиц, строили первые схимники для себя убежище (был бы рядом ручеек или родник) — и, взыскуя о Боге, спасали души свои от мирской скверны. Но как ни таились — о них узнавали окрест бортники, охотники, старатели, рудознатцы и прочие вольные люди. Еще более притягательны были такие молитвенные убежища для беглого люда. Приходили к схимникам за благословением, отдавали от щедрот малых кто ковригу хлеба, кто кринку молока или горшочек с маслом. Многие с благословения обители селились рядом, распахивали пустоши, корчевали вырубки. Росла и ширилась сама обитель, обрастала крепкими стенами. Замаливали тут кровавые грехи разбойники. И не выдавали монахи мирскому сыску ни беглых, ни татей — если те начинали праведную жизнь с чадами и домочадцами. Ибо нет прегрешения, неискупаемого после истинного покаяния.

Шли десятилетия — и рос посад, с умножением достатков мирских превращаясь в город. Тому примеров не счесть, но вот самый известный — Троице-Сергиев посад возле знаменитой на весь мир лавры, где когда-то первый на Руси святой, Сергей Радонежский, дал благословение князю Дмитрию на поле Куликово. А Киево-Печерская лавра? А легендарные Кижы?

Или — в нашем рассказе — Успенка с названием от старинного монастыря. Богатейшее в дореволюционном прошлом село, разоренное в советские времена, повергнутое навзничь перестроечным лихолетьем. Сказать, что Успенка на грани выживания — слабо. Скукожившееся до размеров деревеньки село спивается. Местный совхоз, передаваемый с рук на руки чувсовской администрацией своим ставленникам, практически недееспособен.

Трагедия усугубляется тем, что по ресурсам и экономическим возможностям перспектива отнюдь не так уж плоха. Есть лесоразработки, не требующие особых затрат, с одновременным производством пиломатериалов, имеющих устойчивый спрос. В изобилии дикорастущих трав можно наладить пасеку (частные здесь процветают, производя для районного рынка мед высокого качества). Можно добывать и рыбу. Но... Разбегаются, кто куда, последние специалисты и квалифицированные рабочие.

Да что Успенка? Обезлюдела вся округа. По данным главы местной администрации Е. П. Волеговой, на октябрь 1970 г. в ведении сельсовета находилось 11 деревень с населением в 1058 человек и 317 хозяйствами; а к 2000 году число деревень сократилось до шести с населением в 425 человек и 153 хозяйствами.

И все же пессимистом быть не хочется. Гордостью наполняет душу богатое культурно-историческое

кое наследие этих мест, сильное корнями православной веры и трудовыми традициями. С рукоделием, пряжей, плетением корзин и кружев, обилием умельцев-плотников, знакомых с деревянной резьбой, иконописью и прочими промыслами и ремеслами. Пусть по части умельцев и оскудела округа, но эти дивные места и ныне обильны рыбой и зверем, строевым лесом и дичью. И столь редки по красоте, что человек, заехав сюда по летней поре, не сможет остаться равнодушным. Перед глазами с возвышенности у храма расстилаются луга, поля, перелески, а далее — сплошные боры. Справа и слева пространство окаймляется берегами реки Чусовой, а на противоположном берегу как бы с высоты птичьего полета видно село Нижнечусовские Городки со старинной церковью.

Лет триста назад эта местность была и вовсе дикой и нетронутой. В половине горы, между двумя оврагами, давным-давно была построена часовня, варварски разрушенная. Рассказывает один из старожил, Александр Александрович Перминов:

— Как сейчас помню: три трактора С-80 отстояли от колокольни метров за пятьсот — чтоб, значит, усилить плечо рычага, и тянули тросом за основание фундамента, хотели разом свалить, да не поддалась матушка. Полдня бились — пока не догадались расположить выход тросов из окон. Паладала колокольня тихо и строго, будто древний часовой. Вся целиком на землю рухнула. И разбить кладку почти не получалось. Может, и набрали битого кирпича на четыре-пять печей, а рассчитывали выстроить десяток домов. Обмишурились, а святыни дедовской не вернуть...

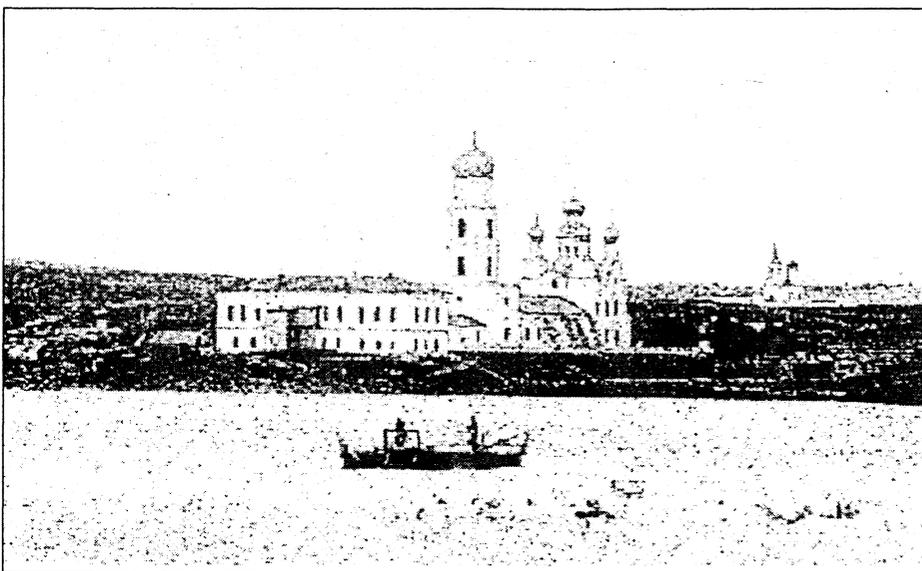
Сам я крещеный, но в церковь не хожу. Вот бла-

говерная моя службы посещает, если больные ноги позволяют. Может, внуки наши храмы достроят. Их, внуков, у меня 21 и три правнука. Почти все разъехались. А может, им, по нынешнему смутному времени, тоже не до храмов? Благо, что храм в Успенке спасся. И на том судьбе спасибо...

Действительно, даже обшарпанный, с выбоинами, разномастными «заплатами» заделанных раствором углов, храм поражает величием и суровой простотой. Из доброго десятка бесед с мирскими об отношении к монастырю, никто не сказал о братии худого слова. Еженедельно совершаются требы в храме, вполне терпимо относятся к наезжающим в скит паломникам издалека. Почему?

И вот тут обнаруживается еще одна причина, благодаря которой в успенской жизни можно увидеть свет в конце туннеля. Монахи и послушники скита, возраст которых в большинстве колеблется от 23 до 28 лет, отнюдь не затворяются наглухо от мирских людей, от малых радостей и бед односельчан, никогда не подчеркивают в общении свою, как говорится, внутреннюю автономию. Делятся продуктами в сыром и вареном виде, не уклоняются от советов, не демонстрируют на словах фанатическую иступленность в вере своей. Это не миссионерский скит, а малая обитель милосердия. В этом — главная суть. Именно поэтому ни одна их трапеза не обходится без двух-трех, а то и десятка местных ребятишек. Никогда не уходит с пустыми руками женщина-домохозяйка, забежавшая «на огонек», попросить немного крупы, а то и десятку в долг.

(Окончание следует)

Общий вид женского монастыря на Метейной горе, получившего ныне название Верхне-Чусовской Казанской Трифоновой пустыни. 90-е годы XX века.

Юрий ЛИПАТНИКОВ, Екатеринбург

НЕЙРОХИРУРГИ

19 марта нынешнего года Указом губернатора Свердловской области Э. Э. Росселя Уральскому межобластному центру нейрохирургии присвоено имя Д. Г. Шефера (1898-1978).

Давид Григорьевич Шефер — легенда медицины. Он не только основал в Екатеринбурге клинику, но и создал уральскую школу нейрохирургии.

Рождением он — из семьи служащего бывшей Киевской губернии. Учился в гимназиях Черкас, Гомеля, Астрахани. Перед самой гражданской поступил на медицинский факультет Саратовского университета. Но учебу то и дело приходилось прерывать: то его мобилизовали помощником лекаря на один из участков Царицынского фронта, то посылали лекарем в полевые госпитали. Только в 1922 году он получил заслуженный диплом ВУЗа. Трудился на разных участках молодой советской медицины — пока не оказался в ростовской клинике первых болезней и нейрохирургии им. проф. П. И. Эмдина. Прошел все ступеньки медицинской лестницы: экстерна, ассистента и старшего ассистента клиники, научного сотрудника краевого института нейрохирургии. Совершенствовал знания, вел научный студенческий кружок, читал лекции, а в 1936-м защитил диссертацию на степень доктора медицинских наук. В 1937-м по конкурсу избран зав. кафедрой нервных болезней Свердловского медицинского института и одновременно стал председателем областного общества невропатологов и психиатров.

Эти скупые строки из автобиографии, написанной Д. Г. Шефером в 1937-м. Она уложилась на полтора желтых и ломких от времени страницах.

Потом были Халхингол и Хасан, финская, а затем и Великая Отечественная... Кто-то убивал, калечил, а Шефер и его клиника возвращали людей к жизни. С первых дней войны при эвакогоспитале № 1825 развернуто нейрохирургическое отделение, выросшее затем в госпиталь и превращенное в консультационный центр.

В 1944 профессор Шефер в качестве консультанта совершил поездку на I Украинский фронт и оставил о ней свои воспоминания «Дела и люди одной армии». Работу Давида Григорьевича в действующей армии правительство отметило орденом Отечественной войны II степени.

Но главная работа, конечно же, была в тылу — в госпитале, клинике, аудитории.

Нельзя не привести строки из воспоминаний доктора медицинских наук, профессора Ольги Владимировны Гринкевич. События относятся к 1963 году. «Госпиталь тогда возглавляла Анна Моисеевна Есикова, человек очень доброжелательный. Она пошла навстречу Давиду Григорьевичу, взяв его кафедру и создав клинику на базе госпиталя. До этого кафедра располагалась под крышей Института физиотерапии и курортологии.

... В госпитале нас встретили очень доброжелательно. Ведь госпиталь ожил с приходом кафедры. Я даже считаю для себя, что это были самые лучшие ее годы. Давид Григорьевич привлек врачей к науке. Начались конференции, совместные заседания кафедры и разборы больных. Врачи волей-неволей должны были готовиться, читали, размышляли, волновались, хотели показать себя лучшим образом. Ведь, когда понимаешь, тогда и любишь по-настоящему свою работу».

Судьба госпиталя стала теперь и его судьбой.

«Каждый день я советуюсь с ним», — сказал в своих воспоминаниях об учителе Семен Исаакович Спектор, нейрохирург, начальник Областного госпиталя ветеранов войн, зам. председателя Правительства Свердловской области, Почетный гражданин г. Екатеринбурга.

Мы предлагаем вниманию наших читателей очерк «Нейрохирурги», который дает представление об этой сложнейшей области медицины, о школе медиков-нейрохирургов, созданной Д. Г. Шефером, и, наконец, о стиле работы этого замечательного врача.

Очерк написан в 1977 году публицистом «Уральского следопыта» (ныне покойным) Ю. В. Липатниковым, бывшим заведующим отделом науки, и был напечатан в журнале «Урал» (публикуется в сокращении).

Утренним часом в золотое бабье лето я повстречал давнего приятеля. Мы стояли в городском саду, и осень задумчиво обрывала с кленов и тополей листья, будто пересчитывала их... Обычно бурный, мой приятель был тих, как после внезапно налетевшей болезни. Я расшутился было по поводу его смиренности и осекся. Оказывается, у него горе...

Его дочь, двадцатилетняя Наташка, веселая студентка, неугомонная собачница, воспитавшая грозную овчарку, неутомимая туристка... погибла. В турпоходе и погибла. На дивном озере Увильды. Был вечер. Туристы отужинали, и Наташка, как это часто бывало, ушла к озеру мыть посуду. И не вернулась. Поискали — нет. Поехали в Свердловск — и дома нет ее. Мой приятель взял овчарку Дину и поехал на Увильды искать дочь. Дина привела к тому самому месту, где ее веселая хозяйка мыла посуду. Тут Наташа и утонула. Девушку коварно настиг на берегу эпилептический припадок...

Я решил рассказать эту печальную историю научному консультанту клиники нейрохирургии и нервных заболеваний, уральскому неврологу и нейрохирургу, заслуженному деятелю науки РСФСР Давиду Григорьевичу Шеферу. Так началось мое знакомство с клиникой Шефера, с его школой.

Нейрохирургия — дитя нашего, техничного, точного века. Впрочем, стоп-стоп! Это уже разговор долгий. Нейрохирургию надо видеть. Там — в клинике, в действии!

Понедельник. Операция.

Через десять минут — операция... Устрашающе-таинственно и мучительно для непосвященного зрелище сечения живого тела! Заранее стихаешь, и это, конечно, видят они, хирурги...

— Вы с нами? — спрашивают и привечают шуткой:

— Значит, будете ассистентом!

— А вы бывали на операциях? — Видел, как зондируют сердце... — Ну и хорошо. Сегодня увидите опухоль правого полушария...

А их руки, красные от щеток, и при разговоре энергично трутся и плещутся в тазах, как пойманные рыбины.

— Заинтубировал!

Это подошел анестезиолог Борис Барак.

— И мы готовы! Танечка, полотенца, пожалуйста!

Нейрохирурги Анна Савватеевна Иванова и

Д. Г. Шефер

Лев Иосифович Садовский идут с поднятыми руками, сдаваясь в плен стерильности. А затем старшая медсестра Таня Таскина ловит в растянутые перчатки одну за другой руки Садовского и Ивановой. Нейрохирурги подходят к операционному столу.

Больной спит. Ему уже сделана интубация: трубка от дыхательного аппарата введена в трахею, и с этой минуты в легкие подается смесь воздуха с обезболивающими веществами. Мошка укусит — и то человеку больно, а сегодня операция кропотливая, долгая, под местной анестезией ее не проведешь. Хоть и верно это, что боль — сторожевой пес здоровья, потому что предупреждает организм об опасности, но если она непереносима, то операция невозможна.

— Наверно, будет кровить — не пугайтесь.

— Почему?..

— Почему кровить? Опухоль богата сосудами, и, убирая ее, придется идти по ним...

Бритую голову больного протирают авиационным бензином, спиртом и потом ярко обмазывают йодом. В белизне операционной появляется оранжевое пятно. Оно — центр происходящего. Садовский слева от пятна, Иванова — справа. Они переговариваются, намечая зеленкой место разреза.

— Маски глушат слова, вы так не услышите, о чем они говорят. Подойдите ближе... — это Барак. Подхожу.

— Не задеть бы вас!

Садовский это сказал, не обернувшись, а только поподнимал локоть, как птица связанное крыло, и я понял, что он опасается задеть халатом мой халат и нарушить стерильность. Отхожу.

— Не сгибайтесь! Лампу не заденете, она высоко... Это опять приветливый Барак. Похоже, он помогает мне найти свое место в операционной.

— Ликвор светлый?

— Светлый.

— Хорошо.

— Сколько взяли?

— Два кубика.

— Достаточно.

Это подготовка к трепанации. Надо выпустить немного спинно-мозговой жидкости — ликвора, чтобы мозг чуть опал и между костью черепа и нежным веществом свободно ходила пила, не царапая, не рана.

Садовский открывает кость. И вот уже коловоротом с фрезой по кругу высверливаются отверстия. Инструмент переходит из рук в руки: сверлит Садовский, сверлит Иванова, безошибочно угадывая момент, когда фреза проходит кость и нависает над оболочкой самого мозга...

— Пилку!

Пила — это шершавый провод с поперечной оплеткой. Ее проводят через соседние отверстия и быстро, с силой перепиливают перемычку. И так по кругу. Все — выпиленный люк поднимают и обрачивают салфеткой. Кость должна быть стерильной. В конце операции ее надо поставить на место. Неглавный этап операции пройден. Виден мозг... Укрытый прочными оболочками, он медленно поднимается и опускается в такт пульсу больного.

Дышит мозг... Нейрохирурги оглядывают плетение алых сосудов, палец нажимает на мозг, идет по какой-то невидимой границе. Как нейрохирурги различают опухоль? Например, по сглаженному рельефу пораженного мозга, когда извилины становятся менее выразительными.

— Тумор здесь...

— Да, Лев Иосифович, и сюда заходит, чуть левее.

— Верно, вижу.

Левая рука Садовского придерживает голову, рука со скальпелем примеривается — и распаковывает наружную часть твердой мозговой оболочки. Теперь ее надо отслоить от внутренней, это на тот случай, если мозг неуправляемо начнет выбухать через разрез и его надо будет закрывать оболочками, будто листьями.

Тихо. Садовский придвинулся к столу, заслонил операционное поле и что-то там молча и энергично делает. Бесшумно дышит автомат. Это о нем анестезиологи говорят, что он в буквальном смысле освободил им руки. Ведь было так: долгие часы, пока идет операция, приходилось сжимать мех, чтобы больной дышал, и нельзя было пропустить ни одного сжатия-разжатия, ибо это вдох и выдох. А теперь известен случай: в одной клинике уже более десяти лет живет больная, ни на минуту не расставаясь с дыхательным автоматом. У нее ясное сознание, она читает, смотрит телевизор.

Сестра-анестезист держит левую руку на пульсе больного, а правой чертит график кровяного давления. Она ведет стенограмму операции: пульс, давление, температура...

— Ток!

Это Садовский уже входит в вещество мозга — кровит. Он прищипывает пинцетом перерезанные мелкие сосуды. Клювик пинцета касается сосуда — следует электрический разряд, прижигающий ткань. Своеобразная микросварка, ее называют диатермией. Потрескивают разряды, пинцет в ране то тут, то там клюет сосуды. В другой руке нейрохирурга салфетка, ею он убирает набежавшую кровь. Кажется, сухо. Нет, нет, в глубине пульсирует фонтанчик...

— Перекись!

Салфетка, намоченная перекисью водорода, в ране. Так вызывают свертывание крови. Нет, по-прежнему кровит.

— Какой ток? — спрашивает Садовский.

— Полтора.

— Два!

Чуть громче треск, усиленный разряд справляется с фонтанчиком. Сухо, всюду сухо.

— Видите, где желтое, там опухоль...

Это мне. Иванова может отвлечься и объясняет:

— Сейчас потихоньку будем выбирать опухоль. Она не в капсуле, капсульную легче было бы взять. Здесь все перепутано. Глиома! Здоровые клетки перемешаны с опухолевыми. Да, конечно, все, все надо убирать...

— А место, где была опухоль? Там останется пустота?..

— Мозг выправится и заполнит ее...

...Ниша получается скверная, сложной геометрии, никак не высветится, ибо кровит и кровит, и точно прижечь не получается. Быстро промокнуть это место салфеткой и прижечь. Получилось! Опять сухо.

... Вечер этого дня... Состояние больного Д., которого оперировали утром, тяжелое. Но доступен к контакту. На вопросы отвечает. Умеренно вы-

раженная слабость в правых конечностях.

Вторник. Профессорский обход.

Летят в урну недокуренные «беломорины» и сигареты. Ходячие спешат в палаты. Профессорский обход!

Доктор медицинских наук Евгений Николаевич Крупин тих, корректен, неприметен. Выслушает лечащего врача и негромко, экономно дополнит. Хоть и много врачей ходят из палаты в палату, но — ненарушенная тишина. Обход ведется в мягкой тональности.

Не то на другом этаже, не та манера у профессора Шефера. Вплывает белое облако халатов, а из облака — быстрая, живая, громкая речь профессора. Тут сверкнет шутка, там летит острое слово. Вихрь оптимизма пронесется по палатам...

Кажется, я верно понимаю темпераментную реакцию профессора. Человек долгую жизнь вез тяжелый воз. Работал хирургом на войне. Видел самые страшные раны. Постоянно отвечал не только за себя, но и за других. Шел и шел навстречу неуничтожимым недугам, и некогда было оглянуться. Теоретизировать о любви к больному? Ну, увольте! Тогда следовало бы спросить композиторов, любят ли они музыку, а у Чехова уточнить его чувство к русскому языку. Оставим и забудем сию тему... Если ты врач — ты Человек, если ты Человек, то обязательно станешь хорошим врачом или прогонишь себя из медицины. Мускулистая логика, ничего не скажешь. Или — или. Как иначе? Медицина — борьба.

Какие были удачи у клиники? В Свердловске впервые в стране создана «противоинсультная бригада скорой помощи». Статистики обобщили многолетний опыт оперативной помощи больным с нарушением мозгового кровообращения. Факт: смертность снижена в два раза. Теперь мы застигаем самое начало мозговой катастрофы. Раньше больного с инсультом держали дома до двух недель, опасались везти в клинику. Нынче у нас нет никаких сомнений: срочная госпитализация спасает людей. И этот метод распространяется по всей стране.

— Много пишут о росте заболеваний сосудов мозга...

— Во — сосуды! Это

наше направление: диагностика и хирургическое лечение этих заболеваний. Врожденное заболевание сосудов — это одно. Как следствие гипертонии — другое. Травмы сосудов — третье. Сосуды — это Крупин, Сакович, Слобин. Большие будут специалисты... Эпилепсия! Вот еще проблема. Нетнет, это не редкостная болезнь. Создана Лига по борьбе с эпилепсией. Издаются журналы, посвященные только ей. Кто в клинике крепко берется за эпилепсию? Скрябин, Бейн, Борейко. Этот еще и психиатр. Интересное сочетание: нейрохирург-психиатр. Мы организовали противозипилептический центр. Наши врачи еженедельно на общественных началах ведут прием. Уже помогли тысячам больных. Определили, кому помочь лекарствами, а кого оперировать.

— Как и вчера, больной Д. жалуется на головную боль, преимущественно в месте операции. Как и вчера, остается несколько оглушенным. Произведена перевязка, подтянуты дренирующие турунды. Наложена асептическая повязка.

Среда. Обследование больных.

...Хирург Владимир Сакович пришел к больному. Больной — не из его отделения, но попросили — и Сакович среди прочих дел пришел сделать ангиографию.

На столе лежит мужчина с обветренным лицом. Откроет, закроет глаза: ждет хирурга. Когда что будет происходить — не знает. Сакович сначала ему все и объясняет.

— Как зовут-то?

— Петр Афанасьевич...

Д.Г. Шефер среди сотрудников Управления эвакогоспиталей Облздраотдела (годы войны)

И зашевелился на столе — беседа! Наверно, любит в разговорах помахать руками...

— Тихо, тихо, дорогой!

— Понятно, доктор.

— Петр Афанасьевич, а что случилось, а?

— Рванули скалу — двоих сильно побило, а мне камень прилетел... В голову...

— Сознание потеряли, а, Петр Афанасьевич?

— Да нет...

— Так чего ж?

— Жена говорит: проверься да проверься... Толкует Сакович с Петром Афанасьевичем, а его руки кладут простынку на грудь больного, охорашивают её, чтоб без морщин лежала. Пальцы хирурга уже и шею ощупали, и иглу уже он успел взять...

— Ну а как так: рвете скалы, а не в укрытии?

— Да в обеденный перерыв грохнули. Не ожидали...

— А-а-а... Я вот тоже был однажды у взрывников. Как-то там по кругу закладывали заряды. Сзади рвут, а впереди закладывают. Опасно, черт! А бывает так, Петр Афанасьевич?

— Бывает! Да вот...

Петр Афанасьевич ворохнулся, родимую тему зацепил доктор, тут бы и поговорить!

— Тихо, тихо!

— Понятно, доктор.

Одно движение — игла в глубине. Поводил немного иглу хирург, еще движение, свободное и уверенное — есть артерия. Сакович подводит механический шприц.

— Петр Афанасьевич, сейчас введем лекарство. Секунд пять пождет в правой половине головы. Пождет, а вы не двигайтесь.

Контрастное вещество введено в сонную артерию, сделан снимок, Сакович разглядывает его у окна. И — больному:

— Ну что, Петр Афанасьевич, у вас все нормально... Петр Афанасьевич чуть не успел опустить ноги со стола, чтобы встать.

— Э, нет, нельзя! Я хоть и разрешаю своим больным вставать через два часа после этого дела, но в вашем отделении не так. Вам через сутки разрешат!

Петр Афанасьевич улыбается: шутник доктор...

Сакович тоже улыбается:

— Я вам ничего не говорил!

Живо, сочно и колоритно работает Сакович. Художественная натура. Слышал от его коллег: «эмоциональный», «вот Сакович умеет рассказывать», «он у нас способный», «специалист по сосудам».

Обход профессора Шефера Д. Г. в госпитале ИОВ (сер. 60-х гг.)

Сердечно-сосудистые заболевания — первая причина смертей. Во всем мире это объясняют старением населения, ростом числа пенсионеров. Но беда новая: болезни сосудов все чаще встречаются у молодых. В Америке ежегодно погибают, становятся инвалидами от мозговых инсультов четыреста тысяч человек. В Японии половина смертей — от сосудистых катастроф в мозгу. Сосуды мозга — это специальность Владимира Саковича. Инсульт... В этом быстром, как удар током, слове сжато много загадок для исследователей и врачей. Инсульт — это бесспорно авария. Но с какого момента организм вдруг пасует перед надвигающимся инсультом? Как кровь омывает мозг в норме и как в патологии? Как развивается ишемия — ухудшение кровоснабжения?

Один из быстрых методов диагностики — ангиография. Как раз Сакович и делал ее общительному Петру Афанасьевичу. Делается снимок головы после введения в кровь контрастного, непрозрачного для рентгеновских лучей вещества. Археологи, чтобы обнаружить оросительную систему, построенную древними людьми, используют аэросъемку, фотографируют этот участок пустыни с птичьего полета. И виднее система, скрытая песком. Врачам тоже надо увидеть кровеносную сеть мозга. Рентгеносъемка обнаруживает закупорку, сужение (атеросклероз) или смещение сосудов. На снимке нейрохирург находит аневризму (мешкообразное расширение сосуда) и зону кровоизлияния. Можно получить серию снимков — полнее будет картина сосудов. Прибегают даже к рентгенокиносъемке. Без всего этого нельзя решиться на операцию. Ангиография, к примеру, покажет, как кровь после разрыва сосуда все-таки нашла обход и питает мозг. Недопустимо не знать об этом обходном ручейке крови, потому что на операции можно перебить его и ... нет, быть такого не может! Обходное кровообращение с обкрадыванием крови из других участков мозга ученые назвали поэтично: эффект Робин Гуда. Сосуды, богатые кровью, помогают областям мозга, бедным кровью.

В рентген-операционной нейрохирургии Борис Слобин и Сергей Сулов. Больной — молод, с виду здоров, куда еще здоровее. У него плох всего-то один сосуд. Ему сделают операцию на этом сосуде, но без трепанации черепа. Как все будет — чуть ниже.

Почему могучему парню нужна срочная хирургическая помощь? Потому, что он может в любой момент погибнуть. Разгневайся безудержно или резко подними что-нибудь тяжелое — сосуд не выдержит. Обширное кровоизлияние в мозг... А вдруг такое произойдет в лесной глуши? Парень погибнет, словно его сразила снайперская пуля.

Открыта сонная артерия... В кровоток послано контрастное вещество, и оно, как надо, проникло в сосуды мозга. Теперь — снимок. Посмотреть сонную артерию, ее внутричерепной участок. Где дефект? Слобин и Сулов, убедившись в верности своих предположений, уходят к операционному столу продолжать дело.

Нейрохирурги вышли к самому главному. В открытую сонную артерию подают коагулянт, способствующий свертыванию крови. Кровь, став гуще, постепенно забьет пузырек аневризмы, заполнит его. Движение в аневризме прекратится, и образуется тромб.

Во имя этого и операция. Коли кровь не будет омывать изнутри аневризму — она отомрет, и останется на внешней стенке артерии только бляшка.

Крохотная аневризма — это разрывная пуля двадцатого века, которая хоть и не летит, но убивает... Теперь она не свалит с ног двадцатидвухлетнего парня. Теперь он здоров не только с виду!..

Так метод обследования, знакомая уже нам ангиография сочетается в современной клинике с операцией. Получив снимок, нейрохирурги затромбировали аневризму.

Четверг. Клиническая конференция.

В кабинете профессора Шефера двадцать пять человек, но число это переменное... Кого нет — заканчивают перевязки или обследования, а кого вот-вот позовут к тяжелому больному, и надо бежать, не дожидаясь, кивнул или нет профессор, разрешая уйти...

Шефер:

— Первое отделение! Садовский:

— Пятьдесят три больных. Четыре операции. Опухоли, межпозвонковые грыжи. Обследования: две ангиографии, две вентрикулографии, искусственное тромбирование..

Шефер:

— Второе отделение! Слобин:

— Сорок восемь больных. За неделю проведено шесть операций. Один летальный исход... Субдуральное кровоизлияние. Туберкулезный менингоэнцефалит.

Шефер:

— Что нашел патологоанатом? Слобин:

— Я был на секции. Большое кровоизлияние на основании мозга. Неоперабельное кровоизлияние... Шефер:

— Туберкулез секция подтвердила? Слобин:

— Да. Шефер:

— Дайте потом эпикриз... Оперблок, прошу! Заведующая оперблоком Галл:

— Проведено одиннадцать операций...

— Слушаем вас, Кириена Георгиевна, слуша-

ем! Три месяца вас не было. Голос не изменился, нет? Слушаем. Стоп! Почему одиннадцать операций? Шесть да четыре — десять. Одну потеряли?

— Был еще стереотаксис. Я делал. Шефер:

— Ага, нашли!.. Снимки девочки давайте разберем!

— Их еще нет. Через пятнадцать минут принесут. Профессор взглянул вверх, на потолок. Над кабинетом — рентген-операционная, и там сейчас делают ангиографию, и он видит эту рентген-операционную, потому что сам в ней не раз проводил обследования, и как бы убедившись, что дел там, похоже, не на пятнадцать минут, добавил:

— Трудная больная. Тяжелая. Представляет большой интерес. Красавина Ирина? Иринка? Да?

— Да.

Пауза. Нет, все-таки без снимков как-то не хочется начинать...

Шефер:

— У нас лежал тот телевизионщик. Чей он? Ваш, Татьяна Филипповна? Ушел уже? Не вижу что-то...

— Ушел, ушел с хорошим настроением...

— Это важно — с хорошим настроением.

— Больная — Красавина Иринка. Семь лет. Поступила 18 ноября. Частые рвоты. Ее мама говорит, что у девочки появились головокружения в конце прошлой зимы. Иринка даже отказалась от фигурного катания, которое очень любит. Лежала в неврологическом отделении городской больницы. Весной усилилась мозжечковая симптоматика. Была у нас на консультации.

Шефер:

— Я, кажется, консультировал.

Лечащий врач:

— Да, Давид Григорьевич.

— Помню, помню...

Лечащий врач:

— После консультации была предложена вентрикуло-графия. Мать от обследования отказалась. Рекомендовали лечение — гормоны. Летом мать повезла девочку в Москву, в институт. В институтской поликлинике ее смотрели.

Шефер:

— Диагноз москвичей?

— Инфекция нервной системы... Проведен курс противовоспалительной терапии... Сейчас девочка не может ходить, ей трудно сидеть. Ее вес весной — двадцать четыре килограмма. Теперь — вдвое меньше, кожа да кости. У нас в клинике Иринка поправилась на килограмм. Боли теперь умеренные. Дрожание конечностей сохраняется, особенно ног. При перкуссии черепа боль. Мышцы напряженные. Высокие сухожильные рефлексы. Такая симптоматика...

— Как аппетит?

— Периодически улучшается.

— Как спит?

— Неплохо.

— Что сделали дополнительно?

Лечащий врач:

— Застойные соски зрительных нервов обоих глаз. Зрение слабеет. Реакция на свет вялая. Ограниченная подвижность глаз. Мнение окулиста: возможно, поражение ствола...

Шефер:

— Что еще сделали?

— Вентрикулографию.

— Ладно, давайте старые снимки!

За спиной профессора стеклянный экран. На освещенном экране прикрепляют снимки...

— Это январь...

— Это июнь... Еще снимки.

— А это ноябрь, наши снимки... Все хлынули к экрану.

— Сдвинут сильвиев водопровод...

— А третий желудочек? Кажется, и там...

— Так, так, центральная извилина спокойна.

Шефер:

— Тumor в четвертом!

— Вот передний рог, вот нижний... Но в четвертом ли? Какое-то заполнение есть, но в четвертом ли?..

Шефер:

— Расширен четвертый!

— Это обманчивая картина. Ребенка несли на руках, контраст прилип, не прошел...

— Очень большой четвертый желудочек!

— Больше контрастного вещества наполняет левую часть желудочка.

— Важно, что третий желудочек хорошо пропустил контраст. А что говорит рентгенолог?

— Эмульсия проникла в четвертый желудочек. Детальное же контрастирование затруднено. Возможна опухоль ствола.

— Ствола? Может, без дополнительных снимков все обсудим? Очень серьезное предположение по поводу ствола!

Лечащий врач:

— Мое мнение: опухоль задних отделов третьего желудочка. С симптомами соотносится...

Шефер:

— С вращением в ствол или растет из ствола? Как думаете?

— Из ствола...

— Есть симптомы сильного поражения красных ядер: рвота и рвота, и головокружение. Это у детей редкость!

— Ну-ну-ну! Верно — это у детей редко бывает! Профессор Ольга Владимировна Гринкевич:

Шефер:

*Сотрудники клиники нервных болезней и нейрохирургии СГМИ вместе с врачами госпиталя ИОВ (1967 г.):
нижний ряд (слева направо): Успенская А.А., Есикова А.М. (начальник госпиталя ИОВ), Шефер Д.Г.,
Гришкевич О.В., Мищ П.П., Фельдман Б.И., Демьянова Л.П.; средний ряд: Дубишина Э.Л., Фукс Л., Нафикова
З.С., Глазман Н.М., Галл К.Г., Мотова Н.В., Мякота А.Е., Хропова А.И., Гребнева Н.С., Тимофеева Д.Г.,
Тарик Э.В., Скрябин В.В.; верхний ряд: Сабитова Н.Г., Кожевникова А. Б.*

— Итак, есть точки зрения: расширены или третий, или четвертый желудочек.

— Опухоль где-то на выходе четвертого. Она доброкачественная и внемозговая. Есть смысл провести ревизию задней ямки.

Шефер:

— Ну! Ясно!.. Кто?..

Галл:

— Сегодня зрачки буквально играют. Реакция на свет хорошая. Но справа нарастает парез, и меня смущают судороги лица. Не метастазы ли дают новые и новые явления? Тут я противоречу Евгению Николаевичу, — поворот головы к Крупину, -опухоль, видимо, злая...

Шефер:

— Не противоречите, а возражаете...

Иванова:

— Можно предположение?

— Все здесь предполагается.

— Я за ревизию задней ямки.

— Крупин же уже сказал.

— Я поддерживаю.

Галл:

— Нет, опухоль неоперабельна, она у основания мозга...

Шефер:

— Два предложения. Одна группа считает: опухоль у четвертого желудочка, ее надо убирать. Второе предложение:

Сдвинут третий, задет ствол... Где рентгенолог? Ответьте: если в третьем — оперировать нельзя, если в четвертом — надо идти, обязательно идти.

О чем говорят хирурги, понять немедику трудно. Я оставил в записи все так, как это звучало на конференции. Мне казалось важным показать, как говорят нейрохирурги. О чем они говорят-ясно: о спасении жизни человеческой... А важно здесь вот что — идет широкое обсуждение, анализ фактов и делается их синтез. В обсуждении участвуют все «от мала до велика». Любая верная мысль подхватывается и разбирается. Это — учеба для молодых. Это — гимнастика мысли. Это наглядный поиск истины.

Приносят снимки. Еще мокрые. Сразу собираются — лечащий врач, окулист, заведующая оперблоком и еще, и еще врачи.

Шефер:

— Рискнуть и пойти на четвертый! Надо рискнуть.

Гринкевич:

— Иринка — молодец. Она говорит: «Я все равно буду жить, я все равно встану и пойду». Безропотно переносит все обследования.

Шефер:

— Поставьте в график на понедельник!

В понедельник Иринку Красавину оперировали. Опухоль убрана. Не вся. Нельзя было, невозможно. Она вошла в запретную для нейрохирургов область. Назначено дополнительно лечение рентгеновскими лучами. Довершат ли лучи то, что не смог скальпель?

«Я все равно буду жить, я все равно встану и пойду...»

У больного Д. усилилась головная боль. Температура 38,7. Пульс 115. В правом легком выслушиваются сухие хрипы. Диагноз: пневмония. Назначены антибиотики.

Пятница. Операция.

Стереотаксическую операцию нейрохирурги называют энергичным словом — стереотаксис. Лет двадцать назад такая операция казалась фантастикой. Опасная, мол, дерзость полагать, что можно отыскать в мозгу точку болезни и уничтожить ее, не затронув у соседних, жизненно важных структур ни одного нейрона! Так говорили скептики. А пессимисты пугали: эдак одно станем лечить, а другое калечить. Освободим человека от болезни Перкистона, а ненароком лишим его зрения. Стоит лишь на полмиллиметра в сторону качнуть электрод. Да и сама идея — сознательно ранить мозг, поражать инструментом очаг поражения в мозгу — абсурд!

А открыт этот смелый метод хирургического вмешательства на мозжечке случайно. Врач удалял опухоль мозга и задел мозжечок. У больного тут же, на операционном столе перестали дрожать руки, словно хирург нажал на выключатель... А тремор у больного был давний, врожденный! Как у этого шестилетнего мальчика, которого сейчас оперируют нейрохирурги Анатолий Стариков и Виктор Стадухин. Только здесь случай еще тяжелее. Не дрожание рук, а гиперкинез, неупорядоченные движения конечностей.

Мальш не в состоянии сделать ни единого целесообразного движения. Он не знает, что такое самообслуживание. Умственное развитие — удовлетворительное, считает до ста...

Операция обманчиво простая... кончиком иглы коснуться особого участка мозжечка и электрическим разрядом прижечь точку, которая виновна в хаотическом движении рук и ног... Но таких «про-

стых» операций сделано в стране не более сотни. Не торная дорога...

Полая игла прошла в мозговое вещество. Нейрохирург бережно подает по ней контрастную эмульсию. Если она легко протечет в четвертый желудочек — это будет полдела. Четвертый желудочек — испытанный ориентир. От него нейрохирурги пойдут к мозжечку, считая градусы наклона инструмента и миллиметры его продвижения вглубь. Пространственная ориентация в мозгу — это и есть стереотаксис. Так уходят в бесконечную тайгу, запомнив какой-нибудь долговечный ориентир, выверяя по нему свой курс.

— Снимок!

Выходим из рентген-операционной, зачем понапрасну ловить безвредные лучи. Если врач станет каждый день пренебрегать этой осторожностью, то через год-два он просто заболеет. Чакает рентгеновская аппаратура — миг съемки. Теперь ждем окончания проявки.

У этого мальчика — трудноизлечимая болезнь. Матрица ее, отпечаток, закрепилась в долгосрочной памяти, круг давно замкнулся: ненормальные движения конечностей раздражают мозг, а мозг слепо управляет пляской рук и ног. Организм бережет неблагоприятный порядок. Не о какой-то мистике идет речь, а о материальном носителе заболевания, об очаге поражения мозга, об определенной структуре. Как разбить черный ящик недуга в мозгу мальчика? Вначале надо попытаться сделать это лекарствами, чтобы они растворили его. И мальчик прошел не один курс лекарственной терапии. Тщетно — черный ящик забронирован от химических воздействий! Увеличивай, не увеличивай дозировку препаратов. Итак, выход, как мы уже говорили, один: разбить черный ящик недуга механически...

Снимок укреплен на экране. Анатолий Стариков напоминает сейчас преподавателя геометрии, объясняющего у доски теорему. Приложил линейку и провел линию-царапину на мокрой пленке. Так мы соединяем две точки: одна — на мозжечке, другая — операционное отверстие. По этой линии и пойдет игла. Теперь Стариков прикладывает к снимку транспортир. Теорема еще не решена. Требуется доказать, каким будет угол поправки? Положение иглы найдено в горизонтальной плоскости, а вот как ей пройти теперь по вертикали?

— Градуса четыре, — на глаз прикинул Виктор Стадухин. Он стоит с поднятыми руками, ему нельзя ни к чему прикасаться, потому что операцию делает он, а Стариков, более опытный нейрохирург, ему сегодня помогает.

— Пять градусов, — уточняет Стариков.

— Выйдем точно!

— Ну что, поехали?

— Поехали...

На голове мальчика прибор, в котором, как стрела в арбалете, игла. Прибор и нацелит ее на мозжечок там, в закрытом пространстве мозга. Изящность этой операции и заключается в том, что трепанации тут не делают. Прицеливаются через маленькое оконце.

Настала та минута!.. Шесть лет мама этого парнишки жила надеждой: сын сам будет брать в руки карандаш, ложку, книгу, мяч, котенка... Но здесь, в клинике нервных болезней и нейрохирургии, она, видимо, впервые поняла, что нет, чудо не явится. Здесь ей определеннее, чем где-либо, объяснили, чего реального можно добиться в противоборстве с этим недугом. Стереотаксическая операция может лишь смягчить движения рук и ног, дать им плавность. Так, возможно, удастся поставить мальчика на ноги. С костылями, конечно.

Виктор прикасается электродом к игле: там, у мозжечка, сверкнула молния...

— Вс-е-е! — Выдыхает нейрохирург. Давая ток, он затаил дыхание...

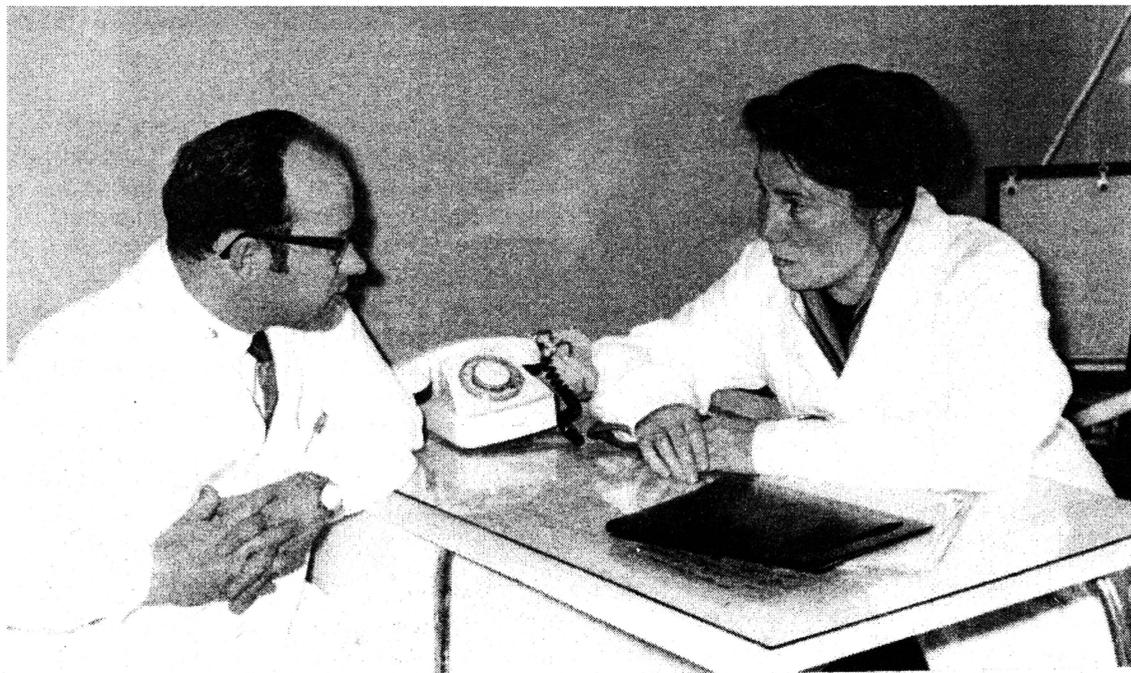
Что отличает нейрохирургическое вмешательство от любого другого хирургического вмешательства? Мозг — страж тела, все болевые ощущения пронесаются по нему, как грозные облака, а сам он не чувствует боли! Парадокс природы. В

этом своеобразии нейрохирургии, но и не только в этом. В чем же?

В жизни мы то и дело что-нибудь роняем из рук, взяв вещь неточно. Хирургу такая безответственность не позволена. У него нет времени даже на выбор движения. Неточные мысли — это неточные движения. Сумятица мыслей — это суета рук. Прочь сомнения, ибо сомнения останавливают руку! Мысль опытного хирурга в кончиках пальцев. Споткнешься — лавина неточностей, все испортишь. Чтобы составить план движений, нейрохирурги подолгу оглядывают через лупу обнаженный мозг.

Усталость нейрохирурга совсем не похожа на усталость молотобойца. Потому что поработало не все тело, как это нам начертано трудиться самой природой, а напрягались лишь руки. Потому что два-четыре часа нельзя было и с минутку передохнуть. Потому что устали не мускулы, а нервы, глаза... Нагрузка на организм, а дышится плохо. Хоть работай в кислородной маске... Вот отчего у нейрохирурга утомление после долгой операции, будто трое суток не спал.

Тело нейрохирурга — инструмент... Тому, кто мечтает стать оперирующим врачом, хорошо бы прежде овладеть своим телом. И помнить простую истину: у того, кто борется за здоровье людей, должно быть у самого могучее здоровье!

Ученики Д.Г. Шефера: заслуженный врач России, начальник Свердловского Областного клинического психоневрологического госпиталя ветеранов войн Спектор С.И. и кандидат медицинских наук, врач-нейрохирург Иванова А.С. (70-е гг.)

Добрый мир Вадима Осипова

Если вслед за древними уподобить людей Земле, а Бога - Небу, то все творческие личности - это вырастающая из Земли и стремящаяся к Небу трава.

Поэзия, и в первую очередь лирическая, - это та самая лужайка, украшенная цветами добра, которая дорога и близка каждому человеку. Стихи, ежедневно расцветающие на ней, разнообразны, неповторимы. И читатель, приходящий сюда стремится отыскать свой цветок, так же, как стремится найти близкую душу - друга и попутчика.

Одним из лучших поэтов - наших современников, по моему мнению, является Вадим Осипов. Его лирические стихотворения всегда наполнены теплотой и светом. Они согревают души, которым

«нужно всё-таки дойти
остаток ...зимнего пути».

Поэту удаётся среди сегодняшней жизни: среди продажности, среди обольщивания и телегипноза, - оставаться здоровомыслящим человеком, способным замечать яркие краски мира, различать чистые звуки природы и служить «не государству, не народу даже, а Добру. В изначальном смысле этого слова». Его лирический герой страдает, «тащит» на себе заботы и трудности этого мира, этого года:

Новый Год погрузив на площадь,
Я тащу этот мир, как лошадь.

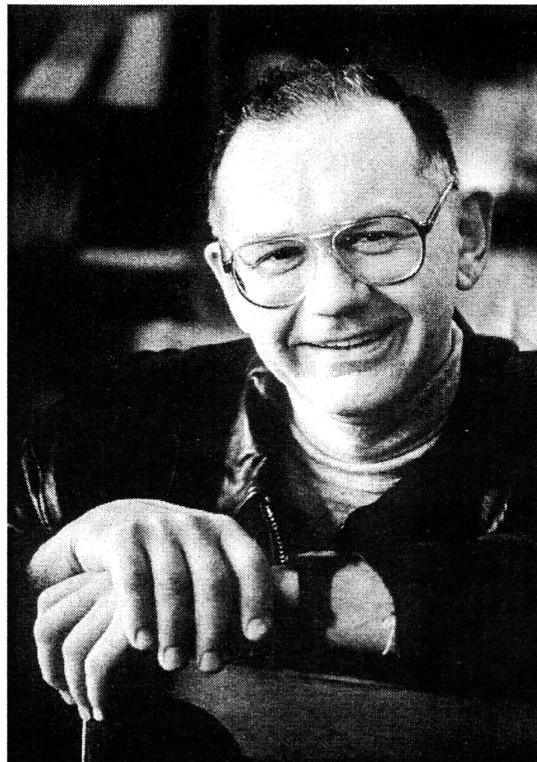
Как никто другой, он прекрасно понимает, что:

Грязь набрасывают горстями
из толпы на того, кто тянет.

Но, тем не менее, старается преодолеть эти житейские и нравственные трудности и невзгоды:

Валит пар из котла грудины:
Я тебя дотяну, родимый!

Вадим Осипов, член Союза писателей России, один из основателей литературного течения «Добряне». Целью творческой деятельности современного автора, считают добряне,

Вадим Осипов. Фото С. Новикова

должно стать стремление «толкать маятник литературы в сторону добра». Предлагаемая ниже подборка стихов Вадима Осипова предоставит читателям возможность познакомиться с некоторыми произведениями этого замечательного мастера слова.

Он родился в 1954 году в городе Свердловске. По образованию - инженер-металлург. Работал в Проблемной лаборатории металловедения УПИ им. С. М. Кирова, затем 14 лет - на Уральском электромеханическом заводе, где занимался порошковой металлургией. Первая публикация - в 1974 году в газете «За индустриальные кадры». Вадим Осипов - автор четырёх поэтических сборников, руководитель Литературной Мастерской им. Бориса Марьева при Екатеринбургском отделении Союза писателей России.

Увлечения - фотография, охота.

*Петр Родимов,
зав. отделом прозы и поэзии «УС»*

* * *

Колот морозы, как жало пчелы.
Пчёлы совсем не глупее, чем мы -
Там, на стекле, зацветает ледок,
И натекает медок.

Бьётся об окна стремительный рой,
И, наблюдая за вечной игрой,
Скомкай страницы в горячий снежок,
Брось-ка его на лужок.

Радуйся иinea лёгкой руке,
Ласку несущей небритой щеке.
Радуйся прелести дымных речей,
Белой каёмке очей.

Видишь ли, умысла нет у зимы
Хрупкой скорлупкой подёрнуть умы,
Наши безумия все отменить,
Как путеводную нить.

И потому вырастает метель -
Белых лесов сумасшедшая ель.
И в темноте ледяные цветы
Грешь дыханием ты.

20 ноября 2000 г.

* * *

Новый Год погрузив на площадь,
я тащу этот мир, как лошадь.

Трут меня выхлопные струи,
как ремни пропотевшей сбруи.

Животами легли альковы,
я буксую, горят подковы.

Тычут иглами, как ломами,
малолетние наркоманы.

Грязь набрасывают горстями
из толпы на того, кто тянет.

Я хрипло и скосился глазом:
как он там, не пропал ли разом?

Валит пар из котла грудины:
Я тебя дотяну, родимый!

13 декабря 2000 г.

* * *

И лес, и глазастое чудо дождя,
И радуги тонкий осколок -
Ты все отвергаешь, плечом поводя,
Раз чувствуешь внутренний холод.

И звезды бриллиантами с тёмных небес
Осыплются мимо ладони,
Когда недоверия подленький бес
Пристанет, как нищий в вагоне.

А если звоню: «Приезжаю! Готовь
Застолье для радостной встречи...»,
Ты смотришь, осталась ли в доме любовь,
Забыв про тарелки и свечи.

26 июля 2001 г.

* * *

Лето спит обнаженным
На туманном пару,
И плечом обоженным
Шевелит поутру.

Насекомый народец
Налетает гурьбой.
Цепь уходит в колодец
За тяжёлой водой.

Словно сердце, повисло
Голубое ведро,
И наполнено смыслом
Жестяное нутро.

Вековую прохладу
Перелей через край,
Водяную лампаду
На руках зажигай.

Как огонь, очищает
Ледяная вода,
Раз лицу возвращает
Ощущенье стыда.

18 июля 2001 г.

* * *

Пощечина осени - снег.
За все прегрешения лета,

За листья заплаканных век
И полную ясность ответа, -
Пощечина осени - снег.

И как полыхает щека
От этого женского знака,
Который, немея, рука
В отчаянии ставит с размаха!
И как полыхает щека...

Ах, только бы все обошлось
Метели пронзительным воем.
Какая досада и злость -
А больно-то, больно обоим!
Ах, только бы все обошлось.

2 октября 2001 г.

* * *

Зрачок ладони, мокрый свет
Далёких облаков.
На чёрном фоне - липкий свет
Звенящих мотыльков.

Какой же ливень? Это - сон...
Летающих в ночи
Заворожил высокий тон
Звучания свечи.

Наверно, кто-то колдовал
На странном языке,
И крылья падали внавал,
Сливаясь вдалеке.

И тело вздрагивало так,
Как будто бы над ним
Всю ночь трудился полумрак,
В любви неутомим.

6 апреля 2000 г.

* * *

Есть простые, серьезные вещи -
Камень, тёсаное бревно,
Или, кованая без трещин,
Сталь, рождающая зерно.

Есть ещё и весёлые штуки -
Самоцвета игривый блеск,
Липа гладкая - ложкой в руки,

Звон металла среди небес.
Три загадки владеют веками,
Тайной силой пройдя насквозь -
Древо, краеугольный камень,
Гвозди, вбитые через кость!

16 февраля 2000 г.

Церковь в Липовке

Этот березовый, пасмурный холод,
Тление каменных плит.
Колокол старый о землю расколот,
Новый - пока не отлит.

Тонкий кирпич, обмусоленный ветром,
Варвара колотый след,
Звёздами крытый зимою и летом
Купола гнутый скелет...

Здесь и не пахнет божественной сказкой
После эпохи потерь -
Пахнет лазурною свежою краской
Храма железная дверь.

Вот вам и символ проснувшейся веры,
Вечное в смутных веках -
Батюшка красит небесные двери
С кистью в небесных руках.

26 октября 2000 г.

* * *

Как медленно стекает мёд
с еловых лап на дно болот!

Как сонно поднимают взгляд
цветы, скрывающие клад...

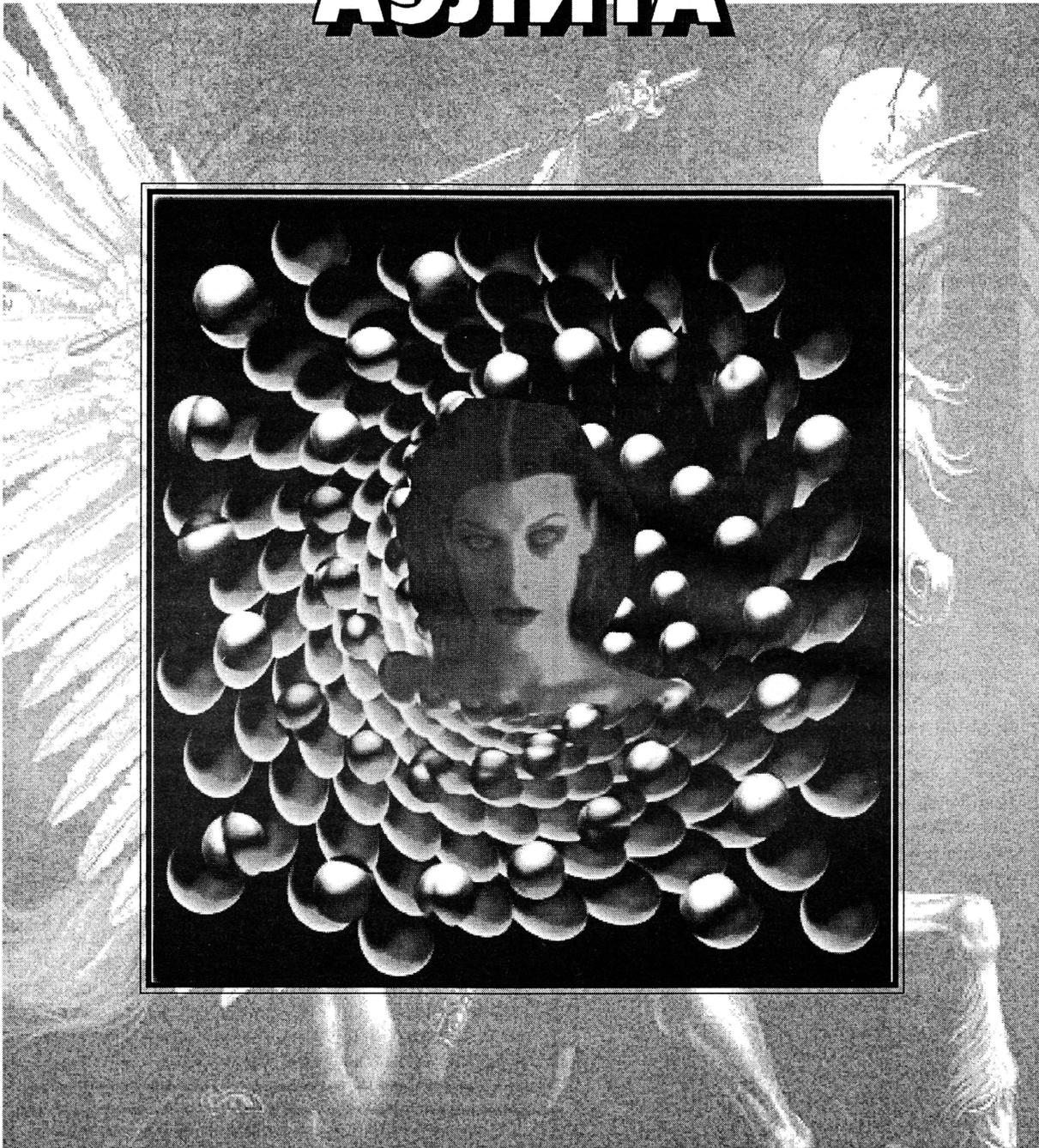
Рукою лето отведи -
оно сомкнётся позади.

И будет липнуть и гудеть
смолистая, густая медь.

И будет тонкий перезвон
соединять жару и сон.

Но нужно всё-таки дойти
остаток ...зимнего пути!

АЭЛИТА

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 28
Ян Разливинский «Шесть Наполеонов»	стр. 29
Игорь Водолев «Мишень для левши»	стр. 41
Алла Гореликова «Юбилей»	стр. 46
Юрий Коньков «Встреча с НЛО»	стр. 50

НАЧИНАЮЩЕМУ

Что нужно знать тому, кто хочет писать? В первую очередь, конечно, русский язык. Во вторую — русский язык и возможности его применения. И в третью — все тот же русский язык и возможности его деформации. Ведь если не знаешь, до каких пределов можно «измываться» над словами и их сочетаниями, то вряд ли напишешь что-то достойное внимания читателей. Так, на уровне школьных сочинений.

А что нужно знать тому, кто хочет писать фантастику? Далеко не только русский язык и возможности его применения и деформации. Необходимо учитывать условия, в которых развивается фантастика, следить за использованием тем в фантастической литературе, в определенной степени знать конъюнктуру авторов фантастики (ведь пишут-то для читателей, которые поддерживают рынок своим рублем). Ну и уметь находить новые темы. Но можно и не находить. Можно использовать то, что найдено другими, но использовать так, чтобы это воспринималось как нечто новое.

За примерами далеко ходить не надо. Талантливейший волгоградский писатель-фантаст Евгений Лукин почти не выдумывает новое. Но то, как он подает свои произведения, заставляет забывать о «первоисточниках», толкнувших автора на написание романа или рассказа. Потому что он — в первую очередь фантаст. Он знает возможности литературной фантастики.

И наоборот. Замечательный писатель Татьяна Толстая выдала в свет фантастический роман «Кысь», который... оставил равнодушным большинство любителей фантастики. Почему? Да потому, что братья за написание «Кысь» ей стоило бы лишь после глубокого ознакомления с другой фантастической литературой, с «настоящей» фантастической литературой. Или уж не братья вовсе (да простит нам сию «указку» Т. Толстая).

Вот, собственно, и весь краткий конспект для тех, кто решится попробовать себя в фантастике. Он — не панацея и не учебник. Он вроде заметок по случаю. Но кто знает, может, кому-то он и сумеет помочь.

Василий КОНЧЕНЬИЙ

20-22 октября в Волгограде прошла очередная миниконвенция (вспомним, например, волгоградский же традиционный праздник фантастики «31 июня»). Присутствовали, в основном, местные авторы и фэны, в том числе Борис Щуров, Евгений и Надежда Лукины, Сергей Карпов, Сергей Зайцев, Сергей Синякин, а из Ростова-на-Дону прибыл представитель старейшего КЛФ страны Сергей Битюцкий.

В рамках конвенции состоялась дискуссия на тему, что важнее: государство или человек?

Также прошло обсуждение нового романа Сергея Синякина. Роман был прочитан и одобрен к публикации в издательстве «АСТ».

Сергеем Битюцким была представлена пьеса из серии «театр одного актера», оставившая у присутствовавших незабываемое впечатление. Евгений Лукин поделился со всеми новыми планами, рассказал, как выглядит география Суловской области, и за невозможностью исполнять свои песни под гитару декламировал их. Сергей Карпов отчитался перед фэн-общественностью, как продвигается его роман, в работе над которым он недопустимо затянул время. Борис Щуров рассказал присутствующим о том, как у него идет работа над книгой воспоминаний «Сказки старого сталкера». Участники семинара просматривали фото старых конвенций, видеоматериалы прошедших конвентов. В общем, атмосфера этой встречи была пронизана светлой печалью об ушедшей безвозвратно эпохе первого фэндомы нашей страны и радостью встречи. Да и сама встреча очень напоминала то время, когда мы все были юны и полны задора. И всем было хорошо!

Борис ЗАВГОРОДНИЙ

16 июля 2001 года не стало Александра Мирера, писателя-фантаста, критика и литературоведа (публиковался под псевдонимом А. Зеркалов), переводчика и редактора. Он был автором романов «У меня девять жизней», «Дом скитальцев», «Мост Веррано». Мирер стоял у истоков современного российского фэндомы. Мы будем его помнить.

20 августа 2001 года в возрасте 86 лет скончался известный британский астроном и писатель-фантаст Фред Хойл, автор нескольких классических НФ-романов: «Черное облако», «Оссианский бог», «Первого октября будет поздно», «Комета Галлея». Также считается, что именно Ф. Хойл впервые употребил ставший расхожим термин «Большой Взрыв» в контексте теории происхождения Вселенной.

За научные заслуги он в 1972 году был возведен в рыцарское достоинство.

Ян РАЗЛИВИНСКИЙ, Нижний Тагил

ШЕСТЬ НАПОЛЕОНОВ

(Из неопубликованных записок доктора Ватсона)

1.

Еще один месяц прошел в спокойствии, и Холмс по старой привычке начал поговаривать, что со смертью Морриарти Лондон для криминалистов потерял всякий интерес; он часто вынимал из шкафа первый попавшийся альбом с газетными вырезками и, развалившись на диване, надолго углублялся в чтение... Это был верный признак того, что Холмсом овладела хандра.

Между тем, я не мог уделять другу столько же внимания, как и в прежние времена. Моя старшая дочь Маргарет только что разродилась двойней, превратив вашего покорного слугу в самого счастливого отца в мире и, — увы, это так, — в девушку.

Теперь вы понимаете, скольких трудов мне стоило разрываться между квартирой на Бейкер-стрит и домом дочери на Хэлкхэд-роудз. В подобной ситуации я воспринял визит мистера Лестрейда, как подарок свыше — и не только я: Холмс тут же отшвырнул очередной альбом, едва слышал в прихожей знакомый скрипучий голос. Он легко сбежал по лестнице и через минуту явился вновь, ведя под руку несколько смущенного сыщика.

Годы не прибавили Лестрейду благородства — он был по-прежнему щупл, резок в движениях и глуповат. Однако теперь, описывая его внешность, я должен волей-неволей напомнить о морщинах, обильно испещривших лисью физиономию, и появившейся несколько лет назад неприятной манере шаркать при ходьбе, словно бы натирая паркет. Последнее (даже не будучи сыщиком) я смело отнес на счет обострившейся возрастной болезни ног — и нашего приятеля не обошло стороной Время.

Обычно Лестрейд приносил нам новости криминального Лондона, но на этот раз его, похоже, беспокоила лишь лондонская погода. Он пространно рассуждал об особенностях городской зимы, при этом был рассеян и в беседе то и дело возникали паузы. Наконец Холмс прервал одну из них вкрадчивым вопросом:

— Лестрейд, ведь вас, несомненно, беспокоит новое дело? Иначе бы вы не отправились из Брикстона через весь город ко мне.

Видя, как у Лестрейда отвисает челюсть, я откровенно позабавился. Вы не поверите, но его до сих пор искренне поражали способности Холмса. Я же успел привыкнуть к чудесам дедукции и даже мог сообразить, что, скажем, сейчас источником сведений Холмса стали брюки Лестрейда, изрядно забрызганные грязью. В лондонской грязи мой друг разбирался не хуже, извините, йоркширских свиной.

Справившись с собой, Лестрейд не стал записываться:

— Увы, это так, дорогой Холмс. Тем более, что такого нелепого случая в моей практике еще не было.

— Что ж, — оборотился Холмс ко мне, — Нам не однажды приходилось участвовать в расследованиях таинственных происшествий и кровавых дел; да и забавные случаи были. Но вот нелепые еще не попадались.

— И к счастью, к счастью! — замахал руками Лестрейд. — Лично у меня уже голова кругом идет! Глупость и нелепость, вот что это за дело — и ничего более!

Холмс не произнес ни слова. Но он, набивая свою любимую трубку, так выразительно смотрел на сыщика, что Лестрейду ничего не оставалось делать, как начать рассказ:

— Прошлой ночью сторож одного из брикстонских театров — тут вы абсолютно правы, — обнаружил следы взлома. Сторож тут же телефонировал в участок. Пара констеблей, прибыв на место, обнаружила, что кто-то действительно посетил театр в неурочное время, однако покинул его еще до того, как сторож обнаружил разбитое оконце...

— Что же было похищено? Театральная касса? — не выдержал я.

— Не думаю, — ответил за Лестрейда мой друг.

— Тогда бы дело было рутинным, не правда ли?

— Точно так, дорогой Холмс! — возопил сыщик. — Преступник игнорировал кабинет директора театра и ничего не взял в гримерных. Хотя, смею вас заверить, у примы театра миссис Айперон имелось несколько вещей действительно ценных. Злоумышленник проник в костюмерную, и... — тут Лестрейд не удержался и сделал, как ему казалось, эффектную, а на самом деле просто томительную паузу, — и украл один-единственный костюм из спектакля, который не играет уже второй сезон!..

— И все? — спросили мы в голос.

— В том-то и дело! Только костюм...

— Действительно, странная история, — пробормотал Холмс, окутывая себя клубами пахучего дыма и приближаясь к Лестрейду с видом пинчера, берущего след. Лестрейд чихнул и замахаля руками:

— Когда я узнал об этом, то сразу же подумал: вот случай, прекрасно иллюстрирующий вашу теорию о том, что лондонские преступники выродились в бездарных тупиц...

— ...если бы он не имел продолжения, — закончил за него Холмс.

— Д-да... — запнулся Лестрейд. Очевидно, он готовил еще один эффект, но Холмс взорвал свою петарду раньше. — Действительно, можно сказать и так... продолжение... Да-с, очень странное продолжение... Ограбление было пустяковым, и, запротоколировав обстоятельства, констебли ушли. А спустя полчаса из театра вновь поступил вызов.

— Два ограбления за ночь? В самом деле необычно! — позволил я себе комментарий. Мои слова вызвали у Лестрейда приступ ярости. Сморщенное личико налилось краской, он вскочил и заметался по комнате как нерадивый полотер: шырк-шырк!

— Не два ограбления, а две глупости! Ведь снова ничего не было взято, но костюмерная вновь оказалась перевернутой вверх дном! Когда бедный сторож и поднятый с кровати директор театра навели мало-мальский порядок, обнаружилась пропажа еще одного костюма.

— Вот это да!

— На сей раз о происшествиях доложили мне. Я тщательно обследовал место, хотя с самого начала полагал, что имею дело с параноиком. А затем, оставив в театре констебля Хаймерса, — вы, Холмс, должны его помнить, — отправился домой. Согласитесь, два театральных костюма с фальшивыми орденами — не повод для бессонной ночи.

До самого утра звонков действительно не было... Да-с... А около девяти утра, придя в театр, директор, а вслед за ним и я, поняли, почему: и констебль, и сторож были крепко связаны.

— Позвольте высказать догадку, — не выдержал я. — Вновь был украден чей-то наряд?

— Почти в точку, Ватсон! Псих на этот раз взял три костюма! И вот уже несколько часов кряду я ломаю голову над этой глупейшей историей. Сказать по чести, я бы плюнул на эту чепуху да передал дело лисе помоложе. Но у директора театра вдруг объявился некий высокий покровитель! Да-с, господа... Поступило распоряжение отрядить на поиски именно вашего покорного слугу — как одного из опытейших в Скотланд-Ярде... Иногда слава нам не на пользу, не так ли, Холмс? — закончил он рассказ, вызвав лично у меня невольную ухмылку, которую я тут же поспешил замаскировать под соблезную.

Холмс сидел неподвижно, сложив кончики пальцев вместе и прикрыв глаза.

— Пока что нам неизвестны мотивы преступления и непонятны цели. Как можно шесть раз за ночь рисковать ради кучи тряпья, которое невозможно продать и нельзя одеть? Может, в одном из костюмов были зашиты драгоценности? Какой-нибудь алмаз... Вы же помните ту историю с алмазом? — без особого энтузиазма предположил Лестрейд, не спуская глаз с Холмса.

— Все может быть, — не стал разочаровывать его мой друг. — Но скажите, чьи костюмы, точнее, мундиры, судя по упоминанию об орденах, были похищены?

— О, здесь вор показал хорошее знание истории — или репертуара театра: в первый раз он взял костюм Наполеона из постановки, посвященной...

— Только не надо этой литературной чепухи! — взмолился Холмс. — Ни имена, ни названия мне ничего не скажут, вы же знаете!

— Тогда так: два мундира Наполеона, три мундира генералов времен Империи и лейтенантский мундир той же эпохи.

Мы с Холмсом переглянулись.

— Похоже, Ватсон, я уже знаю, как вы назовете это дело в своих дневниках, — сказал Холмс, и я согласно кивнул.

2.

— Так, — говорил Холмс спустя три часа, когда мы на такси катили по направлению к Бейкер-стрит. — Что мы имеем? Шесть преступников, каждому из которых, независимо от других, потребо-

валось похитить для себя костюм Наполеона.

— Фантазмагория, — согласился я. — Однако Лестрейд считает, что преступник был один, и на этот раз я склонен поддержать вашего коллегу. Очевидно, мы имеем дело с душевнобольным, заиклившимся на одном и том же действии. Согласитесь, это более реалистичный вариант, чем ваша версия. Принцип Оккама, как известно...

— Ну-ну, — подбодрил меня Холмс, рассеяно разглядывая безрадостную улицу, запруженную кэбами и авто. Я понял, что об Оккаме он ничего не знает. Это не удивительно, если вспомнить о том, что факт вращения Земли вокруг Солнца мой друг узнал лет в двадцать пять, от меня — и тут же поспешил забыть за ненужностью...

— Ладно, Холмс, — сдался я, — Бог с ним, с Оккамом. Объясняйте.

— По большой степени все это элементарно, Ватсон, — начал Холмс, по-прежнему думая о чем-то своем, но потом увлекшись, как это обычно бывает. — Вас интересует, отчего в нашей псевдодраме шесть персонажей — по числу костюмов, а не три — по числу запротокотированных проникновений, или не один, как считает Лестрейд. Кстати, если быть откровенным, я обнаружил следы только пяти злоумышленников... Однако, давайте по порядку.

— Первый след, это, очевидно, разбитое оконце рядом с черным ходом?

— Совершенно верно. До полуночи шел дождь, и сторож не услышал звона бьющегося стекла. Но второй ворюшка, пришедший уже после дождя, почему-то не воспользовался любезностью коллеги. Скажите, если вор № 1 и вор № 2 — одно и то же лицо, то что помешало ему пройти уже разведанным путем?

— Если он душевнобольной...

— Оставьте вашего душевнобольного в покое, Ватсон! Причина куда

более очевидна: он просто не знал об окошке.

— А третий?

— № 3 тоже пошел своим путем: взломал замок двери. Он наверняка был мужчиной крупным, даже тучным и физически очень сильным, но невысоким; поэтому, пройдя мимо маленького окошка, он не воспользовался и разбитым большим — вы обратили внимание, как высоко находится подоконник? Даже я едва мог дотянуться до него.

— И он же, судя по всему, оглушил констебля и сторожа?

— О, нет! Это сделал № 4. Отпечатки на дверях говорят, что наш третий был обычным человеком, а удары наносил левша, то есть пришедший следом № 4. И, наконец, вор № 5. Его следы вновь подводят к большому окну.

— Я осматривал эти следы вместе с вами! — запротестовал я. — Они оставлены одними и теми же ботинками!

— Совершенно верно, — невозмутимо ответил Холмс. — Одними. И теми же. Ботинками. Но разными людьми и в разное время. Наш второй номер высок ростом, но весит около 150 фунтов, а вот № 5 столь же высок, но его рост более соотносится с весом — где-то около 230 фунтов. И это, естественно, сказалось на глубине отпечатков. К тому же след № 5 слегка деформирован, что свидетельствует об особенности походки: он ставит ногу не на всю ступню, а на каблук, при этом разворачивая носки в стороны, вот так, — и Холмс изобразил, как именно. — Если вам и этого мало, могу добавить, что одни отпечатки были оставлены во

время дождя, а другие — уже после.

— Сдаюсь. Но шестой?

— Интуиция, мой друг, интуиция. Ведь каждый брал только по одному костюму. Из этого, кстати, следует вывод о том, что они действовали независимо друг от друга.

— Но зачем? И кто они?

— На этот вопрос, я думаю, нам поможет ответить одинаковая обувь наших воришек, — туманно выразился Холмс и замолчал. Через несколько минут я простился с ним и вышел на Хэлкхэд-роудс.

3.

Миссис Хадсон, нашей доброй хозяйки, уже третий год не было среди живых. Владение домом на Бейкер-стрит перешло к ее племяннице, девице двадцати с небольшим лет, существу столь же неуравновешенному, сколь и эмансипированному. Порядка в доме стало поменьше, да и обеды утратили свою аппетитность, словно служанка, которую мисс Хелен привела с собой, брала пример с хозяйки. Я не раз говорил Холмсу, что при его нынешних заработках он вполне мог бы выкупить дом и вести хозяйство по своему усмотрению, но... надо знать Холмса — в житейских делах он остался так же неприспособлен, как и в студенческие годы.

Мисс Хелен сидела в гостиной на первом этаже; вернее — полулежала на диване, покачивая ножкой и пытаясь совладать с какой-то книжицей. Очевидно, борьба с буквами утомила юную леди, так как мой приход она восприняла с необычным энтузиазмом. По зову мисс Хелен возникло кофе, и я еще раз убедился, что во времена миссис Хадсон этот напиток был не в сравнение вкуснее...

— Ваш знаменитый друг снова пропал, — без обиняков объявила мисс Хелен. — Вы, очевидно, начали новое дело? О, я понимаю, понимаю!.. Мужские игры, логические задачи, поединки умов... Мистер Холмс, между прочим, умчался, не дождавшись обеда. Вот скажите мне, мистер Ватсон, разве сыщику не все равно, раскроет он преступление на сытый желудок или обязательно на голодный? На мой взгляд, после обеда ловить жуликов гораздо приятнее...

Думаю, этого образчика речи мисс Хелен будет достаточно — тем более, что ее долгий эмоциональный монолог воспроизвести довольно сложно, ибо она, как кузнечик на лугу, скакала от темы к теме.

Около десяти вечера хлопнула входная дверь. С прыткостью лакея я поспешил покинуть компа-

нию мисс Хелен. Однако, на пороге стоял не Холмс, а какой-то бродяга. Что-то бормоча, он отряхивал снег со своего замызганного одеяния.

— Вы, очевидно, к мистеру Холмсу? — спросил я, памятуя о том, что мой друг постоянно приваживает всяческий сброд. Бродяга что-то невнятно промычал, воровато оглядываясь по сторонам.

— Любезный... — вновь начал я.

— Перестаньте ломать комедию, мистер Холмс, — вскричала, появляясь, мисс Хелен. — Ваши ботинки ужасно грязны! Вы, наверное, перемесили всю грязь Ист-энда! Скорее снимите их и отдайте Долли!..

— Но... — хотел было возразить я, однако бродяга снова подал голос — знакомый голос!

— Извините, мисс Хелен, — сконфуженно произнес «бродяга»...

— Как вы узнали? Вероятно, вы видели, как Холмс уходил?

— Ничего я не видела, — отмахнулась девица. — Просто от мистера Холмса за версту разит его любимым табаком, так же, как от вас, Ватсон, корабельным. И парик у него один и тот же уже лет... десять, да, мистер Холмс?

— Почти, — пробормотал мой друг, торопливо увлекая меня наверх, к себе. — Ужинать я не буду!

— Видно, дело и впрямь интересное, — сказала нам в спину хозяйка.

4.

— Да, Ватсон, да. Каждое новое поколение отрицает ценности предыдущего. Молодым кажется, что они умнее, и порою так оно и есть... Как ваши близнецы?

— Превосходно. В их криках уже различается отчетливое «мамми».

— Да-да... Это прекрасно... Хотя, если разобратся, это «мамми» не что иное, как произвольное сокращение голосовых связочек, и не более... Ватсон, — вдруг спросил он без всякой связи с предыдущим, — Неужели время частных сыщиков проходит?

О, это было странно. Чтобы вот так, посреди нового необычного дела Холмс вдруг потерял азарт? Да еще из-за реплики взбалмошной девицы? Сняв усы и брови, стерши сероватый грим, Холмс уселся в кресло, постукивая пальцами по скрипичному футляру. Что-то щемящее проявилось вдруг в его облике, облике одинокого гения сыска, в этих понемногу выцветающих, немного растерянных глазах, окруженных сеточкой морщин...

Я впервые обратил внимание на залысины, незаметно охватившие тронутую сединой прическу. Бог мой, как же несется время, ужаснулся я вдруг — ведь нам с Холмсом на двоих уже за сотню...

— Что же вы не спросите, как дела? — очнувшись от своих мыслей, прервал молчание Холмс.

— О, простите! Так как они?

— Пре-вос-ход-но! — Холмс в последний раз щелкнул по футляру и развернулся ко мне. В его глазах вновь разгорался знакомый огонек, и я облегченно вздохнул: тень печали уплыла прочь. — Я наводил справки и кое-что разузнал. К нашему счастью, Ватсон, в пределах Большого Лондона обитает более семи миллионов душ; а это означает, что, как бы тщательно ни было спланировано преступление, всегда найдется тот, кто все видел. Конечно, Килнберн не помойка, но и там встречаются индивиды со дна жизни. Вот один из таких болтливых пропойц и стал свидетелем трех последних ограблений. Не буду утруждать вас долгим рассказом, скажу лишь, что выводы мои подтвердились; а кроме того, я получил новую путеводную нить. Бродяга сообщил, что все трое, словно сговорясь, пришли со стороны Фулема. Не откладывая дела в долгий ящик, я отправился в Фулем. Мне пришлось изрядно побродить, но я уже знал, что ищу — благодаря одинаковым ботинкам ворришек.

— Вы уже второй раз упоминаете о них, но я так и не разобрался, чем так особенны эти ботинки? Мало ли одинаковой обуви в Лондоне?

— Ватсон, Ватсон! От вас я должен ожидать большей проницательности. Вспомните свою армейскую юность, друг мой!..

— А при чем тут моя армейская... — и тут до меня дошло. Господа, мне стало стыдно за собственную глупость, и единственным смягчением могло служить лишь то, что я больше думал о Маргарет, чем о забавном, но глупом деле. А ведь Холмс выдал такую явную подсказку! В одинаковой обуви ходят, скажем, военные, полисмены и прочие, кому эту обувь ВЫДАЛИ...

— Лечебница?

— В точку, Ватсон, в точку! — захохотал Холмс, живо вскакивая с кресла. — И я знаю, какая. Вы не поверите, но горсть пенсов и дешевое виски развязывают языки быстрее и лучше изошренных пыток! Прошлой ночью в одной из закрытых лечебниц Фулема случился некий переполох. В газеты ничего не просочилось, да и власти привлечены не были — но, судя по всему, именно оттуда и сбежали наши доблестные Наполеоны.

Победно взмахивая руками, Холмс навис над подставкой для трубок, явно намереваясь хорошенько попортить себе легкие. Весело покосился на меня:

— Вы не рады? А ведь именно ваша версия об умалишенных оказалась верна. Лестрейд на вашем месте подскочил бы до потолка.

— Но я ничего не понимаю! Ведь мы с вами прекрасно знаем, что рассказы о Наполеонах и Александрах Македонских, густо заселяющих каждую лечебницу, не более чем досужие выдумки! Сказать, что в одной из них находится сразу три Наполеона, это все равно, что объявить, будто в нашем правительстве три Ллойд Джорджа!

— Вы правы, — невнятно сказал Холмс, взясь с трубкой. — Когда я понял это, мне ужасно захотелось взглянуть на сей чудесный питомник императоров. Вы составите мне компанию?

Я энергично кивнул.

— Но вначале — немного отдыха.

В дверь постучали.

— О, Ватсон, а это наш кофе. Кажется, у Долли он получается совсем неплохо, вы не находите?

5.

Лондон прекрасен всегда — за исключением четырех времен: лета, осени, зимы и весны. Тяжелый туман и смог фабрик делают наш город похожим на древнего, дряхлого, безнадежного туберкулезника. А наши архитекторы еще и добавляют колорита. Даже юный Тауэрский мост, в отличии от скандальной башни Эйфеля, легко вписался в тяжелый, почти средневековый силуэт города. Сейчас, ночью, Лондон еще больше напоминал тот, давным-давно канувший в Лету, словно город спал и видел сон о самом себе, древнем...

— Возможно, нам не стоило отпускать кэб, — сказал я, но Холмс не ответил. Широко расставив ноги и опершись на трость, он разглядывал мрачный особняк. Летом он, должно быть, прятался за листвой кленов, высаженных в ряд на некотором отдалении от чугунной ограды, но сейчас стоял ноябрь, и темный образец архитектурного классицизма просматривался хорошо. Лунный свет — когда Луна все же выглядывала из-за пелены туч — неярко блистал на темных окнах, расчерченных линиями решеток.

— Ну хорошо, а как мы туда войдем?

— Я думаю, с помощью вот этого, — и Холмс несколько раз нажал на звонок, вделанный в столб ворот.

На мой взгляд, с таким же успехом можно было

бы постучать по могильному камню — но не прошло и двух минут, как непонятно откуда перед нами возникло существо почти квадратных очертаний с удивительно маленькой головой, буквально вдавленной между плечами и заставляющей вспомнить о том, что теория Чарльза Дарвина оказалась верна не для всех. Уставясь на нас ничего не выражающими глазками, существо замерло. Возможно, оно просто опасалось лишней раз шевельнуться, чтобы не порвать костюм — настолько оно было накачено и надуту.

— Нам срочно требуется увидеть хозяина лечебницы, — с достоинством произнес Холмс, выстукая вперед. На его месте я не стал бы этого делать — несмотря на то, что между нами оставалась решетка. Холмс протянул сквозь прутья свою визитку. Я осторожно повторил его жест.

Блеснул перстень, и визитки исчезли в ковше ладони. А через миг исчез и привратник.

— Вы думаете, это сработает?

— Сейчас узнаем.

На самом же деле ждать пришлось достаточно долго. Но в конце-концов над парадным входом зажглось электричество, и дверь распахнулась. Судя по силуэту, открывший был нашим новым знакомцем, но спустя несколько минут я с удивлением понял, что ошибся. Оказывается, в Лондоне XX века еще можно увидеть сразу двух гоблинов, подрабатывающих в охране. Второй отличался от собрата лишь цветом волос и величиной надбровных дуг, козырьком прикрывших бусинки глаз. Да, еще этот гоблин умел говорить.

— Пройдите за мной, — неожиданно тонким голосом проговорил он, с такой торжественной интонацией, с какой, очевидно, Али-баба выговаривал свое «Сезам, откройся!». Мы поспешили за проводником. При этом я успел заметить Холмсу, что обстановка, если убрать из нее гоблина, мало напоминает лечебную — на что тот лишь коротко кивнул. Мы очутились в зале, обрамленном двухъярусной колоннадой строгих дорических колонн цвета свежего масла. Мраморный мозаичный пол отражал свет медных ламп, укрепленных на обитых шелком стенах. Лампы чередовались с портретами, а в нишах меж колонн высились белоснежные статуи и бюсты. Все это больше походило на клуб джентльменов с Пэлл-Мэлл или Сент-Джеймс...

По лестнице, на перилах которой в изящных позах дремали двухфутовые нимфы, мы поднялись на второй этаж. Нам открылся вид на широкий коридор, ведущий в глубь здания. В него выходи-

ло несколько дверей. Наш проводник замер у ближайшей.

— Прошу прощения, господа, — вновь подал он голос. — Но господин директор сможет побеседовать лишь с одним из вас. Поэтому прошу вас подождать, — и говорящее чудо широким взмахом указало мне на кушетку у двери.

— Я не думаю, чтобы было разумным... — вполголоса начал было я, но Холмс — вы же знаете Холмса! — уже рвался в бой.

— Не беспокойтесь за меня, Ватсон, — шепнул он одними губами, — лучше прикрывайте наши тылы.

И дверь за ним закрылась.

...Минуты тянулись за минутами. Я пытался представить, о чем говорят Холмс и таинственный владелец лечебницы — но в голову ничего не лезло. Я бессмысленно пялился на картину, где античные герои и героини предавались усадьбам среди аркадских лугов, и вдруг... мне послышался... да, послышался слабый вскрик из-за дверей. Взволнованный, я вскочил на ноги.

— Сударь, мне кажется, я должен зайти в кабинет! — каким бы ловким ни был мой друг, в нашей практике насчитывались десятки случаев, когда моя помощь оказывалась жизненно важна.

— Господин директор еще не позвал вас... — запищал было гоблин, но я выхватил из кармана пальто предусмотрительно взятый револьвер и навел его на собеседника. Вид огнестрельного оружия оказался знаком даже гоблину: тот обиженно насупился и замолчал, гневно сверля меня своими обезьяньими глазками.

— Отойдите подальше и не мешайте мне!

Я тронул ручку, но оказалось, что дверь не просто прикрыта, а заперта. Я навалился, попытался даже ударить; но старая рана, полученная еще во время афганской кампании, не позволяла бить в полную силу — и дверь осталась столь же непоколебима, как и стена, в которую она была встроена. Тут мне в голову пришла интересная мысль.

— А ну-ка, попробуйте вы, — обратился я к обиженному гоблину.

— У меня нету ключей, — не без злорадства пропищал обиженный.

— А нам они и не нужны, — резонно заметил я. Скрипя зубами, он навалился на злополучную дверь.

— Сильнее, мой друг, больше энтузиазма!

Что-то вновь скрипнуло — на этот раз, похоже, все же в механизме замка, — и гоблин влетел в комнату.

Возможно, у него и были какие-то планы на мой счет, но я тут же юркнул следом, не забывая держать меж собой и им револьвер.

— А теперь повернитесь лицом к стене.

Это ему совсем не понравилось, но он подчинился. Тридцать лет назад я, возможно, ограничился бы тем, что взял с него слово оставаться на месте — но ныне решил подстраховаться чем-то более весомым. Выбрав для этого стул, я что было силы треснул им гоблина. Его голова еще глубже спряталась в плечи, а сам несчастный, несколько секунд поразмышляв, все же рухнул на паркет. Где-то оставался, по меньшей мере, еще один гоблин — но пока я его не видел, не было и проблемы.

...Как вы уже поняли по моим действиям, комната, куда мы влетели, оказалась пуста. Она представляла собой нечто вроде кабинета — со столом, креслами, книжными полками и камином. Ни Холмса, ни таинственного директора здесь не было и в помине. Памятуя о том, что даже в сложных задачах заключено простое решение, я быстро обследовал комнату. Разгадка, действительно, оказалась несложной: за одной из портьер нашлась

замаскированная дверь, которой позавидовали бы изготовители моргановских сейфов. Ее бы нипочем не отличить от стены, но сейчас она была чуть приоткрыта. Я проскользнул в щель и очутился перед еще одной портьерой. В проеме между тканью были видны высокие стеллажи вдоль стен, заставленные баночками и колбами. Еще там находился большой лабораторный стол, загроможденный всевозможным химическим оборудованием, из которого я узнал только несколько предметов, встречавшихся мне раньше у Холмса. Кроме того, был виден металлический бок какой-то высокой, установленной прямо на полу электрической машины. В лаборатории стояла мертвая тишина, и я чуть было не отбросил портьеру. Но тут я увидел Холмса. Холмс неподвижно замер в паре шагов от входа, а напротив его, точно так же не шевелясь, стоял незнакомец: невысокий и можно даже сказать щуплый господин средних лет с гладко зачесанными и набриолиненными черными волосами. Вначале мне почудилось, что какая-то неведомая сила вырвала у обоих жизнь, оставив бездыханные тела каменеть... Но глаза и того и другого оказались широко распахнутыми и живыми. Более того, я чувствовал: их взгляды насыщены такой небывалой, невероятной энергетикой, что, казалось, протяни руку на линию взглядов — и получишь сильнейший удар сродни электрическому.

Я никогда не сомневался в силе разума Холмса, но на этот раз ему попался невероятно сильный противник. Их поединок чересчур затянулся: лицо Холмса превратилось в гипсовую маску, из прорезей которой магически сияли глаза; лик его противника, напротив, все больше наливался кровью, по цвету приближаясь к бордовым портьерам, за которыми я прятался.

Возможно, мое решение было не совсем верным — но кто знает, как бы обернулось дело, останься я в стороне. Издав предупредительный крик, я смело бросился на незнакомца. Тот вздрогнул, словно пробуждаясь ото сна, и резко повернулся ко мне. Взгляд его дьявольских, глубоко посаженных глаз ударил по мне с силой парового молота — и, спиной сшибая какую-то мебель, я отлетел к стене.

6.

Едкий запах нашатыря заставил меня очнуться. Я увидел над собой лицо Холмса. Выражение тревоги на нем тут же сменилось облегчением.

— Слава Богу, вы живы! Я уже боялся, что этот дьявол вышиб из вас дух, — он кивнул в сторону.

С трудом двинув шей, я увидел нашего противника. Можно сказать, что тот был полностью повержен: он сидел на стуле, и верные наручники Холмса крепко стискивали сведенные за спиной запястья. Незнакомец сидел прямо, не шевелясь, словно поединок все еще продолжался. Только вот глаза потухли, а взгляд обрел сонливость...

— Что тут происходило?..

— О, мой друг, — оживился Шерлок Холмс. — Наша встреча действительно оказалась необычной. С первых же минут этот господин — Джон Холмер, если это его настоящее имя, — повел себя в высшей мере подозрительно. Он категорически отрицал, что из этих стен сбежали шестеро пациентов: хотя нам-то, Ватсон, этот факт был доподлинно известен. Еще больше я насторожился, когда стал улавливать в его длинной речи некие как бы случайные фразы, которые на самом деле, как мне известно, влияют на разум их слушающего.

— То есть... — пошатываясь, я поднялся на ноги и теперь проверял, все ли кости целы. — То есть он хотел взять под контроль ваш мозг?

— Бедняга не знал, что я обучался искусству влияния у старцев в Тибете, и вскоре уверовал, что я у него в руках. Он повел меня сюда, намереваясь, очевидно, запретить до поры, а потом приняться за вас. И тут свое умение показал я. О, этот Холмер оказался очень сильным гипнотизером — несмотря на то, что я застал его врасплох, мне не удалось добиться перевеса, и если бы не ваша, Ватсон, атака... Спасибо, мой друг, вы появились вовремя! Как вы?

— Все в порядке, — заверил я. — Но мы по-прежнему ничего не знаем.

— О, это уже не проблема. Мистер Холмер полностью под моим контролем. Вы ведь расскажете нам, что здесь случилось, мистер Холмер?

— Да, — деревянным голосом ответила фигура.

— Итак, — потер ладони Холмс, — приступим к поискам истины. Скажите нам...

7.

Прежде чем написать эту главу, я долго размышлял, как облечь в слова те невероятные факты, что мы узнали за несколько минут беседы с загипнотизированным Джоном Холмером. Даже мне, всю жизнь отдавшему медицине, его рассказ показался вначале бредом... Но, как бы то ни было — вот они, факты.

Лечебница в Фулеме на самом деле являлась секретной лабораторией, в которой Холмер с груп-

пой специалистов проводил воистину дьявольские опыты по изменению разума. Мне сложно правильно рассказать о сути опытов, так как большинство терминов, которыми оперировал Холмер, были мне неизвестны. Но суть я все же уловил. С помощью химических препаратов, гипноза и воздействия на мозг электрических импульсов Холмер как бы «стирал» ту совокупность жизненных знаний, которую мы именуем памятью. Он действовал подобно древним грекам, ровнявшим воск на табличках для письма ради того, чтобы на очищенном пространстве писать вновь — ибо потом Холмер, опять с помощью гипноза, электричества и химии «наносил» на мозг то, что ему было нужно. Это называлось установкой «новой матрицы активного сознания»... Среди двух десятков подопытных были и наши странные императоры.

— Если ваша методика настолько совершенна, что позволяет менять мышление человека, почему вы не захотели просто превратить несчастных в обычных, здоровых людей? — возмущенно воскликнул Холмс, на что Холмер своим мертвым деревянным голосом равнодушно ответил:

— Мы не ставим перед собой такой задачи. Нам требовалось реформировать стандартный объект в индивида, наделенного гениальным военным талантом. Одним из образцов был избран Наполеон Бонапарт. Все шестеро сбежавших были наделены полным набором качеств — от блестящего ума до честолюбия. К сожалению, долго не удавалось найти ту грань, на которой два сознания могли бы балансировать, не довлея друг над другом и не обваливаться в пучину безумия...

Работа уже была близка к завершению, когда неполадки в электрической машине едва не привели к пожару. В суматохе шесть недоделанных гениев военного дела дали деру...

Дальнейшее мы уже знали. Разум, в котором в жутком клубке переплелись знания человека XX века и опыт гения века XIX, повел несчастных к ближайшему месту, где они могли бы раздеться привычной одеждой. Что было потом — я не мог и представить. Возможно, ответ на этот вопрос мог бы дать Холмер, но Шерлока Холмса заинтересовало совсем не это.

— Теперь ответьте, — потребовал он, — кто были эти несчастные и как они попали к вам?

— Не знаю, — был ответ.

— То есть как не знаете? Они были безумны?

— Не безумнее, чем мы с вами, — равнодушно ответил Холмер. — Обычные бродяги, выловленные по моему требованию. С настоящими безум-

цами было бы намного сложнее...

— Негодяй! — вскричал Холмс, хотя и понимал, что его гнев минует Холмера. — Да за одно это вас следует судить! Но теперь отвечайте еще: кому потребовалось столько псевдогениев, и зачем?

И тут что-то дрогнуло на одеревеневшем лице пленника. Морщины у губ поползли в стороны, давая простор для широкого мертвенного оскала. Даже сейчас, спеленатый с ног до головы, с подчиненным сознанием, этот человек чувствовал себя победителем, чувствовал свое превосходство над нами, козявками, вставшими на его пути:

— Господа, — внятно сказал он, — неужели вы уподобились улиткам? Но даже если и так, то выгляните из своих ракушек. Грядет великая война, в которой свершится новый передел мира. И наши полки в этой войне поведут десятки Наполеонов, а дредноуты выйдут в моря под руководством новых Нельсонов. И вы спрашиваете, кому это нужно? Ее Величеству королеве Великобритании и народу Империи — и вам в том числе, если вы считаете себя гражданами нашего великого государства.

— Проклятье! — вскричал Шерлок Холмс. — Я должен был догадаться и сам! Но в таком случае...

Он не успел договорить: в соседней комнате послышались шаги и вскрик. Очевидно, второй гоблин обнаружил поверженного собрата.

Я в один прыжок оказался у потайной двери и захлопнул ее. И тотчас же тяжелые удары посыпались на нее, как град.

— Мой друг, — сказал Холмс. — Мне жаль, что я необдуманно вовлек вас в столь опасную авантюру, но в этом фарсе ничто не предвещало беды. Сейчас же все очень серьезно. Боюсь, эти люди не остановятся ни перед чем, чтобы сохранить свою мерзкую тайну.

— Не извиняйтесь, дорогой Холмс, — перебил я его. — Давайте вместе искать путь к спасению, и будь что будет!

Слеза блеснула в стальных глазах Холмса — человека, которому многие отказывали в человечности, видя в нем лишь орудие правосудия и не более. Пока он совершал над недвижимым Холмером какие-то манипуляции, я обнаружил еще одну комнату. Ее почти до потолка загромождали разнокалиберные ящики, доставленные, судя по маркировкам, из Германии, Франции, Северо-Американских Штатов и даже из России. Выхода у комнаты не было, однако в ней имелось окно, закры-

тое ставнями. Когда я снял с них запор, за деревянными щитами оказалась решетка. Похоже, это был единственный путь наружу — и к свободе.

Я едва успел сообщить это Холмсу, как дверь в «гостиную» содрогнулась под мощнейшим ударом. Словкостью обезьяны Холмс пробежал вдоль стеллажей, сбрасывая реактивы на пол и топчя колбы. По его приказу я обшарил рабочий стол, собрал все бумаги и поджег их. Дверь затрещала.

— Ну что, пора перейти к последнему рубежу обороны! — выкрикнул Холмс. Горящий листок, упав в какую-то вонючую лужу, заставил ее вспыхнуть как костер Орлеанской девы. Пламя с гудением ударило в низкий потолок, поторопив нас броситься вон. Холмер, по-прежнему безучастный ко всему, равнодушно наблюдал за тем, как мы уничтожаем плоды его злого ума.

Я закрыл дверь комнаты тогда, когда в лабораторию, держа в качестве тарана мраморную Афродиту, ввалились несколько верзил. Но теперь между ними и нами, кроме не слишком надежной двери, поднималась еще и стена огня. С воплями они отпрянули прочь, кто-то кинулся отвязывать Холмера...

8.

— Вербки у нас нет, — констатировал Холмс. — Как вы, Ватсон? Сумеете спрыгнуть со второго этажа?

— Во-первых, мы почти одногодки, Холмс, а во-вторых, вы говорите так, словно решеток на окне уже нет.

— О, с решетками проблем не будет. Взгляните: прутья вделаны не в камень, а в кирпич, при помощи которого, очевидно, и уменьшили размеры окна до нынешних. К тому же все здесь скреплено обычным раствором — убедитесь в этом сами.

— Но чтобы...

— Чтобы убрать решетки, потребуется инструмент. Он наверняка здесь найдется: ведь должны же чем-то вскрывать все эти ящики.

И на сей раз Холмс опять оказался прав. Мы быстро разыскали мешок с инструментами.

— Позвольте, вначале я, — деликатно вызвался Холмс, отбирая у меня молоток.

Чувствовалось, что наносить удары ему неловко — молоток рикошетил от прутьев, соскальзывал с них; а между тем за стеной уже отчетливо слышалось гудение огня, и сквозь щель под дверью (хотя я и постарался заложить ее мешком) просачивался сизый дым. Стало трудно дышать... Тут, наконец, с колокольным звоном вылетел один

из прутьев. В образовавшуюся щель мог бы, пожалуй, протиснуться сухошавый человек — такой, как Холмс, — но мой друг даже не подумал остановиться, все так же круша кирпичи. Наконец и второй прут улетел наружу. Надсадно кашляя, Холмс до пояса высунулся в окно.

— Кажется, никого нет, — доложил он. — Но я спущусь первым.

Я отдал ему револьвер. Несмотря на возраст, Холмс оставался в прекрасной физической форме. Он легко соскользнул за окно. Не заставляя себя ждать, следом полез и я, предварительно сбросив тяжелое пальто. Мое приземление оказалось менее удачным: удар отозвался резкой болью в лодыжке, и я завалился на газон.

— Надеюсь, это только вывих, — утешил я себя и друга. Он помог мне подняться и передал свою трость. Я смог потихоньку хромать, являя собой, несмотря на опасную ситуацию, комическое зрелище.

— Погодите, Ватсон, — сказал Холмс, увидев, что я направляюсь в сторону ворот. — Я думаю, что нам, прежде чем уйти, следует побывать там, — и указал на небольшой домик, прятанный в широкой тени особняка. — Думается, именно в нем держат несчастных подопытных.

Что ж, Холмс оставался самим собой — начав дело, он намеревался довести его до логического завершения. И мы двинулись к домику.

Не знаю, сколько прислужников имелось у Холмера, но все они сейчас были увлечены игрой с огнем — дым, выходявший из разбитого окна, по своей плотности уже приближался к сигнальному. Так, пожалуй, и наши вечноспящие пожарные увидят его...

Холмс заметно обогнал меня и уже вступил на крыльцо домика, когда позади хрустнул гравий и чей-то знакомый голос властно произнес:

— Остановись, Шерлок! Не нужно ходить туда...

9.

— ...брат...

Холмс обернулся... Вид у него был таким, словно перед нами вдруг материализовался настоящий призрак. Но гравий под ногами подошедшего скрипел, напоминая о том, что тот — из плоти и крови.

...Я видел Майкрофта Холмса лишь однажды, лет двенадцать назад, когда мы занимались делом о похищении чертежей новой субмарины. Но и одного раза оказалось достаточно, чтобы запомнить

этого высокого — под стать брату — джентльмена, наделенного высоким лбом мыслителя и стальным взглядом полковника. Майкрофт шагнул в круг света, очерченный фонарем над входом в домик, и я увидел, насколько он постарел. И прежде грузный, теперь он просто поражал нездоровой тучностью. Волосы, не скрытые котелком, были абсолютно белы; и даже голос, звучавший по-прежнему властно, утратил медь и стал чуть дребезжащим...

— Пожалуйста, не ходите туда, — уже мягче повторил Майкрофт.

Я лихорадочно пытался осмыслить ситуацию. Двенадцать лет назад Майкрофт занимал высокий пост в правительстве. Сейчас там заправляли другие лидеры; но, вполне возможно, что и Майкрофт, несмотря на возраст, оставался в центре паутины...

— Значит, ты.

— Есть вещи, Шерлок, которые стоят и над тобой, и надо мной. И остается только позволять манипулировать собой, осознавая, что действие, ущербное с точки зрения морали, все равно необходимо и правильно, ибо служит укреплению могущества державы. Это, пожалуй, единственное, что я могу ответить на все твои дальнейшие упреки.

— Но почему ты?

— Не совсем я. Моя работа — только контроль за общим ходом эксперимента. Деталью занимаются другие.

— Раньше у тебя не было дел, за которые нужно оправдываться. Что же случилось сейчас?

Майкрофт пожал плечами.

— Не сделаем мы, сделают другие, — твердо сказал он, глядя в глаза Холмсу. — Мы перекупили Холмера у немцев и спрятали здесь. Грядут большие события, Шерлок, и мы обязаны использовать любой шанс, даже такой...

— Даже такой, — как эхо повторил Холмс. — О, а вот и те, кто занимается деталями.

Я половчее перехватил трость, готовясь к схватке. В ее набалдашник — и это чувствовалось — был залит увесистый кусок свинца. Не думаю, чтобы стае подбегающих горилл доставило удовольствие знакомство с этим элементом периодической системы. Но Майкрофт отмахнулся от них, как от мух, — и они послушно отступили, угрожающе, но тихо жужжа... Кажется, и мой протеже тоже был уже в строю — но его сложно было опознать в куче одинаковых бритоголовых громил.

— Думаю, вам все же следует уйти, — тихо ска-

зал Майкрофт. — И накрепко забыть о деле, в которое я вас втравил.

— Ты? Втравил?

— Увы. Самоуверенность, брат, играет с человеком иной раз злые шутки. Я думал, что все рассчитал верно. Но моей ошибкой было уже то, что я привлек — через этого глупыша Лестрейда — к расследованию именно тебя. Мне думалось, что для тебя поиск сбежавших станет еще одной логической задачей, не более. А ты пошел в противоположную сторону...

всего желал оскорбить вас...

— В самом деле, — звонко сказал Холмс. — Ступайте, Ватсон. Тут у нас, оказывается, семейный разговор.

Можете осуждать меня — но я послушно ушел, оставив Холмса в этой компании. Я проковылял мимо своры, скалясь им в рожи и отчаянно надеясь, что кто-нибудь не выдержит, бросится на меня, и тогда все решится само собой. Но гориллы оказались слишком хорошо дрессированными. Они лишь проводили меня полными злобы взглядами,

— Что ж, мне все ясно. Пойдемте, Ватсон.

— Шерлок! — слабо вскрикнул Майкрофт.

— Что еще? Ведь ты сказал все, что собирался. Или нет?

— Чтоб тебя! — взорвался Майкрофт. — Будь по-твоему. Ватсон, оставьте нас, пожалуйста, одних. Ворота открыты, а за углом ждет мое авто. Водитель отвезет вас домой. Пожалуйста, не рискуйте без нужды...

Ему не следовало говорить о риске.

— Сэр, я думаю, в свое время вы достаточно подробно изучили мою биографию...

— Прошу прощения. — Было видно, что Майкрофту Холмсу стоило большого труда сдерживать раздражение, но он крепился: старый матерый кукловод, вдруг увидевший, что марионетки не слушаются его нитей. — Извините меня. Я меньше

и ни один не тронулся с места... А за воротами действительно стоял лакированный автомобиль. Едва я сел, как водитель переключил рычаги, и машина тронулась. А я сидел, отрешенно думая... О чем?.. Сейчас я вряд ли вспомню, настолько сумбурными и темными были те мысли... И только через несколько минут, очнувшись, я понял, что не назвал шоферу адреса. Оказалось, что в этом нет нужды — Майкрофт знал свое дело, и мы ехали в Хэмпстэд.

10.

Целые сутки Холмса не было дома. Много раз я звонил ему, но служанка отвечала все время одно и то же: еще нет. А появился он только вечером следующего дня.

— Вы неважно выглядите, Ватсон, — встретил

он меня непривычно тихо и тут же возвратился на диван. В комнате было накурено так, словно дюжина матросов целый день не прекращала дымить в этих стенах. — Если вы будете расспрашивать меня, о чем мы говорили с братом и чем все закончилось, то вот вам мой ответ: я ничего не могу сказать.

Такого никогда не было: чтобы Холмс — и не рассказал, как закончилось расследование. Тем более, что он прекрасно понимал: мной движет не пустое любопытство.

— Всю жизнь я считал, что мы являем собой торжествующую справедливость и всегда находимся на стороне добра. Но нынешней ночью я утратил эту уверенность, потому что... потому что поднялся на иной уровень, где, похоже, не действуют общепринятые нормы. Могу ли я считать, что здесь мое понимание морали и нравственности так же верно, как и в обращении с грабителями, ворами и убийцами? Могу ли я взывать к совести Империи — или это бессмысленно, и ее заменяют иные понятия: целесообразность, нужность, необходимость?.. Как мне поступать теперь?

Я не знал, что ему сказать...

— Я надеюсь, что сделал сегодня правильный выбор, но буду ли я уверен в этом и завтра? Я не знаю и не хочу, чтобы вы что-либо знали на этот счет. Пожалуйста...

— Хо... хорошо... — я откашлялся. — Но вы... вы хотя бы знаете, что стало с теми шестью несчастными, за которыми нас принудили охотиться? Вы их поймали?

— Нет, — глухо ответил Холмс, отворачиваясь к стене. — И не думаю, что их поймут. Скорее всего, все они уже на континенте, в Кале, или на дороге в Париж — хотя он и не является их конечным пунктом.

— Но куда они направляются? Что им нужно? — я спрашивал так, как ребенок обращается ко взрослому: в твердой уверенности, что тот знает ответы на все вопросы. Но Холмс действительно знал. Он повернулся на миг так, что стал виден его резкий профиль, и произнес лишь одно слово:

— Ватерлоо, — а потом вновь отвернулся.

Больше в тот день Холмс ничего не сказал.

11.

...Ранний декабрьский вечер уже заставил зачехлеть фонари. Пал редкий снег — и тут же исчезал под ногами прохожих. Люди спешили, не

глядя друг на друга и почти не разговаривая. Только мальчишки-газетчики беспокойными молекулами шныряли взад-вперед в этом упорядоченном потоке. Я купил свежую «Гардиан», сунул в карман пальто.

Ватерлоо...

Холмер говорил, что они хотели получить Наполеона в расцвете его военной карьеры. Что ж, отчасти это им удалось — хотя эксперимент и вышел из-под контроля. Пробудясь, разум императора поглотил умы своих носителей полностью — и шесть Наполеонов вдруг очутились посреди враждебной страны, в чужом городе — и с сознанием того, что великая битва уже проиграна. Но они не смогли смириться с поражением. И они вновь устремились к Ватерлоо, слепо уверовав, что судьба дала второй шанс не только им одним, а всем без исключения. И не ведая, что поля Ватерлоо давно заросли, что кости гвардейцев истлели в могилах, а штыки ржавеют в земле...

Придя домой, я просмотрел «Гардиан». На второй странице обнаружилась заметка об отставке сэра Майкрофта Холмса, а на шестнадцатой — сообщение о пожаре в закрытой лечебнице в Фулеме. Даже самый дотошный сыщик не догадался бы, что между двумя событиями есть прямая связь — но я-то знал... И теперь знал, какой непростой выбор сделал мой друг.

...Несколько дней подряд к Холмсу приходили некие господа и вели долгие беседы. Холмс никак не комментировал эти визиты, тщательно избегая любых разговоров о деле Шести Наполеонов. Но я догадался, что речь шла о Холмере. Очевидно, Холмс что-то сделал с памятью ученого, ликвидировав все, что касалось опасных опытов. Господа уходили ни с чем. О Холмере мы больше ничего не слышали.

Исчезли без следа и все шесть Наполеонов.

А спустя три года разразилась мировая война. Муж Маргарет был мобилизован и погиб в Центральной Африке, став одним из 743 тысяч воинов Великой Британии, павших на полях Славы. И теперь, когда я вижу Маргарет в трауре, я спрашиваю себя: а прав ли был Холмс? Быть может, нужно было перешагнуть через себя и через мораль? Может, нужно было послушаться брата и оставить все, как есть?

Я задаю вопрос, но не знаю ответа. Но вновь и вновь спрашиваю себя: прав ли был Холмс или нет? Прав или не прав?..

Игорь Водолеев (г. Екатеринбург)

МИШЕНЬ ДЛЯ ЛЕВШИ

Закрытый город Маяковский, построенный для переработки радиоактивных отходов и именуемый в просторечии Маяк, сельские жители называли не иначе как Радио-Маяк. Хотя в печати утверждалось, что за тридцать лет на градообразующем предприятии случилось всего две незначительные аварии, население области не доверяло официальным цифрам. Сами граждане Маяковского относились к проблеме радиации проще. Все, конечно, знали, что уровень фона в дни завоза ядерных отходов стабильно превышает допустимые нормы — но об этом предпочитали помалкивать. На то были свои причины. Партию «зеленых», которую еще на первом витке гласности пытались организовать работники Дворца культуры, запретили специальным постановлением правительства, и она распалась, не успев даже зарегистрироваться в соответствующем государственном органе. С другой стороны: люди, работавшие на предприятии, сознательно и добровольно расписались в известной секретной инструкции, которая обязывала всех прочитавших ее хранить вечное молчание. Кроме того, трудящиеся города понимали, что просто так нигде не снабжают дефицитными товарами по смехотворно низким ценам и не дают бесплатных путевок в лучшие санатории страны. За все хорошее надо платить — в данном случае, возможно, и здоровьем.

По правде говоря, для заливщика цеха № 1 Альберта Тонкошурова, русского, беспартийного, эта цена оказалась чрезмерно высокой. Его безжизненное тело без внешних следов насилия нашли в цеховой лаборатории в прошлую среду, сразу после обеденного перерыва. Вскрытие показало, что гражданин Тонкошуров А. С., 26-ти лет, скончался от цирроза печени. Этот нормальный при других обстоятельствах диагноз породил массу кривотолков. Председатель профкома Смелков, который до избрания на данный пост трудился в должности начальника бюро охраны труда (непростая должность, между прочим), обратился к городским властям с просьбой провести официальное расследование. К делу привлекли работника прокуратуры, опытного судмедэксперта Фомкина. Доктор Фомкин диагноз подтвердил, но не смог объяснить, от-

куда взялся этот чертов цирроз. Дело в том, что Тонкошуров собирался в отпуск по путевке и за неделю до кончины прошел врачебную комиссию, которая удостоверилась, что заливщик практически здоров и может быть допущен к лечению в санатории Минатома. Недолго думая, Фомкин приписал к общему диагнозу термин «скоротечный» и умыл руки. Но спустить дело на тормозах прокуратуре не удалось, поскольку времена уже были другие — те, когда простой начальник лаборатории мог запросто подняться на волнах гласности и демократии до самой высокой государственной должности. И Смелков, который собирался через месяц повторно баллотироваться в председатели городской думы, потребовал дополнительного расследования с полным радиохимическим контролем. Для выяснения обстоятельств случившегося приказом по предприятию была назначена комиссия под председательством начальника службы безопасности, майора ФСБ в отставке Кудимова Григория Ивановича. Среди коллег майор Кудимов пользовался большим уважением за то, что умел метко стрелять с обеих рук из любого положения и даже с завязанными глазами на слух.

Изучив личное дело погибшего, Кудимов первым делом установил, что Тонкошуров не был тайным алкоголиком. Более того, погибший совершенно не пил, а занимался боксом и даже выполнил норматив мастера спорта. В деле нашлась фотография, где Тонкошуров был снят на ринге во время боя за первенство области. Кудимов, сам когда-то занимавшийся боксом, заметил, что покойный стоит в характерной левосторонней стойке. Впрочем, необычным этот факт не назовешь, так как среди классных боксеров левши составляют чуть ли не треть. На последнем фото, сделанном, очевидно, в цеховой лаборатории, Тонкошуров лежал на полу с гримасой боли на застывшем лице цвета прошлогоднего лимона. Изучая снимок, Кудимов обратил внимание на серое пятно неправильной формы, закрывавшее ногу покойного выше колена. Предположив, что это тень от лабораторного стола, он достал транспортир и приложил к фото. Измерив углы и расстояния, майор при-

шел к выводу, что пятно не укладывается в законы геометрической оптики, поскольку источник света в виде окна был расположен гораздо выше, чем было нужно для тени. Немного подумав, он поднял трубку телефона.

— Алло, вычислительный центр? Это майор Кудимов. Программиста Мухина мне. Здравствуй, Павлик. Скажи, кто делал фото места происшествия? Ах, это видеозапись камеры наблюдения? Тогда понятно. А ты заметил на распечатке пятно? Да, на правом бедре, и полживота не видно. Как раз там, где была печень. Дефект пленки плюс аппаратные искажения? Так, понятно. Слушай, принеси-ка диск сюда. У меня как раз имеется одна корректирующая программка. Нет, из комплекса фотограммометрии, картографы подарили. Автоматически устраняет в цифровом формате любые аппаратные искажения. Конечно срочно. Отставить разговорчики в строю! Давай двигай, одна нога там, другая — здесь.

...Вставив диск в дисковод, Кудимов открыл файл с картинкой. Компьютер обвел тонкой ломаной линией пятно, напоминающее длинное серое облачко, прилепившееся к черным джинсам, которые были на Тонкошурове. Сделав поправку на скорость вращения видеокамеры, Кудимов ввел исходные данные в компьютер и запустил корректирующую программу. Компьютеру потребовалось несколько минут, чтобы убрать аппаратные искажения и расположить световые пятна в конфигурацию, которую объект имел в начальный момент видеосъемки. За это время Кудимов успел вскипятить электрочайник и приготовить чашку кофе. Завершив работу, компьютер издал звуковой сигнал. Кудимов отставил чашку и нетерпеливо принялся к монитору. Вглядевшись в изображение, он тихо выругался. На обработанном кадре вместо пятна появилось небольшое лемуриноподобное существо, которое сидело на ногах Тонкошурова, погрузив указательный палец в его пупок. В левой руке лемур держал большой коленчатый шприц иглой вверх. Надпись в углу кадра показывала 12 часов 30 минут. Прогнав запись на полчаса вперед, Кудимов увидел на стоп-кадре двух лаборантов в белых халатах, склонившихся над телом Тонкошурова. Лемура нигде не было видно.

«Вот так номер,» — подумал майор. — «Дрессированное животное совершенно свободно проникает на режимное предприятие, без шума убивает работника — мастера спорта по боксу, между прочим, — и смывается так быстро, что даже видеок-

мера не успевает отследить. Чистое убийство прямо через пупок. Потому и следов не осталось. Видимо, оно сначала нанесло удар Тонкошурову прямо в печень, отчего тот отключился, а затем впрыснуло смертельную дозу вируса гепатита. Через полчаса печень разложилась, и заливщик скончался, не приходя в сознание. Главное, зверь хорошо ориентируется на местности. А вдруг он здесь уже был и раньше? Перемотаю-ка я запись к началу.»

Погоняв диск, Кудимов установил, что лемур посещал лабораторию ровно за неделю до смерти Тонкошурова, причем вел себя как разумное существо. «Интересно, где тебя дрессировали?» — с досадой подумал майор, наблюдая, как животное, помогая себе хвостом, орудует за лабораторным столом, грея на электроплитке колбу с раствором. Через пару минут кипения в колбе остался белый кристаллический порошок, который лемур высыпал в пробирку и пропал. Кудимов глазам не поверил, когда замедленное воспроизведение показало, что лемур превратился в длинную серую тень, которая исчезла за дверью подсобного помещения. «Что же ты, гад хвостатый, кипятил в нашей лаборатории две недели назад?» — майор поднял трубку и набрал номер городской больницы.

— Алло, Шурочка, — пророкотал он бархатным баритоном. — Это майор Кудимов беспокоит. Ты, как всегда, цветешь и пахнешь. Почему — не видно? Я и по телефону все вижу. Работа такая. Кстати, можно один вопрос самому обаятельному эндокринологу города? А если за шоколадку? Если от всего сердца — какая же это взятка? Нет, как раз в твоей компетенции. Шурочка, по данным разведки две недели назад у вас должен был быть свежий покойник с циррозом печени. Уже похоронили? Понятно. А кем он работал? Водителем спецмашины, понятно. Так, а ничего странного ты не заметила? Резус-фактор отрицательный, понятно. А не был ли он левшой? Не успели спросить, понятно. Так быстро умер? Скоротечная форма, понятно. А часы на какой руке он носил? На правой, понятно. Шурочка, с меня две шоколадки. Это совершенно понятно.

Положив трубку, Кудимов откинулся в кресле. «Так, что мы имеем, — подвел он итоги. — Два трупа с одинаковым диагнозом с интервалом в неделю. Первый покойник работал прикомандированным водителем и потому не попал в список избирателей Смелкова. Возил спецгруз, то бишь ядерные отходы, в цех № 1. Тонкошуров тоже был левшой и тоже умер от цирроза печени. А потом появился

лемуру и начал копать у него в животе. Ну и что? Я тоже левша, и сегодня как раз среда», — Кудимов невольно оглянулся. За спиной никого не было. Нет, так не пойдет, решил майор. Налив себе еще кофе, он вернулся к монитору. Внимательно изучив видеозаписи последних минут, Кудимов увидел, что лаборанты разошлись, а на столе обнаружилась включенная электроплитка. Рядом находилась колба с приготовленным раствором. Кудимов вздрогнул и посмотрел на часы. Было 25 минут первого. «Середина обеденного перерыва, — нахмурился он. — Сейчас из помощников никого не найдешь. Что же делать? Я затылком чую, что зверь

уже там. В прошлый раз его спугнули, а сегодня он должен вернуться, чтобы выпарить свой порошок. Медлить нельзя, придется идти одному».

Достав из сейфа пистолет, он проверил обойму.

— Ведь ты вернешься сегодня, тварь заморская, придешь в обеденный перерыв, — наговаривал майор, надевая бронжилет. — Явишься, зверюга, чтобы сварить свое зелье. Давай, приходи. У майора Кудимова есть чем тебя встретить!

Черкнув несколько слов на перекидном календаре, он быстрым шагом вышел в коридор и захопнул дверь. Ему потребовалось три минуты, чтобы добежать до двери с надписью «ЦЕХОВАЯ

ЛАБОРАТОРИЯ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Открыв замок магнитным ключом, он вошел в помещение.

Включенная электроплитка стояла на лабораторном столе. Рядом находилась колба, до половины наполненная желтоватым раствором. Кудимов наклонил ее горлышком к себе и осторожно понюхал. В ноздри шибануло чем-то острым и неприятным. Кислота, понял он. Похоже, соляная. Где же пробирка для порошка, неужели майор опоздал? Он выдвинул ящик стола. Пусто. Надо поверить внизу — вдруг повезет.

Нагнувшись к нижней полке, он неожиданно получил сильный удар под лопатку, бросивший его на стол. Схватив покачнувшуюся колбу с кислотой, Кудимов медленно повернулся. Перед ним на задних лапах стояло лемуруобразное животное ростом с шестилетнего ребенка и с растерянным видом разглядывало зажатый в сухой черной лапке коленчатый шприц с обломанной иглой. Кудимов выдернул из кобуры пистолет и направил на лемура. Видимо, зверю уже приходилось встречаться с огнестрельным оружием: издав жалобный писк, он сразу поднял лапы вверх. Вдруг из рукоятки шприца вылетел узкий яркий луч света, ударивший Кудимову прямо в глаза. От неожиданности и боли майор выронил колбу, которая упала на пол и разбилась. Вскрикнув совсем по-человечески, лемур подпрыгнул и бросился бежать. Ослепленный вспышкой Кудимов хорошо слышал дробный перестук мелких коготков, удалявшийся влево, к двери в подсобную комнату. Для обычного стрелка перемещение мишени влево является, как правило, неудобным. Но Кудимов не был обычным стрелком. Вскинув левую руку с пистолетом, он на слух определил положение цели и нажал на спуск. Эхо от выстрела заглушило мягкий шлепок свалившегося на пол тельца.

Кудимов приложил к глазам влажный носовой платок и с облегчением почувствовал, что зрение возвращается. Удерживая пистолет наготове, он приблизился к истекающему кровью существу, которое лежало на правом боку возле двери, до которой оставался всего один прыжок. Пуля попала лемуру в спину и прошла навывлет рядом с позвоночником.

— Что за зверь такой? — удивился майор. — На мартышку не похоже. Из цирка сбежал, что ли? Или прямо из ЦРУ?

При звуке голоса лемур встрепенулся и шевельнул рукой с зажатым шприцем.

— Но-но, не балуй! — нагнувшись, Кудимов вырвал прибор из почти невесомой лапки существа.

— Двадцать миллионов, — просвистел лемур, с усилием приподнимая носатую черную мордочку с блестящими глазками.

— Чего двадцать миллионов? — чуть не выронил шприц майор.

— Осторожнее! — взвизгнул зверь. — Здесь левовитацина на двадцать миллионов фраксов.

— Какого еще «витацина»? — нахмурился Кудимов. — Откуда он взялся?

— Из печени левши, — лемур сделал попытку дотянуться до пояса. Только сейчас майор заметил застегнутый на талии зверя серый кожаный пояс с карманами.

— Умоляю, помогите, — прошептал он угасающим голосом. — Только одну таблетку.

Движимый непонятным чувством, майор достал из карманчика лемура круглую таблетку, запечатанную в прозрачную упаковку. Отодрав с нее липкую оболочку, лемур сразу проглотил содержимое. Затем он развернул половинку оболочки и залепил ею ранку на мохнатой груди. Почувствовав себя лучше, лемур показал черным пальчиком на остаток пластыря и перевернулся на живот.

— Сам не знаю, почему я это делаю, — проворчал Кудимов. Нагнувшись, он отыскал в густой шерсти на спине входное пулевое отверстие и наложил на него пластырь.

— Вот что, родной, — Кудимов многозначительно потряс шприцем и убрал его на столик с реактивами. — Не знаю, кто ты, зверь или человек; но пока не расскажешь мне все, отсюда не выйдешь. Ферштейн?

— Йа, йа, — закивал лемур. — Яволь. Их бин шварцайткафтер.

— Отставить! — прикрикнул майор. — Отвечай, собака, по-русски, что такое левовитацин и с чем его едят.

— Это сильнейший наркотик, — пропищал лемур, несколько обидевшись, что его обозвали собакой. — Применяют с обыкновенным аспирином. Одного миллиграмма добавки хватает на тысячу таблеток по десять фраксов за штуку. Это самый чистый наркотик в мире.

— А при чем тут цирроз печени? — нахмурился Кудимов. — В животе Тонкошурова зачем копался?

— Левовитацин образуется в печени левшей, — лемур осторожно перевернулся и присел на корточки. — Только у тех, кто имеет отрицательный

резус-фактор. Год или два он накапливается под воздействием слабой радиации до критической массы, а затем — почти мгновенная смерть от рака.

— Ты хочешь сказать, — Кудимов недоверчиво покачал стволом пистолета, — что не убивал Тонкошурова?

— Зачем мне его убивать, — лемур пожал узкими плечами, — если он и так был обречен? Я охотник за левовитами, один из лучших. В вашем мире я передвигаюсь на четвереньках, и меня все принимают за афганскую борзую, которая ищет хозяина. Собак у вас любят и пропускают всюду. Я просто жду, когда у донора наступит клиническая смерть и забираю то, что мне нужно.

— Красиво поешь, — кивнул Кудимов. — А меня зачем хотел уколоть?

— Это ошибка, — пискнул лемур. — Вы не мой клиент, у вас резус положительный. Я просто хотел забрать из лаборатории отстойник с препаратом. Ваши люди появились так быстро, что мне пришлось бежать с пустыми руками.

— Какой еще отстойник? — Кудимов, не спуская глаз с пришельца, пошарил по столу. Нащупав прибор, он нечаянно нажал кнопку на рукоятке.

— Осторожно, — взвизгнул лемур, бросаясь за вылетевшим из шприца прозрачным баллончиком.

— Стоять! — приказал Кудимов. Подставив лемуру колено, он на лету перехватил падающий баллончик. Лемур, споткнувшись, перевернулся через голову и ловко встал на задние лапы. Увидев зловеще оскаленные зубы и протянутую к поясу черную лапку, майор не стал дожидаться ослепляющего луча или еще чего похуже. Вскинув пистолет, он нажал на спуск. Уловив движение пальца, зверь нырнул под выстрел и метнулся вправо. Его движение было настолько быстрым, что Кудимову на миг показалось: серая тень гостя размазалась в длинную полосу до двери в подсобное помещение. Выпущенная пуля попала в раскаленную электроплитку и опрокинула ее на стойку с реактивами.

Прибежавший на шум охранник увидел, как Кудимов поливает из огнетушителя горящий столик. На вопрос, что случилось, майор ответил, что стрелял в большую крысу. Вдвоем с охранником они обыскали подсобку, но ничего не обнаружили.

Вернувшись к себе, Кудимов сразу уничтожил файлы с изображением лемура. Отчет он дополнил рапортом о том, что в результате расследования злого умысла не выявлено, и сдал дело Тонкошурова в архив. Да и что он мог рассказать членам

комиссии? Что видел пришельца из другого мира, охотника за наркотиками в образе разумного лемура? В психушку, его, возможно, не посадили бы — учитывая прошлые заслуги. Но с должности наверняка бы сняли.

Прошла неделя, затем другая. Невероятная встреча в лаборатории вспоминалась майору уже в какой-то дымке. Вот только баллончик с порошком не давал покоя. Кудимов был уверен, что пришелец не стал бы рисковать жизнью из-за пустяков. Шутка ли сказать: двадцать миллионов франков! Если в их мире это что-то среднее между франком и баксом, то в пересчете на рубли все равно получаются бешеные деньги. Помучавшись сомнениями, Кудимов наконец решился. В обеденный перерыв он проник в лабораторию и отвесил на прецизионных весах ровно один миллиграмм порошка. Дома он развел его в литре дистиллированной воды и, набрав жидкость в пипетку, капнул на таблетку аспирина. Раствор моментально впитался в аспирин, и на белой гладкой поверхности не осталось и пятнышка. «Неужели все зря? — подумал майор. — Не может быть. Пришелец говорил, что это лучший наркотик на свете. Считай, на десять франков уже заработал. Что это за валюта такая? Евро будущего, что ли? А кто сказал, что он явился из будущего? Может, он как раз из далекого прошлого. Наука об подобном умалчивает. За последние семьдесят лет историю уже семь раз переписывали. Но если франк — это что-то типа евро, то из баллончика немало зелени можно нащипать. В эпоху рыночной экономики. В рекламе не зря говорят, что главное — это правильно выбрать поставщика. Не думайте, люди, обо мне плохо. Это все нужда проклятая заставляет. Надо бы еще таблеток накапать».

Приготовив десяток таблеток, Кудимов задумался. А на ком теперь испытать? Может, на соседском Джеке? «Его все равно плохо кормят. А я ему колбаски дам. Пускай послужит науке. Павлов на собаке опыты делал, так ей потом памятник поставили,» — майор отрезал кружок колбасы и вдавил в нее две таблетки.

Вот так, была докторская — стала любительская.

— Джеки, Джеки, — позвал он собаку, выйдя в коридор. Соседский пес, крупный рыжий эрдельтерьер, на запах колбасы явился мгновенно.

— Хочешь, чтоб тебе поставили памятник? — ласково сказал Кудимов и положил колбасу перед носом животного.

Гореликова Алла, г. Таганрог

ЮБИЛЕЙ

О Юбилее начали говорить за год. Судя по размаху подготовки, торжества грозили вылиться в нечто совершенно грандиозное, но во что — никто не знал. В Сети невозможно сохранить тайну, но эту тайну хранили! Конечно, народ был заинтригован; я своими ушами слышала разговор, будто на самом деле вся подготовка ведется помимо Сети, в живую; и, ей-богу, это был еще не самый немислимый из будораживших столицу слухов. Где-то за месяц до юбилейной недели напряжение достигло предела; никто уж и не говорил о другом, только и мелькало: «Юбилей, Мэр, ВВЦ, Эппл-Трофи-шоу, Юбилей»... Конечно, я тоже только об этом и думала — но ведь жизнь всегда найдет, как испортить человеку праздник. За день до начала, всего за день, родители укатили в командировку! В командировку! Какая, спрашивается, командировка может быть за день до Юбилея?!

Я проревела весь день. Кое-кто другой был бы счастлив, я знаю: ничего себе, неделя Юбилея — и без присмотра! Но я, к собственному великому стыду, существо совершенно домашнее. Мне мало всех миров Сети и всех друзей в Сети, мне надо, чтобы кто-то был рядом — кто-то живой, настоящий, кто не боится быть с тобой таким, какой он есть, без обработки Мастером Образа. А таких, думаете, много? Только родители. Да еще Миша — но он знает, что Юбилей я собралась провести с родителями, и у него уже, наверное, свои планы, он, наверное, и не позвонит уже, сегодня у всех дел по горло перед целой неделей праздников, одна я... а что я? Хуже прочих? Вот включу сейчас новости...

А ведь праздник, по сути, начался уже сегодня. Все двадцать каналов общих новостей только о нем и шумели. И кто там только не выступал! Мэр и Президент, жена Мэра и жена Президента, секретарь-референт Мэра и пресс-секретарь Президента, Министр Культуры и Главный Архитектор, и добрая сотня звезд более популярных — спортивных, эстрадных, светских. И все они говорили об одном — пусть на разных языках и разными слова-

ми. Каждый на свой лад превозносил прекрасный город, древний и вечно юный, бестолково-шумный и приветливый, заманчиво многообразный... и так далее, и тому подобное. Мне быстро стало скучно, но не выключать же. В тишине лучше не станет.

Он позвонил. Не в Сети — в дверь! Он протянул мне огромный, пахучий, совершенно необыкновенный букет и спросил:

— Что это с тобой? Ревела?

Я смогла только кивнуть; мне и глаза-то на него поднять стыдно было — что он обо мне подумает?! И я спрятала пылающее лицо в пурпурно-золотую роскошь, названия которой не знала. Мише, страшно сказать, двадцать лет, через месяц он собирается защищать диплом; и каждый раз, когда он приходит, я удивляюсь: ну что он во мне нашел?! И я каждый раз благодарю судьбу за это чудо, и я молюсь Богу, которого, говорят, нет, чтобы замечательный парень Миша как можно дольше не встречал ту прекрасную взрослую девушку, на которой он захочет жениться — потому что, хоть я и желаю ему счастья всей душой, но я в тот радостный день стану очень, очень несчастна...

—Твой дома?

Я опять разревелась — и он все понял; представьте, он моментально все понимает, мне уж пора бы привыкнуть, но к такому разве привыкнешь... Он выволок меня из дома и повел в кафе — за два квартала от нас есть замечательное кафе-автомат, там кофе и мороженое, и столики на двоих; и что интересно, до знакомства с Мишей я ни разу там не была, он привел меня туда, а ведь он живет на другом конце города!

Лучшего успокоительного, чем мороженое, просто нет, что бы там фармацевты ни болтали в своей рекламе. А из мороженого лучшее — сливочный пломбир; это классика, а против классики, как говорится, не поперешь. Я спросила:

— Как называются твои цветы? Я таких никогда не видала.

Миша хитро улыбнулся и ответил:

— Хризантемы

Я чуть пломбиром не подавилась:

— Врешь ты, Мишка! Будто уж я хризантем не знаю!

— Ну, не совсем хризантемы. Генотип слегка подправлен. Но другого названия для них пока не придумали.

— Ой... Так это ты сделал? К диплому?

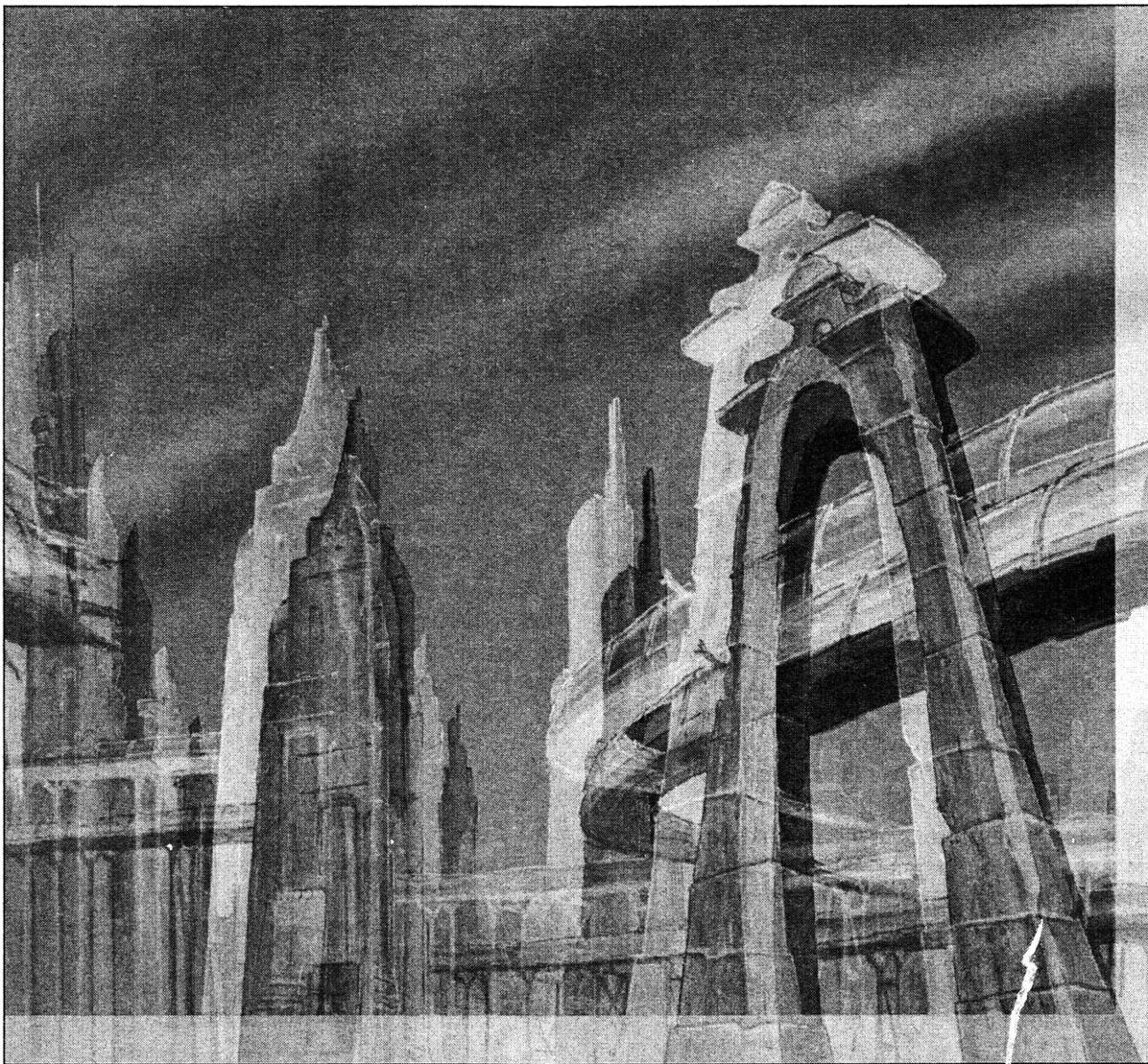
— Диплом у меня по золотисто-платиновым листам. А хризантемы — для тебя, Ляля. Я приду к тебе завтра. Это будет лучший праздник в твоей жизни, обещаю!

Назавтра, прямо за завтраком, я полезла на восьмидесятые. Я никогда не гуляла там одна — что-то во мне впадает в панику только при мысли об одиночном погружении; но ведь скоро придет Миша, и я захотела угадать, куда он меня пригла-

сит. С ним, конечно, не угадаешь, но думать об этом так интересно...

Конечно, все десять каналов абсолютного присутствия, с восьмидесятого по восемьдесят девятый, транслировали Юбилей — странно, если бы было иначе: такой праздник, ведь не все могут участвовать в живую, есть на свете и немощные старики, и прикованные к постели больные, и иногородние. Столица не резиновая, всех желающих принять не сможет; но есть Сеть, и без праздника не останется никто.

Я чуть не забыла о заглушке, так замечталась; спохватилась в последний момент, когда реальность праздника начала приобретать опасную глубину, заслонять привычную гавань квартиры, подавлять ее... Еще чуть-чуть — получила бы я оди-

ночное погружение; и что бы потом Мише сказала? А так, с заглушкой, можно просто подглядывать — чем я и занялась с большим удовольствием.

...Голубое небо, зеленый корт. Азартные вопли болельщиков. Голоногие дылды как на подбор — и с трещотками, в золотых (третий номер) лифчиках и фетровых шляпах устаревшего двести лет назад фасона — группа поддержки на западный манер. Волевое, в меру загорелое сексапильное лицо вице-спикера с наливающимся на скуле синяком — пропустил удар. «Я рассчитываю встретиться с господином канцлером в финале, и уж тогда посмотрим, кто кого!»; свист и хохот на трибунах, трещотки, трехцветные зонтики над веселыми лоточницами — знаменитая на весь мир «Большая Шляпа». Миша не смотрит спорт. Переключаю.

...Клетчатая кепка, круглый красный нос, исторический булжник под ногами. Голубые ели на заднем плане, гроздья рвущихся ввысь разноцветных, ярких, блестящих шариков. Василий Блаженный облеплен детворой, Микки-Маус раздает кока-колу. Я не люблю колу.

Переключаю.

Звонок.

Бегу открывать.

— Привет, как настроение?

Я ничего не отвечаю, только улыбаюсь; и не хочу, а улыбаюсь, все шире и шире, ой, стыдоба...

Миша обнимает меня за плечи; из комнаты слышны взрывы, я вздрагиваю.

— Куликовскую битву смотришь?

— Не знаю... я так, шелкаю.

От пальбы закладывает уши, я мчусь к термину и не глядя его переключаю.

— Это что, а вот завтра немецкое наступление во всей красе.

— Шутить?

— Серьезно. В новостях рекламу дали.

Миша смотрит мимо меня, я оглядываюсь и восхищенно обмираю — идет демонстрация новой коллекции бижутерии «Самоцвета». Конечно, такая красота не для серого мышонка вроде меня, но ведь можно на минуточку представить... «Господа покупатели, любую модель коллекции доставят вам на дом в течение сорока минут. В дни праздника для жителей столицы цены снижены вдвое. Не упустите уникальную возможность!»

Я вздыхаю:

— Нет, туда мне лучше не соваться. Миш, а куда мы пойдем?

— А куда ты хочешь?

— Честно?

Он улыбается и кивает, я бы жизнь отдала за его улыбку, скажи он после: «Я подожду, когда тебе исполнится восемнадцать»... Нет, не надо мне об этом думать! Ему тогда будет двадцать три, а в двадцать три все нормальные люди уже, наверное, давно женаты.

— Куда ты поведешь, туда и хочу.

Миша подмигивает.

— Тогда выключай. Мой сюрприз ждет внизу. Хочешь прокатиться на настоящем велосипеде?

— Ты раздобыл велосипед?! — с ума сойти, он бы еще живую лошадь приволок! — И что, он способен ехать?

— Еще как способен.

Кажется мне, что он меня разыгрывает... Велосипед, ха!

— И ты всерьез думаешь, что сегодня можно раскатывать по улице на какой-то там древней технике? Нет, успех тебе, конечно, обеспечен, но ведь наедешь на какого-нибудь ротозея.

— Лялька, — Миша хохочет, — да ты сначала выйди на улицу!

— Ну, пошли! — я думаю, что, когда мы выйдем, никакого антикварного транспорта там и в помине не окажется, и мы посмеемся над идеей удержаться на двух колесах в праздничной толпе, и пойдем...

— Вот! — Миша хлопнул ладонью по нелепо крохотному сиденью. — Спорим, забоишься на раме ехать?

Я растерянно оглядываю до странности просторную улицу:

— А люди где?

— Юбилей же. Кто станет по улицам ходить?

Действительно, спохватываюсь я, что сегодня интересного на обычной улице? Вот на Арбате большой карнавал, там весело и шумно, и велосипед, наверное, пройдет на «ура».

— Ладно, Миша, я согласна взгромоздиться на эту ненадежную штуковину, но с тебя двойной пломбир на Арбате.

— Обязательно, Лялька! С орехами и шоколадом!

И мы едем, и мне сначала становится жутко, а потом весело, и сладко замирает сердце, и ласковый ветер, и простор совершенно пустых улиц...

— Мих-Мих! Здорово!

Мы останавливаемся, и я растерянно хлопаю глазами: более странную компанию разве что в

кино увидишь. Парень — копия Антаранский Охотник, это ж сколько возился с гримом?! Другой — словно из старинного вестерна, какой-нибудь Чингачгук или Виннету. Девчонка помладше меня, с золотистыми косичками, одета, как Бекки в «Томе Сойере». И все... на коньках? Мне захотелось протереть глаза.

— Мих, твоя девушка никогда роллеров не видела?

А, ролики... Что-что? «Твоя девушка»? Так, оставим в покое глаза, пора прочистить уши.

— Это Ляля. Она и на велосипед сегодня в первый раз села; зато у нее все впереди. Ляля, эти обормоты — мои хорошие друзья.

— Антон, — Чингачгук крепко пожал мне руку, и мое ощущение реальности окончательно уехало куда-то.

— Игорь, — Антаранский Охотник отдал честь и широко улыбнулся. — А это Светланка. Вы куда?

— На Арбат.

— Мы тоже, — Игорь легонько дернул Светланку за косичку. — Хочу показать ребенку суровую правду жизни. Ну что, на скорость до почты?

— Давай. Лялька, держись!

И ласковый ветер, и смех, и дыхание Миши — совсем рядом... «Твоя девушка!» Мне уже не хочется на карнавал — там шумно и людно; я хочу, чтобы так все и оставалось — пустые улицы и мы. Антон обгоняет нас и кричит:

— Нравится, Ляля? Сегодня обзор — на сотню гигабайт!

— Нравится! — я смеюсь, я никогда еще не знакомилась так легко. — Очень нравится!

— Ты когда-нибудь отвыкнешь от сленга? — строго спрашивает Миша. — Обещал же!

— Мих-Мих, да разве это сленг! Так, отдельные биты!

Мы подкатываем к почте, и я от счастья, кажется, на седьмом небе, мне уже абсолютно все равно, что происходит вокруг, потому что Миша снимает меня с рамы и не сразу отпускает... а вдруг он все же решит подождать три года?.. Растерянный светланкин голосок возвращает меня на землю:

— А карнавал?

И правда, спохватываюсь я: здесь уже Арбат, здесь сейчас должны плясать медведи и скоморохи, и всякие там крестьянки в огромных цветастых шалях, ведьмочки в грав-плащах, параллельно-марсианские долгоносики; и — музыка, мороженое...

— Эх вы, дети! — Игорь снимает ролики, помогает переобуться Светланке. — Юбилей же! Кого на улицу вытащишь, когда все развлечения на восьмидесятых?

— Дешево, — добавляет Антон, — гарантия хорошей погоды, никаких беспорядков и полный контроль над ситуацией.

Миша подмигивает мне:

— Сразу видно будущего социолога. Ну что, погуляем по настоящему Арбату?

Я оглядываюсь: голубое небо в густых штрихах перистых облаков, слепые зеркальные окна Нового Арбата, идеальная мостовая, привыкшая к посольским лимузинам и интуристовским автобусам... да есть ли они на белом свете, послы и интуристы? Велосипед и три пары роликов. Абсолютная тишина. Слово мой город вымер в одночасье.

— Ты была здесь когда-нибудь? По-настоящему?

— Нет...

Неровный тротуар Старого Арбата с зияющими там и тут прорехами в недавно отреставрированной, судя по новостям, плитке (теперь ясно, почему мои новые знакомцы сняли свои ролики!) давал совершенно особый звук. Наши тихие, вразнобой, шаги отдавались многократным эхом, эхо металось меж двух сплошных стен псевдоисторических фасадов, не находя выхода (я так ясно представила, как там внутри сидят в комфортабельных современных апартаментах, в подключенных к терминалам креслах бесчувственные тела, пока души веселятся на восьмидесятых, праздную долгожданный Юбилей)... И мне казалось, что по самой знаменитой, стократ воспетой улице древней столицы идут ее последние живые жители...

Юрий Коньков (г. Екатеринбург)

Встреча с НЛО

(Святочный рассказ)

«Невежество - ночь ума, безлунная и беззвездная».

Цицерон

— Расскажите, Иван Иванович, что-нибудь страшное! — обратилась хозяйка дома Галина к высокому крепкому мужчине, судя по виду — оставшему полковнику, каковым он и был в действительности.

Иван Иванович покрутил ус, кашлянул, приоткрыл губами и, убавив в лампе огня и придвинувшись к столу, начал:

— Слышали ли вы, милые дамы, что-нибудь о М-ском треугольнике? Не слышали? Гм! А между тем, лет десять-двенадцать тому назад, на исходе восьмидесятых, слава о нем гремела по всему миру, затмевая прочие сенсации на страницах газет.

О нем писали все — и «Шпигель», и «Нью-Йорк Таймс» — не говоря уж о других газетах, помельче, включая и местные издания: «Наконец-то! Свершилось! Обнаружен космодром инопланетян! Установлен контакт с иными цивилизациями...»

Сотни тысяч любопытствующих со всех концов света ринулись в этот сравнительно небольшой район, чтобы самолично засвидетельствовать свое почтение представителям иной цивилизации или хотя бы издали поглазеть на НЛО. Они шли в любое время года и в любую погоду. Толпы шли совершенно так же, как в средние века орды крестоносцев направлялись ко гробу Господню. Представьте себе: зимой от ближайшей железнодорожной станции и до предполагаемого «космодрома» инопланетян ногами паломников в двухметровом снегу была протоптана траншея, сходная с окопами мировой войны, длиной пятнадцать километров.

Я считаю большинство этих людей недоумками. Почему?

Ну, допустим, прилетели инопланетяне в М-ский треугольник. Так что, они устроились на лавочке, подобно деревенским старушкам, и дожидаются этих остолопов, чтобы сказать каждому: «Здравствуй, Ваня! Нас зовут Хрю-Хрю и Фру-Фру, а прилетели мы из другой галактики специ-

ально и исключительно затем, чтобы полюбоваться на тебя!»?

Рассказчик так смешно изобразил сценку предполагаемой встречи «зеленых человечков» и двуногих оболтусов, что все присутствующие невольно рассмеялись. Иван Иванович вновь подкрутил ус, кашлянул и продолжил:

— Впрочем, кроме обыкновенных дурачков были и явные шпионы, так как вблизи этого треугольника находились суперсовременные стартовые площадки стратегических межконтинентальных ракет. Ажурные антенны их пункта управления прекрасно просматривались с близлежащих гор даже невооруженным глазом. Видимо, учебные пуски ракет и послужили основой для раздувания шумихи об НЛО. Иностранные разведслужбы через своих агентов в местных СМИ добились желаемого — проникли в заинтересовавший их район.

Прошу простить меня за столь длинное предисловие, но таким вступлением я лишний раз хочу подчеркнуть свое сугубо материалистическое мировоззрение. Не верю я также ни в сон, ни в чих, ни в нечистую силу... А во всех непонятных случаях я приучен сначала стрелять, а уж затем разбираться...

Без подобного пояснения, я думаю, вам не понять будет во всей полноте того шока, того неимоверного переживания, которое мне довелось испытать в этом клятом М-ском треугольнике.

Рассказчик тут вновь сделал паузу, а затем, чуть помолчав, продолжил:

— Короче, цунами глобальной шумихи об НЛО достигло кремлевских верхов, и они поручили Академии Наук разобраться, дабы поставить точку в этом вопросе. Ученые, соответствующим образом проинструктированные и вооруженные различной аппаратурой — от примитивных ивовых рогулек до гамма-спектрометров и магнитометров, — в сентябре восьмидесяти девятого года направились в

Рисунок Ирины Михайловой

этот район на двух машинах ГАЗ-66. Ну и я вместе с ними — так, на всякий случай, в качестве завхоза и мастера на все руки.

По прибытии на место наша экспедиция расположилась на постой сразу в двух деревенских избах. К нашей избе примыкал хлев для скота, или — как говорят местные жители — стайка. Над стайкой находился сеновал, и с него к крыльцу зачем-то была перекинута жердь длиной метров семи, которая была привязана к перилам крыльца железной проволокой.

Проверив, как устроилась на ночь вторая половина нашей экспедиции, я возвращался в свою избу и уже поднялся на крыльцо, как вдруг боковым зрением засек в проеме сеновала какой-то про-

сверк. Обратив туда взор, я оцепенел от ужаса, а волосы мои встали дыбом: прямо на меня смело, уверенно и неторопко, словно прекрасно зная, что я не могу шевельнуть и пальцем, а посему никуда от него не денусь, направлялось странное существо. Оно за-гипнотизировало меня взглядом своих огромных, раскосых, ярко фосфоресцирующих глаз. Большая его голова завершалась острыми ушами. Непропорционально огромные глаза располагались под углом в сорок пять градусов к линии носа. Одето оно было в какой-то непонятного цвета комбинезон с белым треугольником на груди. На ногах у него были белые же бахилы. Я говорю «бахиль», потому что это была какая-то мягкая обувь, делавшая его шаги неслышными.

Но больше всего меня поразили его руки, затянутые в белые и даже — мне так показалось — чуть фосфоресцирующие перчатки. Но самое главное: это были не какие-нибудь там трехпалые хваталки, как иногда изображают художники-фантасты, а натуральные человеческие руки, имеющие пять пальцев, прич-

чем большой палец на каждой руке явственно противопоставлен всем остальным. Само же существо росточком было всего сантиметров тридцать или чуть повыше, если допустить, что двигалось оно сильно приседая, враскорячку, подобно блатарям, которые на тесном пространстве тюремной камеры схлестнутся вдруг в смертельном поединке, отклячив зады и выставив далеко в стороны руки с зажатыми в них опасными бритвами или финками...

Во тьме осенней ночи существо невозможно было как следует разглядеть, но сомневаться в его агрессивных намерениях нисколько не приходилось, так как оно шло ко мне, широко раскинув руки, словно блатарь или борец сумо, чтобы одной рукой произведя обманный финт, другой тут же

нанести смертельный удар. Или же схватить в охапку. О простой зрительной галлюцинации тут не могло быть и речи, ибо хотя ночной гость и двигался почти бесшумно, но при каждом его шаге чуть слышно поскрипывала жердь. Топ-топ-топ — ступали ножки в мягких бахилах. Скрип-скрип-скрип — в такт шагам отзывалась жердь...

Поверьте, дорогие мои, такого ужаса я не испытывал никогда в своей богатой приключениями жизни. Мне случилось тонуть в Индийском океане, цепляясь за какой-то обломок судна, а вокруг рыскали акулы, разрывая на куски и пожирая моих товарищей по несчастью. Мне доводилось в натуральном корыте переправляться через широкую протоку, кишмя кишевшую крокодилами, которые не скрывали своих намерений заполучить меня на ужин...

Рассказчик умолк, прикрыв глаза и чуть склонив голову на грудь, как бы прощаясь со своей бурной молодостью и отдавая дань памяти своим погибшим товарищам. После минутного перерыва он продолжил:

— Да, много чего было в моей жизни, но такого ужаса, повторяю, я не испытывал никогда. Я стоял совершенно парализованный, будучи не в силах пошевелить и пальцем. Хотел крикнуть, но смог издать лишь некий сиплый звук, какой издает только напрочь перерезанное горло.

Это было явно разумное существо. Классики учат, что физический груд сформировал руку, а уж рука, особенно большой ее палец, способствовала появлению и развитию коры больших полушарий... Потом, опять-таки — глаза. Огромные глаза, свидетельствующие о прекрасно развитых сенсорных зонах головного мозга — у этого существа они занимали почти треть лица и простирались дальше — на виски. И, наконец, сама голова, на которую приходилось от 1/3 до 1/2 всей массы этого то ли инопланетного, то ли вообще потустороннего существа. Короче, по всем классическим канонам дарвинизма и диалектического материализма передо мной было существо явно более высокоорганизованное и неизмеримо более разумное, нежели мы, люди, кичливо присвоившие себе звание царей природы.

Но это не было дружелюбно расположенное ко мне существо: оно не кланялось и не прикладывало рук ни к губам, ни ко лбу, ни к сердцу, как это делают обычно индейцы при встрече с белым человеком в различных кинофильмах об аборигенах Нового Света. Нет, оно ни словом, ни жестом, ни

мимикой не выказало никакого дружелюбия. Конец жерди почти упирался мне в грудь, и это существо топало прямо к моему лицу, широко раскинув руки, словно намереваясь сжать мою голову в некоем страшном, сверхъестественном усилии и изъять мой мозг для одному ему ведомых целей.

Оно отчетливо видело и сознавало, что я значительно крупнее его, а, следовательно, наверное и сильнее. Но нет, оно не проявило и тени сомнений и колебаний — смело и уверенно топало прямо на меня. Да, я был крупнее, но не сильнее. Воля моя уступила его воле совершенно... И психика, и организм мой не выдержали такого потрясения — я грохнулся наземь с первым в моей жизни инфарктом. Больше я ничего не помню.

Рассказчик умолк.

— Как, все?! — вскричали заинтригованные слушатели, — А что потом? А кто это был: домовый, инопланетянин?!

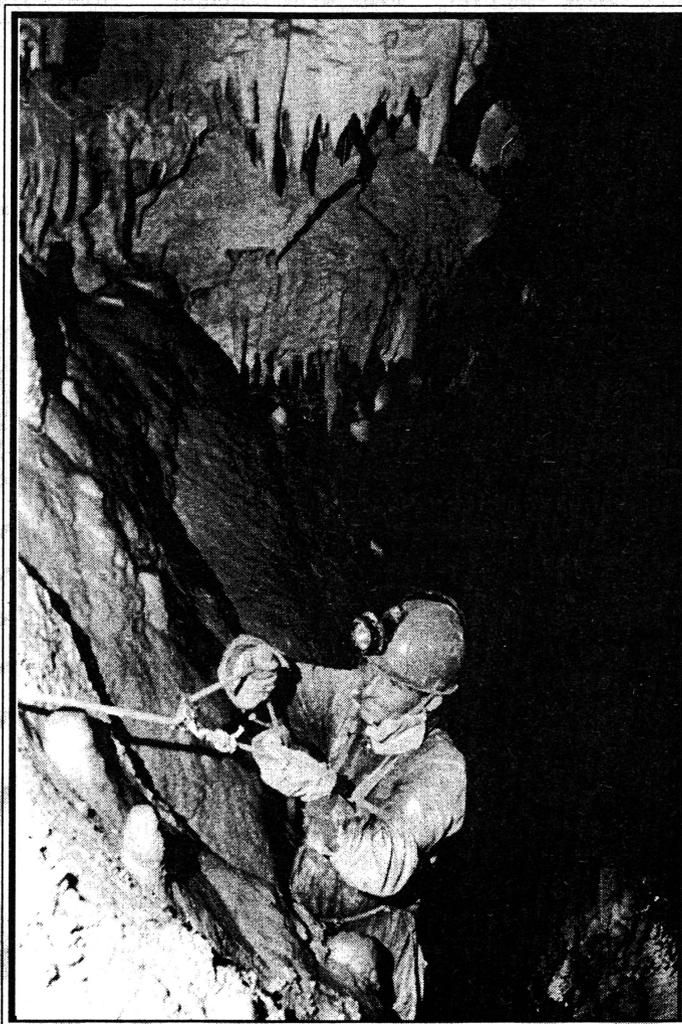
Иван Иванович лишь усмехался, покручивал свой ус и помалкивал.

— Ну, Иван Иванович, это в конце концов даже бессовестно, — надула губки красавица Галина, — взять вот так вот заинтриговать людей, а потом умолкнуть на самом интересном месте.

— А дальше, милочка, ничего интересного, — промолвил Иван Иванович. — Это действительно был НЛО — неопознанный летающий объект, сиречь хозяйская кошка Машка. Я так понимаю, она, наслушавшись идиотских разговоров об инопланетянах, решила весьма оригинальным образом подшутить над нами. С этой целью она поймала огромного крота, совершенно черного, но с белой грудью и белыми же кистями передних лап. Затем отъела ему голову и понесла, взяв зубами за шею. Шкура у него при этом натянулась, приподняв его ручки в горизонтальное положение. Вот так в темноте осенней ночи и получился НЛО, от которого ваш покорный слуга и наделал в штаны. Прощу прощения за такой вот эвфемизм.

Да, я думаю именно так, что она, Маша, подшутила надо мной и над всей Академией Наук. Своей шуткой она недвусмысленно заявила нам: «Умники, засуньте-ка свои идиотские теории куда-нибудь подальше и глядите на жизнь без очков и шор! Вы ищите братьев по разуму? Так мы уже давно с вами. Мы не строим космических кораблей, атомных станций и прочего, но не потому, что мы глупее вас, а потому, что мы идем по пути нравственного развития, стараясь жить в гармонии с матерью-Природой!»

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 54
Павел Смолин «Памирский дневник» (продолжение)	стр. 55
Валентин Мельтенисов «Сальто-мортале на Юце»	стр. 60
Светлана Кулешова «Наша «Ходжа» (начало)	стр. 62
Дмитрий Тиунов «Что такое полюс?»	стр. 69
Н. Берсе «Впервые на побережья Баренцова моря»	стр. 73
Ноль часов, ноль минут, ноль секунд	стр. 75

ТРЕЩИНЫ И НАША ЖИЗНЬ

«Жизнь дала трещину, и разбилась последняя надежда сходить на первопрохождение пещеры», — так говорит путешественница Светлана Кулешова из Красноуфимска. А ведь умение ходить по пещерам — это просто умение быстро передвигаться с грузом по горизонтальным или вертикальным трещинам. А если те соединились — то тогда необходимо умение опускаться в колодцы (вертикальные трещины).

«Жизнь дала трещину», — так мы говорим, когда на нас обрушивается что-то неожиданное и тяжелое. Но бывает и наоборот: и в этом номере мы расскажем, как преодолевала трещины на ледниках пика Ленина и шла вперед упряжка собак Павла Смолина. Как трещина в каркасе дельтоплана едва не стоила жизни Сергею Исакову, нашему земляку из Заречного, во время его полета на Кавказе. О том, что дорога к Северному Полюсу — это просто поход по льдинам, через трещины между ними, когда под ногами только четыре километра темной воды, а ты стоишь на лыжах, а вместо спасательного жилета на тебе рюкзак, к которому, в свою очередь, прицеплены тяжеленные нарты, расскажет путешественник из города Очер Пермской области Дмитрий Тиунов. Трещат и ломаются наши представления о том, где и как можно провести отпуск со своей семьей. Оказывается, можно заниматься дайвингом и в Баренцевом море, что за Полярным кругом.

Желаю вам успешного преодоления всех трещин и, возможно, всего-то лишь одним усилием воли.

С новым годом!

Владимир Истомин

**10 САМЫХ ОПАСНЫХ
ЗИМНИХ ВИДОВ СПОРТА**

Сноуборд — это цветочки. А вот реальный экстрим.

Хелискиинг/Хелибординг. Очень дорого и дико рискованно. На скалу забрасывают на вертолете, вниз спускаешься сам. В некоторых странах вне закона. Риск: 8/10.

Лыжный туризм. В местах, где подъемники отсутствуют и без проводника не попасть. Риск: 6/10.

Спуск на щите. Вроде бобслея, только опаснее. Ложишься животом на стальной щит и несешься вперед вниз головой с дикой скоростью. Риск: 10/10.

Параскиинг. Пристегнул лыжи, вылетел на парашюте, приземлился и погнал вниз. Риск: 7/10.

Подледное ныряние. Потрясающий свет, а если повезет, можно поймать спящую рыбку. Опасность замерзнуть и не найти прорубь при всплытии. Риск: 9/10.

Полет на шаре. С воздушного шара горы выглядят еще круче... Риск: 5/10.

Фристайл. Можешь научиться прыгать на лыжах сам, но лучше нанять инструктора. Трамплины от 10 до 40 метров. Риск: 10/10.

Сноурафтинг. Рафты — суденышки, в которых сплавляются по горным рекам. А тебе предстоит гонять по снегу. Риск: 8/10.

Альпинизм. Главное место в Европе — Шамони с его роскошными ледниками. Риск: 9/10.

Сноумобили. Езжай в Америку, в национальный парк Арапагоз, на заброшенные рудники. Скорость: 80 км/ч. Риск: 5/10.

Павел СМОЛИН

ПАМИРСКИЙ ДНЕВНИК

(продолжение)

6 августа

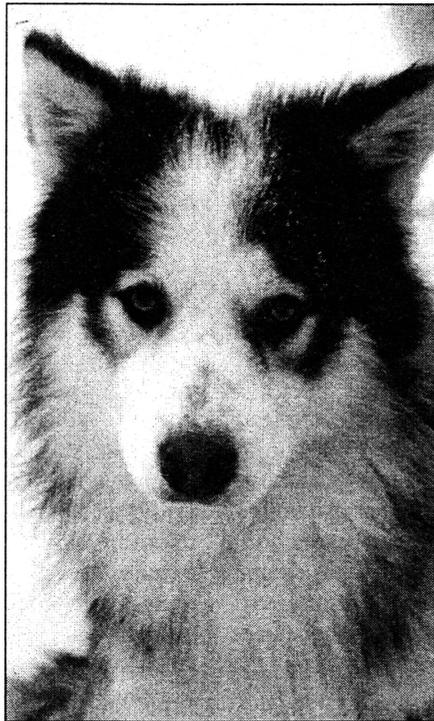
Поднялись в шесть утра. Готовимся к выходу на 4200. Вместе со мной идут Эля, Юра Борисихин, Саша Курбатов, Володя Бурлаков, Виктор Долганов, Игорь Румянцев. Ребята ушли, а я напоследок попил чаю.

Шел не спеша, фотографировал. Таймыр охотился на сурков. Мишка бежал рядом. Ближе к горам наткнулись на стадо баранов. Произошла стычка моих барбосов с собаками, охранявшими стадо. Пятеро на двоих, но Таймыр с Мишкой не отступили.

Поднялись на перевал. Настроение отличное, несмотря на рюкзак за плечами — килограммов в двадцать. Не жарко, ветерок.

На спуске с перевала встретил Валерия Попова с поисковой овчаркой. Мы с ним беседовали три дня назад, на Луковой поляне, перед его отлетом на 5300. Он из Кургана, содержит небольшой хозрасчетный питомник поисковых собак. Валерий должен был приехать с тремя овчарками, однако приехал с одной. По сути, они уже отработали на «сковородке». Результаты неутешительные. Никого из погибших не обнаружили. Собака ведет к трещинам, но туда не спустишься. Прокопали шурф до коренных пород — тоже ничего. Вероятно, все, что было на «сковородке», выкинуло на ледопад и растолкало по трещинам, засыпало сверху массой льда и снега.

У валериной овчарки лапы забинтованы. Сбила их в кровь при первом же выходе в горы. У моих лапы, видать, покрепче. Таймыр отмахал по горам не один десяток километров, но даже не хромает.

Ну вот, опять тухлой рыбой кормят...

Валера рассказал: на 5300 прилетал экстрасенс с петухом. Так у петуха голова враз набок упала, потом немного отошел. Овчарка сначала чувствовала себя тоже неважно. Это — последствия недостаточной акклиматизации. Обменялись с Поповым адресами, он пожелал удачи, и мы попрощались.

Подошли к реке, менее бурной, чем в первый раз. Тут реки и ручьи целиком зависят от таяния ледников и снега: с утра спокойные и чистые, к обеду мутнеют, набирают силу, но часам к шести вечера снова успокаиваются.

Переправились. Когда стали одеваться, увидели приближающегося к нам парня в офицерской форме. Он ловко перебежал через речку — правда, все же черпанув ботинком. Подошел к нам. Лей-

тенант внутренних войск, командир взвода по борьбе с диверсионными группами. Зовут Ренатом. Он наш земляк, из Нижнего Тагила.

Ренат взял у Эли рюкзак, продолжил путь вместе с нами. Поднялись по морене и через час вышли к леднику. Еще три часа по «рюмочкам-стаканчикам», и вот лагерь на 4200. Собаки встретили нас дружным, радостным лаем.

Ну, первым делом напился чаю, поели. А потом около часа беседовали с альпинистом из Италии Даниэлем. Он француз, но живет и работает в Италии. На пик Ленина приехал отдохнуть, покататься на лыжах. Мы познакомились еще вчера, на перевале, обменялись значками, а сегодня я подарил ему несколько фотографий с прошлогодней экспедиции на Эльбрус.

Солнце скрылось. Стало прохладно. Время

Начало в № 11 за 2001 г.

заниматься хозяйством. Снова закидывали рыбу снегом (так как она частично вытаяла). Покормили собак. Аппетит у них отменный: съели по дюжине ставридин. Только Таймыр с Мишкой от рыбы отказались. Несколько дней они питались с общего стола и вот вредничают. Но не кормить нельзя, дали хлеба.

Проверил у собак лапы. Коготки подношены, но в целом в норме. У Марсика и Тишки — порезы на подушечках, это не страшно, а вообще могло быть хуже. Дело в том, что собак разместили на ледниковой морене, сплошь усыпанной щебенкой из сланца. Собаки по привычке разгребали себе лежанки, вот и порезались. Но некоторые так и не смогли подготовить хорошего места. Вооружились ледорубами и пришли им на помощь. Сказывается высота: руки после двух-трех ударов наливаются тяжестью, начинает стучать в висках.

Зато места для нашего ночлега много. Стоят три желтых палатки шатрового типа, одна красная, да еще оранжевая, как кибитка. Есть стол из плоских камней, сиденья. Оборудован очаг для приготовления пищи. За большим камнем, под брезентом, сложен запас продуктов.

Рядом стоят палатки иностранцев. Слышны обрывки чужой речи. Доносится гул сходящих лавин. Отсюда хорошо виден путь на «сковородку», а также маршрут на пик Ленина через скалы Липкина. Он более сложный, крутой — но зато короче, чем тот, по которому ходит основная масса народа и пойдем мы.

7 августа

Очень мало спал. Все хорошо, удобно, но такое ощущение, что всю ночь пролежал с открытыми глазами. Раза четыре выли собаки, грохотали лавины, трещал ледник. В семь утра вылез из палатки. Поставил кипятить чай. Пульс — 70 ударов в минуту. Нормальный мой пульс — 56-58 ударов. Через час стал поднимать народ.

Юра Борисихин выглядит неважно. Плохо себя чувствует, попил чая и вместе с Ренатом ушел вниз.

Мы с Виктором Долгановым стали готовиться к выходу наверх. Сегодня надо сходить на 5300 и спуститься обратно. Саша Курбатов пошел с нами, чтобы сделать снимки на чистом снегу.

Не успели отойти от лагеря, как заметили, что у всех собак лапы оранжевые. На льду оставались такого же цвета следы. Барбосы шли осторожно, прихрамывали. Вот тебе на, плохо дело! Я ничего не мог понять, но за собак испугался. Неужели лапы порезаны? Но ведь вчера их осматривали и ничего не обнаружили... Подозвал Пушкарика.

Внимательно осмотрел и прощупал подушечки, когти. Крови нет. Только когда вышли на мягкий снег и собаки стали бегать и кувыркаться, я успокоился. Всею виной оказались пыль со щебенки и острые иглы ледника. И все же Таймыра и Мишку я отправил с Сашей обратно в лагерь. Пусть поберегут лапы, на леднике они хромали больше всех.

Часов в одиннадцать закончили съемки и вышли к одному из самых сложных участков вначале подъема. Крутизна — более пятидесяти градусов. Виктор без кошек, в кирзовых сапогах и еле поднялся даже по веревке. Двинулись вверх по тропе, обходя трещины.

Изредка попадаются группы иностранцев, спускающихся вниз; их сразу можно отличить от наших альпинистов по одежде и снаряжению. Они идут со страховкой — в отличие от нас.

Собаки приноживаются к трещинам, прыгать через них боятся, оббегают по снежным мостам. Некоторые трещины просто жуткие...

А идти жарко. Солнце печет. Обогнали Даниэля. Он тоже идет наверх. Около большой ледяной стены с уходящей вглубь трещиной барбосы что-то нашли. Это оказалась кем-то брошенная старая палатка. Еще выше, чуть в стороне от тропы, Боб стал копать яму. Его сменил Тишка, но Боб прогнал его. Остальные собаки крутились рядом, приноживаясь. Заметили место флажком, чтобы показать спасателям. Думаю, все обнаруженное нами вдоль тропы не имеет ничего общего с июльскими событиями, но зато я убедился в поисковых возможностях собак.

Около четырех часов потратили мы, поднимаясь на «сковородку». Перед нами открылось место, где произошла самая страшная в альпинизме трагедия, в один миг унесшая более сорока человеческих жизней. Мы стоим на небольшом возвышении перед «сковородкой». Слева поднимаются крутые склоны пика Ленина с нависшими глыбами льда — остатками обломившегося при землетрясении ледяного склона. Вдали, прямо перед нами, видны палатки нового лагеря. Их ставят на скалистом склоне за «сковородкой». Вправо и вниз уходит ледопад с черными, полузанесенными снегом провалами трещин. Там, на этом ледопаде, на триста метров ниже, оказались после схода лавины два альпиниста. Они уцелели чудом. Два трупа обнаружили на краю ледопада. И все... Остальные где-то там, среди ледяного хаоса. Пройдет много времени, прежде чем обнаружатся их тела. Кто-то вытает раньше, кто-то позже, а кому-то суждено проделать путь вместе с ледником, до полного его таяния. Если учесть, что ледник движется

со скоростью несколько метров в год и длина его не менее десятка километров, то пройдут десятки лет...

Мне вспомнился эпизод, описанный в книге Г. Ладлема «Капитан Скотт». Юноша погиб в леднике. Один из его спутников, ученый, вычислил, что много лет спустя тело погибшего появится в определенном месте и в определенный день. Когда этот день наступил, свидетели несчастья, успевшие состариться, вернулись на ледник, чтобы про-

мали. Даниэль достал фляжку, и очень кстати: страшно хотелось пить. Поговорили и разошлись — Даниэль к палаткам на склоне, а мы — вниз.

Время подходило к двум часам дня. Солнце палило нещадно. Снег развезло. Переходить по снежным мостам через трещины стало опасно. В одном месте Виктор провалился по пояс. На спуск потратили около двух часов. Чем ниже спускались, тем больше тяжелела голова. Душно, никаких колебаний воздуха.

Самые юные участники экспедиции: пока они еще сидят на травке...

верить предсказание. Тело погибшего они действительно обнаружили. Мертвый остался таким же юным, как в тот день, когда покинул их.

Трудно прибавить что-нибудь к этому...

Мы стоим на том месте, откуда наблюдали лавину два иностранных альпиниста. У них не хватило сил дойти до лагеря на «сковородке». Они видели, как из палаток выскакивали люди, которым оставалось 15-20 минут жизни.

Пока мы с Виктором осматривали место трагедии, подошел Даниэль. Собаки к этому времени улеглись на снегу, головами в нашу сторону, дре-

мали. Даниэль достал фляжку, и очень кстати: страшно хотелось пить. Поговорили и разошлись — Даниэль к палаткам на склоне, а мы — вниз. В лагере Сергей Кравченко и Саша Шваб готовили часть снаряжения и вещей к отправке вертолетом на 5300. Поели. Меню весьма разнообразно: гречневая каша, рыбные консервы, свежие огурцы, помидоры, сладкий перец, лук, грецкие орехи, джем лимонный, сухари. Голова пришла в порядок. Приятно сидеть на солнышке, смотреть на снежные вершины и вести неторопливую беседу.

Испытанная мною обувь — валенки с калошами — вполне себя оправдала. Ноги сухие и идти удобно. Только кошки надо надевать понадежней — одна на спуске отпала.

Фиксирую в дневнике все, что происходит вокруг. Виктор ремонтирует фотоаппарат; Саша и Сергей наводят возле палаток чистоту; собаки после прогулки в горы спят, как убитые; рядом, за палаткой, слышна немецкая речь. Шумит ледниковая река. Небо покрывается тучами. Становится прохладно. Лицо горит от принятого за день ультрафиолета. К подбородку больно прикасаться. Хотя закрывались масками из марли.

Подошел Виктор, мажет лицо кремом, жалуется, что начинает портиться погода. Видимо, снова

руки с мылом и ополаскиваем раствором марганцовки. Кто-то пустил слух, что все наши болезни — от рыбы. Это маловероятно, но лучше лишний раз перестраховаться. Ближе к вечеру познакомились с нашими соседями — известными в альпинистском мире Виноградовым и Ковуненко. На этот раз они привезли сюда группу немцев, обеспечивают их восхождение. Мы угостили соседей чаем и грецкими орехами, а они выложили нам пять булок свежего хлеба, килограммов пять сливочного масла, банку меда. Это целое богатство! Мы уже дав-

ВД ЭЖУ

Отдых на перемычке 6 100

пойдет снег, а снег — это лавины и присыпанные трещины. Сегодня мы проходили под языками трех лавин, остановившихся недалеко от тропы. Ощущение не из приятных.

С Виктором помылись, как в бане, из ручья на леднике. Завтра прилетит вертолет, сделает заборку на 5300, а на обратном пути заберет нас с собаками в базовый лагерь на Луковой поляне. Думаю, собакам полезно будет немного отдохнуть внизу на траве.

Стало пасмурно. Я сижу на полиуретановом коврикe в трико, шерстяных носках и свитере. Пора надеть что-нибудь потеплее и идти к собакам. После кормления их рыбой тщательно моем

но грызем сухари, а масло у нас только топленое.

За чаем говорили о собаках, о съемках фильма «Красная палатка», в которых они принимали участие. Мы рассказали, как в январе и в мае снимались в советско-американском фильме «Пленники чужой земли». Просидели до темноты.

8 августа

Ночью спал лучше, но несколько раз просыпался на камнях рядом со спальником. Хочется устроиться удобнее, ворочаешься, и получается наоборот.

Барбосы тоже вели себя спокойнее, выли один раз. На провокации Пушкаррика не отзывались.

Утро встретило солнцем. Пьем чай, ждем вер-

толет. Вещи и рыба готовы к отправке на 5300. Просидели до двенадцати. Решили с Виктором Долгановым спускаться вниз — иначе потом речку трудно будет перейти.

Прошли с полчаса по леднику, повстречали Валентину Соснину. Договорились, чтобы она передала ребятам просьбу убрать с вертолетной площадки рыбу в ледник, если вертолета в ближайшее время не будет. На том и расстались — но потом вспомнили, что забыли передать, чтобы на 4200 выгрузили из вертолета одни нарты и собачью упряжь. Валентина уже далеко, а навстречу идет кто-то из иностранцев — судя по ярким цветным плавкам и шапочке.

Поравнялись с загорелым парнем. Виктор на всякий случай спросил: «По-русски понимаешь?», на что тот ответил: «А как же!». Посмеялись, передали ему просьбу зайти в наш лагерь.

Уже при выходе с ледника на морену встретили Геннадия Евсюкова и Татьяну Николаенкову. Обсудили план на ближайшие дни. Вероятнее всего, завтра мы с Виктором поднимемся на 4200, а послезавтра — на 5300, чтобы участвовать в поисковых работах на «сковороде». Меня беспокоило, чтобы титановые нарты и упряжь выгрузили с вертолета на 4200, т.к. надо было отработать участок подъема с упряжкой собак...

Спустились к реке, разлившейся на несколько рукавов. На берегу одевалась группа ребят. Парни оказались из Риги, но один из них — выпускник Свердловского горного института, из группы РФ-71-1. Приятно встретить в горах почти однокурсника. Вспомнили общих знакомых.

У рижан задача сложная: ночевка на 4200, подъем на 5300, снова ночевка, подъем на 6100, ночевка — и вниз. Без специальных забросок, все несут с собой. Но группа настроена по-боевому.

Переправились через речку. Воды было много, но за счет нескольких протоков глубина была небольшой. Правда, река вздувалась прямо на глазах. Присели на песок надеть ботинки — и еле успели отскочить от разбухающего потока. Островок, на котором мы сидели, скрылся под мутной водой. До Луковой поляны дошли за пятьдесят минут, а через полчаса были в лагере.

Вертолет с заброской снаряжения улетел. Мы видели его, когда поднимались на перевал Путешественников. Впрочем, с базового лагеря увезли только нарты и меховую одежду, упряжь для собак так и осталась лежать в палатке Бурлаковых. Володя сказал, что не знал об этом рюкзаке, хотя я, вроде бы, его предупреждал. Чуть не поругались: разговор шел на повышенных тонах.

Под вечер ходили купаться на небольшое озеро, в тридцати минутах ходьбы. Диаметр — около ста метров, чистейшая, голубая, холодная вода. Вокруг — зеленые холмы, вдаль — снежные вершины, и надо всем этим — синее небо и яркое, горячее солнце. Не верится, что вчера мы были во власти снега и льда. Видимо, этим и прекрасны горы: все времена года у тебя под рукой...

Через спасателей договорились с вертолетчиками, чтобы нас забросили на 5300 с собаками. Так мы могли бы выиграть больше времени на поисковые работы. Однако решение нам сообщает только завтра утром.

9 августа

Конечно, проспали! У меня часов нет, а Бурлаков, видимо обидевшись на вчерашний разговор, не проконтролировал ситуацию... На связь с вертолетчиками вышли только в десять часов. Вертолетчики гарантировали, что выполнят рейс на 5300 в шестнадцать часов.

Собрали вещи, сели обедать. Неожиданно над лагерем показался вертолет и ушел на 4200. Через полчаса «вертушка» вернулась и приземлилась недалеко от нас. Бежим с вещами к площадке, а вертолет уже загружает группу альпинистов. Как выяснилось, они летят в долину, а вертолет, дескать, уже побывал на 4200 и, не обнаружив там никаких собак, вернулся вниз. Пытаемся разобраться, что случилось — но взревели двигатели, и винтокрылая стрекоза скрылась за ближайшей горой. Рухнули все наши планы. Ничего не оставалось, кроме как взвалить на себя рюкзаки и шлепать своим ходом на 4200.

Хорошо, нашлись добровольцы, «шерпы». Ирина Карпинчик, Женька и Кирилл вызвались донести наши вещи до реки. Мы же с Долгановым вышли через час. Налегке добрались до реки. На подходе встретили возвращающихся «шерпов». Сказали им спасибо, попрощались. Речка уже спала. Переправились, Виктор натер мозоль на подошве, пришлось делать «операцию».

На 4200 нас уже заждались, беспокоились: темно. Меня же волновал вопрос, на месте ли собаки. Миша удивился: «А где же им быть?».

В лагере, кроме Миши, были Ирина Тарасова и Валентина Соснина. Остальные шестнадцать утром ушли на 5300. В лагере остались две палатки, но на пятерых места предостаточно. Нарты тоже стояли здесь, так что завтра утром будем стартовать. Чтобы крепче спалось, выпили по две таблетки димедрола.

(Продолжение следует)

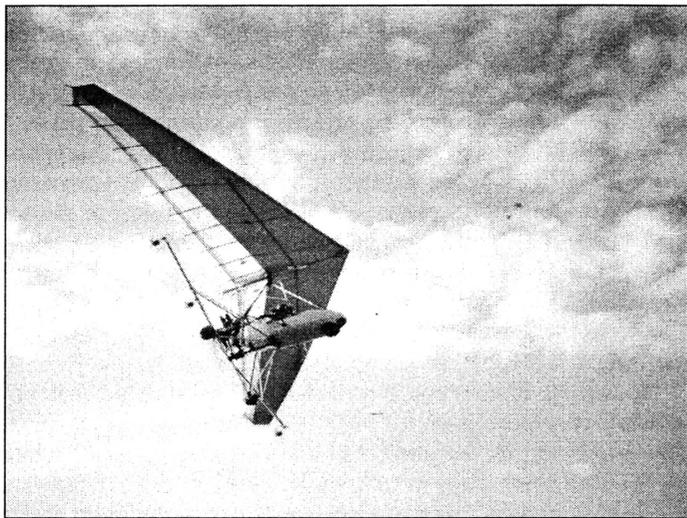
Валентин МЕЛЬТЕНИСОВ

Сальто-мортале на Юце

(Наши поздравления клубу дельтапланеристов г. Заречного — ему 25 лет!)

Весь день 27 июля 1983 года на Юце стояла жара. Был полный штиль, в воздухе стоял одуряющий аромат чабреца и душицы, высоко в небе истошно верещали жаворонки и вся летающая братия, а дельтапланеристы со всех концов Советского Союза слонялись по горе от безделья. Некоторые из самых нетерпеливых затаскивали свои летательные аппараты на самую вершину Юцы (340 метров), надеясь стартовать оттуда и поймать термик*. Но хороших термиков не было. Пузыри теплого воздуха, оторвавшись от нагретых полей, тянувшихся сплошняком почти от самого Пятигорска в сторону Кавказских гор на добрую сотню километров, почти не держали. Когда очередной «шустрик», не удержавшись в «пузыре», оказывался у подножья горы, так и не словив «кайфа», весь народ с сочувствием наблюдал, как обливающийся потом собрат волочит свой аппарат на плато. При этом, наверное, каждому вспоминались слова популярной среди «дельтанутов» песни о том, что дельтапланерист — это помесь орла с ишаком.

У палаток зареченских дельтапланеристов уны-

На мотodelтапланах не отдыхают, а работают: опрыскивают поля

ния не наблюдалось. Опытный «асс», Серега Исаков, инженер с Белоярской АЭС, уверенно сказал: «Чего суесться? К вечеру склон прогреется, и у вершины будет держать.» К 18 часам прогноз оправдался. Серега взял свою «сидушку» — подвесную систему, в которой пилот летает не лежа на животе, как все, а полулежа на спине, почти не утомляясь. Поднял свой аппарат, поудобней устроив подкосы трапеции на плечах, подхватил защитный шлем и, ступая на всю ступню, мелкими шагами потопал на вершину Юцы.

Мы — т.е. автор этих строк и Иван Зверев, геодезист из управления строительства Белоярской АЭС — остались у палаток паковать рюкзаки. Наш отпуск заканчивался, а с ним и парящие полеты на этой «Мекке» дельтапланеристов. На следующее утро мы должны были улететь в Свердловск и, следуя суеверию дельтапланеристов, перед отъездом не летали — как, впрочем, и в день приезда. По этой причине, тихо тоскуя, мы с завистью наблюдали, как Серега готовится к старту.

Нагретый склоном воздух разгонялся и у вершины горы уже имел вертикальную скорость, достаточную для парения. Сергей легко стартовал, просунул ноги внутрь рулевой трапеции и устроился с комфортом. Сделал несколько галсов вдоль склона, набрал метров 50 над вершиной.

Где-то в направлении Кавказского хребта наблюдалась темная полоса какого-то марева. Вдруг ветер начал усиливаться. Летавшие поблизости «чайники», почувствовав болтанку, отошли от горы и быстро приземлились кто куда. Сергей, как и все зареченские пилоты имевший большой опыт полетов при сильном турбулентном ветре в Верхнем Уфалее и Аскарново на Южном Урале, не заподозрил неладное. Чтобы набрать еще высоты, залез в самый мощ-

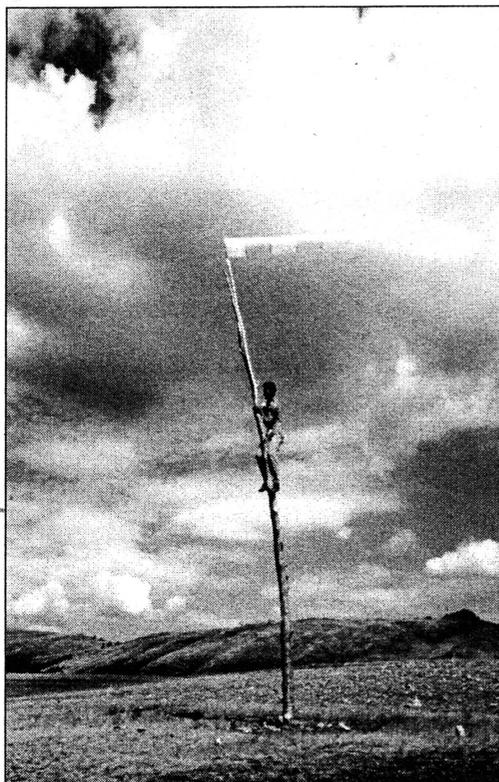
* — термик: восходящий поток теплого воздуха

ный поток чуть впереди и выше вершины Юцы. И тут началось! Ветер усиливался все больше. Аппарат не двигался вперед. Выйти из потока вправо или влево уже невозможно: поток, обтекая гору по бокам, приобретал еще большую скорость. Аппарат снесет назад, за гору, а там — роторный поток, перевернет! Аппарат резко болтает с крыла на крыло, начался «голландский шаг». Ну, думаем, Сергей увеличил скорость больше предельной. И тут внутри все похолодело: дельтаплан резко клюнул носом и, перевернувшись вниз махтой, начал падать сухим листом. Сергея в трапеции не видно, нет его там! Десяток секунд — и аппарат упал на вершину горы....

Я растерянно взглянул на Ивана: побелевшее лицо, состояние не лучше моего. Не сговариваясь, захватив аптечку, мы рванули на гору. Бегу, задыхаясь, а в голове одна мысль: «Выжить в такой ситуации практически нет шансов. Что же я скажу серегиной жене, она же вот-вот должна родить».

Обессиленные, мы кое-как добрались до вершины. Впереди стояло несколько человек, рассматривающих распластанный на траве аппарат. Вокруг дельтаплана ходит живой и невредимый Серега и нервно курит! Обхватил его руками, чувствую, из меня какие-то незнакомые звуки выходят: оказывается, реву. Иван лежит без сил неподалеку, его выворачивает. Кое-как пришли в себя, спрашиваем Серегу: «Ну ты как, ничего не повредил себе?» «Да нет, только вот мизинец ударил.» Тут, естественно, весь присутствующий народ загоготал. Рассматриваем аппарат: почти ни одной целой трубы в каркасе, в парусе дыра длиной с метр у задней кромки в полуметре от корневой хорды, но задняя кромка цела. Оказывается, когда аппарат перевернуло в воздухе, Серегу с такой силой бросило на парус, что он пробил его телом и застрял внутри. В таком положении «сыпался» листом практически до земли. За несколько метров до горы аппарат каким-то чудом перевернуло в нормальное положение, трапецией вниз. Поскольку задняя кромка паруса была хорошо усилена и осталась целой, перед касанием с землей под парусом образовалось нечто вроде воздушной подушки, смягчившей падение. Остальная часть энергии поглотилась при разрушении рулевой трапеции и тросовых растяжек.

Вечером у костра, принимая «антистрессовый препарат», т.е. водочку, вспоминали, как годом раньше, рядом с местом падения Сергея, разбился Паша Суслов из Питера. Парус на новом «Граче» Павла был натянут, как барабан. В полете от большой нагрузки подломилась консоль, и

Я поймал ветер!

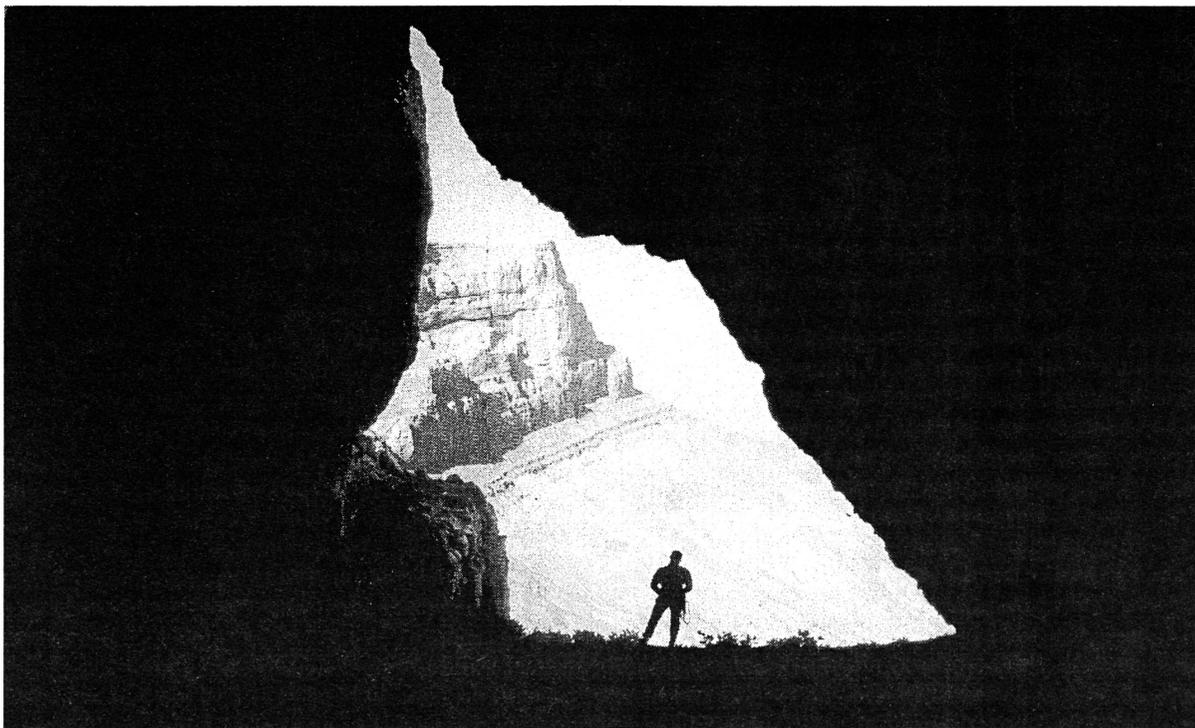
началось вращение аппарата. Павел боролся до конца: сместился под целое крыло, вращение замедлилось, но парус не выдержал и лопнул по задней кромке. Крыло вытянулось «во флаг» — и больше уже ничего нельзя было сделать. Учитывая этот случай, мы ишили свой парус с хорошо усиленной задней кромкой, что и спасло жизнь Сереги. Уговариваем Сергея ехать домой вместе с нами. Не соглашается, утверждает, что все в порядке, чувствует себя нормально и еще с недельку полетает на Юце.

Не прошло и нескольких дней после нашего приезда в Заречный, как Сергей вернулся домой. Рассказывает, что на следующий день после нашего отъезда попробовал стартовать, но в полете ему все время казалось, что аппарат вот-вот снова перевернет. Два года Сергей не мог победить в себе этот засевший в подкорке страх. Наконец в августе 1986 года на Кубке Урала в Аскарово в Башкирии — полетел. И летал сразу два часа.

Сейчас Сергей Степанович Исаков — пенсионер. Летать не бросил. Но летает теперь на дельталетах - моторных дельтапланах. Летает сам и передает свой богатый летный опыт пацанам, которых в дельтаклубе города Заречный не один десяток.

Светлана КУЛЕШОВА

Наша «Ходжа»

Вид на массив Ходжа-Гур-Гур-Ата из Священного грота

Пролог

- С чего начать?
— Правильно.
— Сидели мы поздней ночью у Лешки дома (у меня) и думали.
— А-а-а-а.

У всех же есть боязнь белого листа. Не избежали ее и мы. Дело в том, что в Азии практически у каждого мало-мальски уважающего себя участника был дневник. Только мужская часть экспедиции предпочитала это скрывать — точнее, писали при всех, но читать не давали никому. А вот мы с Анькой оказались существами гораздо более общественными, и наш дневник всегда валялся где попало, переходил из рук в руки и дополнялся кем попало.

— И че дальше?

Собственно, это вы сейчас увидите, открыв первую страницу. Приложение сделано по мотивам

записи Лешки, где зафиксированы цифры и даты. Где-то там, в Челябинске, есть еще один (более точный) дневник. И еще в Лабиринтовом на глубине 300 м лежит дневник Ульяны, забытый там.

- Чем кончить?
— Пролог должен быть коротеньким.

Дневник

28 августа 1998 г. Поезд «Екатеринбург-Ташкент». (Версия С. Кулешовой)

Поезд — это гораздо лучше, чем самолет. Есть время прийти в себя после безумных и суматошных сборов; можно спать как угодно долго; можно по 8 раз на дню пить кофе. Можно пить спирт... Итак, первый этап, наконец-то позади. Горы продуктов (неужели мы все это съедим?), шитье трансов, водка + пельмени + курица — чтобы легче шел процесс паковки; полубессонные ночи, а потом еще и на работе приходится упреки в рассеянности выс-

лушивать. Тяжелее всего пришлось Гшастинину, но тихий подвиг Жени Цурихина меня впечатляет больше. После этих сборов ему можно работать в отделе ценовой политики или Комитете по развитию товарного рынка Екатеринбурга. Такой объем знаний не должен пропадать. Все эти граммы, килограммы, рубли, копейки, литры (вкуче с местами их дислокации) запросто умещаются в его голове и на-гора выдаются со скоростью компьютера. Правда, говорить с ним о чем-то не имеющем отношения к продуктам последний месяц было невозможно.

Вот, кстати, одно из жениных открытий (может, кому пригодится): самые дешевые конфеты «Конфи» на оптовом; но там дорогой чай, а в фирменных магазинах «Конфи» дорогие конфеты, но чай там дешевле.

А теперь несколько историй:

Про Вовку...

Стоит, с умным видом рассуждает, какую каску нужно; все дают советы, вспоминают, как у метростроителей каски тырили. Вовке надоедает, он машет рукой и говорит:

— А, ладно, не буду выделываться, куплю завтра пецелевскую... — (в смысле, фирмы «РЕТ21» — Авт.)

Потом он доннышки к трансам ручкой «Паркер» кроил — пока золотое перо не сломалось...

Про деньги...

Сегодня на перроне в Петропавловске бабки продают всякую ерунду в 1,5 раза дороже, чем обычно.

— Почему так дорого?

— Курса упал...

Что, интересно, с этой «курсой» за время нашего отсутствия случится? .

Откуда начинается Азия?..

Если ехать на поезде, Азия начинается гораздо быстрее, чем когда летишь на самолете. Если ехать на поезде, Азия начинается еще на перроне екатеринбургского вокзала. Специфические лица, специфическое количество багажа (мне кажется, столько кг на человека возят только спелеологи и люди Востока). А еще у них какое-то свое, непонятное белым, понимание пространства. Видимо, они тоже знакомы с пятым измерением.

Первая мысль при входе в вагон у всех была, наверное, одна: будем ехать стоя. На всех боковухах сидело человек по шесть, и у них из-под локтей высовывались дети. Потом все как-то утряслось и рассосалось. Правда, народ спит и в тамбурах, и в проходах, а кое-где, как мне кажется, даже в рундуках. Туалет не закрывается изнутри, зато снаружи висит кокетливый маленький замо-

чек — из тех, какими маленькие дети запирают свои сокровища. Верхние полки забиты бананами. Они покупают их у нас и везут к себе в Узбекистан продавать. Урал — банановая республика, край вечных снегов и экзотических фруктов.

Как мы играли...

Если бы не разные псевдоинтеллектуальные игры, мы бы умерли. А так километры бегут весело и незаметно. Оказывается, человеку совсем не обязательно говорить, чтобы его поняли. Даже безумное выражение «экспроприация экспроприаторов» может быть показано жестами. Правда, в процессе отгадывания какие только версии не звучали. Кнопка даже экзистенциалистов с экзгибиционалистами вспомнил. Отгадал, конечно, самый старший (Женя Цурихин), остальным крылатые ленинские фразы хуже знакомы.

Хороша игра «ассоциации». Из чувственности, жестокости, сентября, фатальности, восприимчивости и ментальности складывается сентиментальность. Кошмар какой-то.

31 августа 1998 г.

Ночью приехали в Байсун. Главное впечатление от дороги — еда и сон. 22 человека + весь груз в одном маленьком ПАЗИКе, и мы еще умудрялись спать. Правда, кто на ком и где чьи ноги — не всегда понятно и, зачастую, рискованно. Запросто могут наступить большими ногами или сесть не менее большим местом на физиономию. Теперь о еде. Снова Азия, и снова сплошное обжорство. Их порции рассчитаны на супержелудки. Но даже супержелудки не всегда выдерживают. Женская часть экспедиции съедает меньше половины, остальное доедают желающие. Сегодня утром Кнопка провозгласил, что доедать за Ульяной — его супружеская обязанность. Вздыхал, пыхтел, останавливался; время от времени Улька его нежно спрашивала: «Не можешь больше? Ну давай, еще немножечко...» Кнопка вздыхал и соглашался. Потом задумчиво заметил, что медовый месяц в Азии — это тяжело. Слишком сложны супружеские обязанности.

1 сентября 1998 г. (Светка)

Какое уж тут писательство, когда второй день заброски. Впереди — еще столько же. Наши сильные и замечательные ушли за частью трансов до первой воды. Их мы занесли туда вчера, потом уже потемну спустились. Сегодня с утра вышли из Кайрака, около 2-х были под Арчой. Завтра, видимо, самый сложный день (из того, что было): Арча-Кайрак-Арча. Ишаков нет, точнее, им негде: видимо, нашли работу попроще. Мы их заменяем. Тяжело.

На самом деле рассказывать о заброске по боль-

По дороге в пещеру

шому счету нечего. Все идут, морды красные, дыхание как... даже не знаю с чем сравнить, все ассоциации какие-то неприличные. Мне кажется, после секса в бане так дышат. Что еще? Ульяна говорит, что больше всего на заброске ей запомнились ботинки впереди идущего. Ленка запомнила перекусы с перекурами. У Стаськи с Пластининым и Денисом самое яркое воспоминание: они пришли к первой воде и не обнаружили никакой еды, только шкурки от колбасы и фантики. Страшно даже представить слова, произнесенные тремя голодными мужиками в этом месте.

Вот и все, пожалуй, о заброске. Местами, конечно, было очень красиво. Но мыслей и чувств хватало только на время перекуров. Все остальное

время мы шли и несли свой груз. А разве ишаки о чем-то в такие моменты думают?

2 сентября 1998 г. (Светка)

Слово всего одно — трындец.

3 сентября 1998 г. (Светка)

Сегодня уже значительно легче. Четвертый и последний день заброски. Притащили последние транспортники. Даже не верится. Мысли всего две. (В этот момент я, СК, отвлеклась, и навсегда забыла, какие это были мысли; зато появилась Анька (Анна Лыгалова), у нее тоже было две мысли. Всего.)

Итак (Анна Лыгалова):

1) «Мы все-таки девушки!!!»

После четырех дней заброски, когда мы представляли собой рюкзаки с ножками, мы стали, наконец, мыться, расчесываться, смотреться в зеркало... А люди по ночам (во сне) все тащат и тащат транспортники по бесконечным перевалам. Прошлой ночью Стаська соскочил в 5 утра и совсем уже собрался за очередной порцией груза (еле успокоили — уснул.)

2) «А здоровье уже не то...»

После заброски под Арчу половина лагеря блюет, половина постоянно требует бумагу. Как сказала наш доктор, нефтекампская Лена (в смысле это не фамилия у нее такая, а она просто из Нефтекамска): «Прямо передвижной госпиталь». Но сильная и здоровая половина лагеря работала героически. Вечер. Все напряженно ждут приговора. (Это она о том, что вот-вот Пластинин огласит, кто и где будет работать. — Ред.).

4 сентября 1998 г. (Анечка)

А утро было такое славное... Потом всех обрадовали — разбили по лагерям. Половина, которая должна будет работать под землей, деловито разошлась собираться, чинить комбинезоны, упаковывать снарягу и продукты. Вторая (расстроенная) половина села пить чай и отчаянно (про себя) ругать руководство. У меня и Светки жизнь дала трещину и разбилась последняя надежда.

Мысли грустные.

А это уже Вовка... (в смысле — Владимир Леонидович Зотов):

«А здоровье у меня не очень... До свидания, ваш дядя Шарик». Вообще, по ощущениям именно так и есть: «лапы ломит, хвост отваливается». Знакомое чувство — это проходит, причем довольно быстро... (это вместо эпиграфа).

Сегодня 4 сентября, пятница. После завтрака

практически половина экспедиции чувствует себя обделенными — им так хотелось большого дела... Честно говоря, самый худший вариант был остаться под Арчой. Вроде как этого не произошло. Из радостных событий сегодня в перспективе баня; что будет завтра — увидим.

Снова Света Кулешова:

Несколько дней было то некогда, то лень, потому в дневнике и образовался такой пробел. Вспоминать теперь бесполезно, скажу только, что позавчера была баня, а вчера заброска до седла.

И сразу история про нашу взаимную доброту — пока я не забыла:

Про доброту...

Вечер. Лежим в спальниках, переговариваемся. Ульяна меня спрашивает:

— Света, у тебя после сегодняшней бани наморск не появился?

Шмыгаю и бурчу, что появился, и еще какой. Ульяна потягивается, переворачивается на другой бок и удовлетворенно изрекает:

— Хорошо...

Теперь она утверждает, что ей послышалось, что у меня все нормально, но я, конечно, не верю.

Ленку, когда что-нибудь опрокидывается у костра, все буквально хором и с явной надеждой в голосе спрашивают: «Обварила?» После отрицательного ответа звучит глубокий вздох разочарования.

?????

Сегодня (какое число, к сожалению, уже не помню) окончательно уходим наверх. Как раз в эти минуты все озабоченно носят по лагерю: бутора много, вверх все нести глупо — нужно делать базировки. Решили делать несколько и в разных местах. Такое чувство, что часть нычек мы потом не найдем — просто не вспомним, где прятали; еще часть потырят местные. Будем скидываться налегке.

(Снова вступает Анька — *Ред.*)

Сейчас, разглядывая то количество продуктов, которое у нас в лагере, задаешься вопросом: «Как же мы все это занесли?! Неужели случилось?!» Через полтора часа уходим окончательно, а завтра — в пещеры... Счастье так близко.

Лирическое отступление

Бывают в нашей лагерной жизни и счастливые моменты. Например, вчера, когда старейшины после ужина хмуры пили спирт и обсуждали заброску к Фестивальной при помощи вертолетов («Переплюнем Вишневого»), молодежь устроила массажный салон. Сделав массаж друг другу по одному разу, пошли на второй круг, и в итоге утром еле-еле вылезли из спальников только к зав-

траку.

Светка:

Экспедиция, видимо, началась. Мы под Фестивальной. Четверо уже вообще в дыре. Пока шли от Арчи до сюда, жаковское высказывание трансформировалось. Еще в начале всего этого он процитировал кого-то: «Еще гляжу на юных дев, Но для чего, уже не помню...»

Сегодня в его глазах читается новое: «Еще гляжу на юных дев, А в сердце бьется мысль одна: Не нагрузить ли их еще?!»

Правильно, мы уже окончательно акклиматизировались. Рюкзаки теперь кажутся неотъемлемой частью организма (кентавр — человек-конь, спелеология — девушка-рюкзак), смеяться-улыбаться стали еще чаще и на перевалы взлетаем практически впереди всех. Все такие воздушные...

7 сентября 1998 г.

Это пишу я, Кноп! (авторский стиль полностью сохранен, я только запятые расставила — *Ред.*)

Состояние как после длительного запоя с дебошем. Ноги болят, спина болит, кружится голова и слегка подташнивает. Группа ушла в Учительскую на «акклиматизацию». По версии Голяна (Анатолия Афанасьева — *Ред.*), Учительская — это галерея с портретами учителей, придут — узнаю. Женя по-прежнему озадачен работой, несмотря на болезненное состояние. Пластинин увел всех в Учительскую. Все остальные спят или готовят ужин. Вечерет, ночью будет очень холодно, как зимой. Хочется скорее в яму — и не вылезать до конца экспедиции. А если честно, очень хочется секса и теплой ванны с нормальной едой. Женщин в экспедиции четыре, но после таких нагрузок и при таком собачьем холоде сам забываешь, какого ты пола (все отмерзает и молча висит). Волей не волей начинаешь любить тех, кого оставил в Перми: Жену, Васю (сына) и Маму.

Завтра наконец-то в Яму с Вадиком, который не ищет легких путей и всегда все усложняет.

Кома и Митя отдыхают. Отделение Цурихина жрут, гады, и мне не дают. Мне нужно ждать Жакова и Ульяну, когда они вернутся из Учительской. Наверное, я не выдержу и приготовлю сейчас ужин. Все, больше не могу, иду готовить.

А я пока свои мысли оставлю при себе. Могу только сказать, что разучиваюсь писать.

Про красоту... (Светка)

Когда она есть, ее, конечно, ничто не испортит; но мой случай, по всей видимости, под это определение не подпадает. Все началось с того, что Стае, посмотрев на меня внимательно, спросил:

— Ты свою морду давно видела?

Это было три дня назад, с тех пор я этот вопрос

в разных модификациях и от разных людей слышала раз 10. В зеркало решила не заглядывать максимально долго. Правда, есть риск потом умереть от инфаркта. А сегодня попросила у Жени крем для рук — лицо намазать. Он дал для ног — со словами, что он мне лучше подойдет. Намазала. Хорош символ строгой изысканности: бальзам для ног «Черный жемчуг».

Теперь о хорошем. Посмотрела сегодня на стену, а она стала меньше и ближе. И это не только мне так кажется. Она ко всем подстукает. Уже такая близкая и ласковая...

8 сентября 1998 г. (Анька)

Сегодня наша бравая команда (поверхностный лагерь) забрасывала транспортные мешки в подземные лагерь для работы в Фестивальной. Помоему, только наш лагерь таскал бы мешки туда-сюда и не по разу, лишь бы побывать в пещере. Мы готовы на все. Объявлен конкурс на право отнести уфимские тяжелые трансы к ним в ПБЛ.

Юбилейная-98

ПБЛ: Вовка, Леша, Света и я.

История 1. Транспортник

Был у нас транспортник с характером. Ему явно не нравилась идея похода в пещеру, поэтому он упал вниз с девизом: «Не хочу я в Курганчу, полечу я под Арчу!». Достали. Затем он долго не хотел влезать в пещеру: цеплялся за выступы и застревал в узостях. Затолкали. Не повезло ему с нами — мы оказались упрямее.

История 2. Как мы искали пещеру

Она от нас пряталась. Вначале мы, как опытные спелеологи, повесили навеску и полезли в какую-то щель. Вернее, полез Лешка, а остальные болели за него, рассказывали неприличные анекдоты и пели песни. Щель оказалась просто щелью, а не пещерой; но мы нашли еще одну дырку, которая оказалась просто берлогой медведя, а не объектом нашего поиска. В общем, искали до темноты. Не нашли. Зато поставили лагерь под стеной (на полочке трехметровой, под каменным навесом). Ночь оказалась сказочной, теплой, Млечный путь на небе светился сплошной пеленой звезд, мерцали внизу огни кишлаков, а может быть, и большого города. Высоко ведь. Утром Леша пошел весить еще одну навеску, а я просто подняла голову и увидела ее — пещеру Юбилейную. Нашли.

О том же самом. (Версия Светки)

Анька почти сразу сказала, что Юбилейная — пещера с женски-капризным характером. Сначала она долго от нас пряталась; потом, наконец, впустила; потом, когда мы не слишком лестно отозвались о ее внешности, обиделась и решила отомстить. Но это все лирика. На самом деле все было

так: в 9 утра мы ушли в дыру и до 14.00 меандрировали по ней, с юношеским азартом пытаюсь найти перспективный верхний ход. Попытки наши успехом не увенчались, зато мы пришли к единому выводу — ходов вверх в Юбилейной быть не может по объективным геологическим причинам. Перекусили и пошли обратно. Быстро — потому что понизу, с шутками и прибаутками, потому что состав у нас такой, И вдруг — волшебным образом и чудесным способом — мы очутились в совершенно незнакомом месте. И началось. Анька с Лешкой побежали искать дорогу (потому что они умные и в пещерах ориентируются), мы с Вовкой остались их ждать (потому что света на 4-х не хватало).

Пока они на бешеной скорости прочесывали пещеру, меандрируя в немыслимых распорах и просачиваясь в фантастические трещины, мы с Вовкой исполняли. Исполняли все, начиная с Высоцкого и заканчивая Таней Булановой, перемежали все это с физическими упражнениями и горестными мыслями. Оказывается, даже самая нейтральная строчка может испугать (например: «Четыре трупа возле танка дополняют утренний пейзаж»). Как выяснилось впоследствии, наши исполнения очень помогли Аньке с Лехой: они все время слышали, что мы бодры и веселы, кроме того, знали, где мы находимся. А выход удалось найти во многом благодаря Вовкиной памяти — он, буквально по шагам и минутам, восстановил начало нашего пути, и Леша понял, что и где нужно искать. Выход нашлся, Анька сложила там тур и, дожидаясь нас, очень громко пела (читай: орала или даже блажила) песню «Надежда — наш компас земной...»

Короче говоря, мы из Юбилейной все-таки вышли. Не прошло, как говорится, и 12 часов.

История следующая.

Про снег.

Ползем к выходу, и Лешка спрашивает: «Ну что, лежит снег?» (учитывая, что к Юбилейной мы забрасывались в панамках и футболках, вопрос достаточно неожиданный); я говорю: «Да нет, Анька бы уже заорала». Оказалось, что Анька орать была просто не в силах: она стояла над выходом и пыталась понять, что за белые точки мечутся в луче ее фонаря. Пещера, по сравнению с улицей, показалась райским местом, просто пятизвездочным отелем, откуда не хочется уходить. Птичье гнездо (а может, медвежья лежанка) из сухой травы и еще какой-то дряни манила, и мы решили перенести лагерь с полочки во предвходовую часть Юбилейной. Времени на это ушло совсем немного — на таком собачьем ветру все делается удивительно быстро. Потом был ужин из пяти (приблизительно) блюд, а потом — совершенно замечательная ночь:

сквозь сон было слышно, как где-то на улице завывает ветер, а у нас было тепло, уютно и, главное, сухо...

Про чистоту...

Сию на полочке, задумчиво одеваю носки, потом горестно выдыхаю: «У меня носки как у мальчика пахнут». Леха гордо отвечает: «А у меня тогда, как у настоящего мужчины»...

Утро с облаками...

Утро началось с традиционного лехиново вопля (просыпаясь, он всегда орет, причем отговаривается тем, что это йоговское упражнение, специальное и согревающее, и что птицы по утрам кричат точно так же). Мы все вылезли на полочку у входа и минут 10 охали и ахали по поводу облаков под ногами, солнца над Арчой и снега на перевале. Очень было красиво. Мы даже завтракали на полочке. Картинка меняется от ложки к ложке. За 20 секунд облако успевало заполнить к нам во вход и осесть на ботинках; потом глоток чая, одна печенюшка — и облака как не бывало: кусок голубого неба и горы где-то далеко под ногами.

Конечно, все было не так романтично и радостно. Вовка вышел к завтраку в совершенно непотребном виде: в голубом армейском белье, штаны на левую сторону, небритый и с полным отсутствием каких-либо мыслей в глазах. Натурально, па-

циент психбольницы. Да и Леха был не лучше: растянутое на коленях трико, женская пуховка с рукавами по локоть, татарский платочек на голове. Себя я, к счастью, не видела. Анька была, как обычно, хороша.

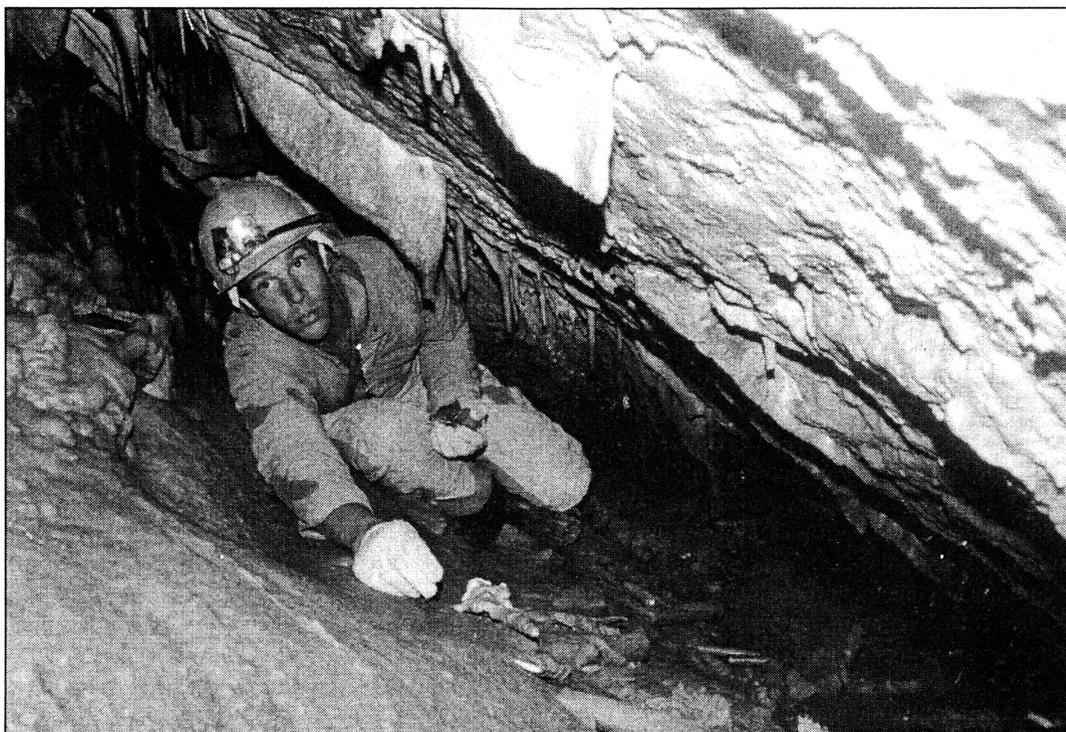
Да, и еще, пока не забыла: совершенно не стовариваясь, все четыре человека, вылезая из палатки, сказали: «О, пещера». Причем с разными интонациями. Лешка — восхищенно, я — злобно (потому что головой в потолок въехала), Анька — радостно, Вовка Самые юные участ флегматично.

Лирическое отступление. Анькина история с названием

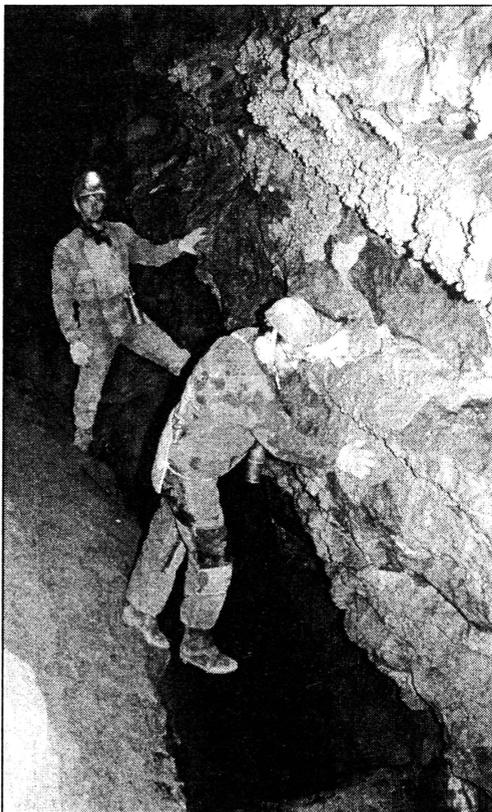
«Светкины сны»

Нормальным людям снятся нормальные сны. Например, мы с Лешкой после выходов в пещеры во сне бегаем по меандрам и таскаем трансы. Поэтому с нами тяжело спать. Лешка мерзнет и вращается в спальнике, я складываю в разные стороны руки и ноги. Вовке вообще ничего не снится. А может, он совсем и не спит?! Светке снятся Сталин, Берия и Марчевский (директор нашего цирка), который зовет ее на арену, извиняться перед слоном. И еще, видимо, снится что-то ужасное, о чем она даже нам не рассказывает.

Еще Светка больше всех мечтает и рассказывает детские стишки про котика, который грызет со-

И-да, такими темпами можно и разучиться ходить!

*Внутри земли мы
наступаем только на воздух...*

бачье ушко, про волков, грызущих зайчиков, и так далее.

Это было отступление. Пишу снова я — Света. Надеюсь, из-за того, что мне снятся слоны и диктаторы, вы не перестанете читать этот дневник.

«Юбилейная — это, похоже, было самое классное за всю экспедицию. Когда мы, счастливые и довольные, вернулись в Сифонную, все уже готовилось к большим спасработам. Кнопке снова не повезло с каталкой. Сегодня 14-е, все выходы запрещены; Анька с Лехой понесли спасфонд в дыру, Женя с Денисом делают лагерь у выхода. Мы сидим в Сифонной, ждем новостей и уничтожаем продукты — чтобы легче нести было. Одну ходку к Фестивальной уже сделали. Завтра-послезавтра начнем выброску под Арчу. Очень жаль, что не удалось сходить в Исетскую, да и у подземных групп работа накрылась. Но что творится в дыре, мы узнаем только завтра, когда вернется Анька. Тогда она все сама и опишет».

14 сентября 1998 г. (Вовка)

Сегодня совершенно очевидно, что наши (мои,

в частности) ходки в дыры закончились: идут спасы, по выражению Жени, «100-процентные». Завтра или послезавтра начинаем выброску. Пока задача здесь — в Сифонной все сожрать. Пока получается. Больше всего запомнились две дыры: Юбилейная — наш самостоятельный 2-х суточный выход — и Фестивальная. Я так думаю, возможно, была бы у нас еще одна смена в Юбилейной — в общем, было, где работать; но нет, теперь надо беречь силы. И пусть лучше лопнет презренное пузо, чем ценный продукт пропадет!

15 сентября 1998 г. (Анька)

Вчера я и Лешка ходили в Фестивальную, относить спасфонд. По правде говоря, очень хотелось навестить все ПБЛ и увидеть всех, посмотреть, как живут и работают, ведь нам, наверху, их жизнь кажется очень интересной, наполненной работой и событиями. Планировалось, что Леха останется в Лабиринтовом, а я побегу обратно с Жаковым — но получилось все немного приятнее. Мы увиделись с уфимцами, и с пластининцами, и с лабиринтовым лагерем. Началось все с того, что мы наткнулись в неожиданном месте на лагерь уфимцев; людей там не было, зато кругом валялись гекс и паштеты, из которых мы и сложили приветственный тур. С уфачами мы встретились уже в Большом гроте. Оказалось, что Толя Афанасьев обладает удивительной способностью предсказывать погоду прямо из пещеры. Прямо ходячий гидрометцентр. Затем пещера показалась нам одним из самых заселенных мест: повсюду мелькали огни карбидок, люди расширяли шкурник для протаскивания по нему Кнопы, и приходилось здороваться каждый метр. Поужинав в Лабиринтовом, я пошла здороваться с бравой командой пластининцев и была:

1) приятно удивлена тем, что и у людей, живущих под землей, облазят обгоревшие носы (например, у Стаса);

2) приглашена в палатку, где согрелась и опять поела.

Самое ужасное было потом, когда общими усилиями (моими и покалеченного Кнопы) мы еле-еле смогли застегнуть на мне систему (так много есть нельзя!!!). Потом было еще хуже: в туго затянутой системе пришлось еще поесть и в лагере уфимцев, который мы пробегали на обратном пути. Леха с удовольствием остался под землей, а я с Жаковым вышла на поверхность. У Фестивальной нас встретили из палатки голоса Жени и Дениса. Хорошо куда-нибудь возвращаться, когда тебя ждут!

(Продолжение следует)

Дмитрий ТИУНОВ

Что такое полюс?

На Крайний Север и в Арктику мы ходим достаточно давно — больше десяти лет. Начинали с почти стандартных лыжных «пятерок» по Полярному Уралу, но быстро перешли к «шестерочным» маршрутам протяженностью до 800 и даже до 1000 километров по Пай-Хою и Вайгачу, Байдарацкой губе и Ямалу, Таймыру и Карскому морю. Совершенствуясь, мы действительно превратились в самых настоящих полярных путешественников, а в 1990 году за один из подобных арктических походов наша екатеринбургская команда получила комплект золотых медалей Чемпионата СССР.

Однако все это в прошлом. Экономические неурядицы последних лет «вывели из игры» многих наших друзей и, начиная с зимы 1993 года, мы путешествуем в составе пермской команды. Именно с ними мы побывали в тот сезон на Земле Франца-Иосифа. Именно с ними мы и ходили прошедшей весной на Северный Полюс.

При переговорах с командиром авиаотряда, А.

М. Бахметьевым, мы столкнулись с самой приятной неожиданностью. Оказалось, что в этом году у пилотов есть возможность забросить нас не только на Таймыр, но и прямо в Центральную Арктику — почти к Северному Полюсу, где еще в марте был подготовлен специальный ледовый аэродром, обеспечивающий коммерческие полеты с зарубежными туристами. Упустить такой шанс (оказаться на Полюсе) мы не могли: соблазн был слишком велик!

10 апреля закончились наши переговоры с авиаторами и оформление всех необходимых документов. Через день простились с Хатангой и вместе с командой французских путешественников разместились в грузовом АН-26, направлявшемся на Северную Землю. Оттуда после небольшого отдыха, вызванного непогодой, продолжили полет на север и вечером 14 апреля наконец-то высадились на лед Центральной Арктики.

После этого нам осталось самое простое — дойти до Полюса.

Фото Ивана Кавянецко

Нас было девять: шестеро пермяков и трое екатеринбуржцев. Пермяки — это Юрий Федоров (руководитель команды), Илья Крендель, Юрий Криворук, Валерий Подоляк, Иван Светлаков и Сергей Шадрин. Екатеринбургцы — Леонид Букрин, Евгений Сорокин и Дмитрий Тиунов (автор этих строк).

Чем же характерно путешествие по дрейфующим льдам?

Прежде всего именно этими льдами, ведь идти нам приходилось прямо по замерзшей поверхности котловины Амундсена. Даже на карте Центральной Арктики это место заметно выделяется характерным густо-синим цветом. Правда, по арктическим меркам здесь неглубоко — всего лишь около четырех километров...

Еще со школьных уроков географии нам было известно, что арктические льды не стоят на месте, а постоянно дрейфуют по акватории океана. Но знать об этом, находясь где-то бесконечно далеко, на материке — это одно; а ощущать этот самый дрейф прямо под своими ногами — совсем другое.

Правда, в масштабах океана весь этот процесс выглядит относительно просто. Зато применительно к каждой конкретной льдине он исключительно сложен. Это ведь только кажется, что любая большая льдина неподвижна. На самом же деле она постоянно испытывает воздействие множества внешних сил, а поэтому нет ничего странного в том, что даже у соседних ледовых полей направление и скорость дрейфа всегда разные. Вот по этой-то причине огромные поля арктических льдов и смещаются друг относительно друга, а их края расходятся или сходятся. А, значит, и сталкиваются — со страшной силой, сокрушающей многометровый лед, словно тончайшее хрупкое стекло. Именно поэтому и возникают либо торосы, либо трещины.

Большинство трещин мы переходили на лыжах сходу, нисколько не задумываясь и не обращая на них почти никакого внимания. Только вовсе не потому, что мы какие-нибудь супергерои. Просто трещины эти совсем узкие и встречались буквально на каждом шагу. Практически вся поверхность Северного Ледовитого океана покрыта невидимой сетью таких микротрещин. Однако наши впечатления заметно менялись, если ширина трещин увеличивалась хотя бы до нескольких десятков сантиметров. Ведь сходу их уже не перейдешь — надо перешагивать, а это совсем не одно и то же.

Идешь себе на лыжах по несокрушимой толще арктических льдов. Смотришь по сторонам, восторгаешься изумительными красотами. Но вот вдалеке линию курса пересекает темная черта извилистого разлома. Вот она ближе. Вот еще ближе. Вот

уже совсем рядом. Стоп.

Аккуратно переступая, подходишь и встаешь обеими лыжами на самый край ледового разлома. Подкатываешь как можно ближе прицепленные сзади нарты. Затем, балансируя на краю провала, начинаешь медленно и плавно тянуть вперед одну из лыж. Осторожно. Стараясь опереться о противоположный край трещины и одновременно пытаться проверить надежность опоры.

Вот тут-то внезапно и выясняется, что нога почему-то противенько подрагивает, а взгляд совершенно непроизвольно останавливается на темной воде в глубине разлома. Очень темной, почти черной. Мозг начинает услужливо подсказывать, что глубина здесь небольшая: всего лишь четыре километра. И еще о том, что вместо спасательного жилета на тебе рюкзак, к которому, в свою очередь, прицеплены тяжеленные нарты.

А дотянуться хочется... ну, очень сильно. Похоже, что даже нога, которая с дрожью тянется вперед, уже стала на несколько сантиметров длиннее. И ведь всего-то одним только усилием воли! Но вот, кажется, она все-таки дотянулась. Вот уже стоит на противоположном берегу, и вроде бы относительно устойчиво. Наконец-то!

Теперь резким толчком лыжных палок с силой перебрасываешь свой вес через трещину. Быстро передергиваешь на свою сторону нарты. Переводишь дыхание. И, почему-то стараясь не оглядываться, вновь продолжаешь движение по обманчивому монолиту ледовых полей. До следующей трещины...

Но трещины бывали и совсем широкие. Никаких ног не хватит. Тогда приходилось искать обходы или ледовые мосты. Края-то у разломов неровные и наверняка где-нибудь «цепляются» друг за друга или хотя бы сходятся поближе. Ну, а уж в самом крайнем случае можно было вообще ничего не делать, а остановиться лагерем и немного подождать. Ведь на арктическом морозе поверхность воды за несколько часов покрывается сравнительно крепким льдом. Под трактором такой лед, конечно, проломится, но перейти такой участок на лыжах можно. Только исключительно осторожно и внимательно.

Кроме трещин, на нашем пути встречались и торосы. Представить себе торошение арктических льдов вообще легко и просто. Ледоход на любой весенней реке очень часто можно увидеть в кино. Здесь — все то же самое. Только толщина льдин измеряется метрами, площадь — десятками квадратных километров, а ширина «реки» — сотнями километров. Настоящее буйство стихии. В результате такого «ледохода» образуются гигантские

гряды торосов и даже целые поля торошения. Идти через них практически невозможно — сплошные страдания.

Следующим характерным моментом ледового путешествия является проблема ориентирования.

Хотя, в чем же трудности? Иди себе на север — и никаких забот. Ведь ось вращения Земли — а, значит, и Полюс — всегда находится на одном и том же месте. Это самое место и считается на Земле «настоящим» севером.

Однако рассуждать таким образом легко лишь находясь на материке. Здесь же все не так уж и просто. Шли-то мы по полям арктических льдов, а ведь эти льды еще и непрерывно дрейфовали в Северном Ледовитом океане по воле ветров и течений. Получается, что Северный Полюс, хоть и является совершенно конкретной точкой, но только в масштабах Земли. Ну, а если даже мысленно встать

мо было учитывать все эти взаимные перемещения. В результате же требовалось прийти в какую-то совершенно абстрактную точку, через которую именно в момент нашего появления должна была пройти невидимая никому ось вращения планеты. Вот уж действительно: все в этом мире относительно. Поневоле каждый из нас начинал сравнивать себя... с земным шаром.

Так где же ты, север? Как определить, в какой стороне Полюс? Для подобных целей во всем мире теперь пользуются специальной аппаратурой спутниковой навигации, предельно упростившей всю процедуру точного определения своих координат. Достоешь приборчик, напоминающий внешним видом и размерами обычный микрокалькулятор. Нажимаешь на кнопочку. Приборчик автоматически принимает и обрабатывает сигналы от навигационных спутников и очень быстро высвечивает

Фото Валерия Подоляка

на поверхность дрейфующих ледовых полей, то понятие Полюса тут же потеряет свою привлекательную четкость. Ведь относительно этой точки паковые льды постоянно смещаются.

Получается, что мы двигались по льдинам, а эти самые льдины постоянно куда-то уплывали. И для того, чтобы попасть на Полюс, нам необходи-

мо было учитывать все эти взаимные перемещения. В результате же требовалось прийти в какую-то совершенно абстрактную точку, через которую именно в момент нашего появления должна была пройти невидимая никому ось вращения планеты. Вот уж действительно: все в этом мире относительно. Поневоле каждый из нас начинал сравнивать себя... с земным шаром.

Так где же ты, север? Как определить, в какой стороне Полюс? Для подобных целей во всем мире теперь пользуются специальной аппаратурой спутниковой навигации, предельно упростившей всю процедуру точного определения своих координат. Достоешь приборчик, напоминающий внешним видом и размерами обычный микрокалькулятор. Нажимаешь на кнопочку. Приборчик автоматически принимает и обрабатывает сигналы от навигационных спутников и очень быстро высвечивает

время подобные навигационные приборы стали доступны и самым обычным путешественникам. Был такой замечательный суперприборчик и у нас, а весил он всего около трехсот граммов. Правда, знать свои координаты, пусть даже и очень точные, было все-таки еще недостаточно. Кроме этого, необходимо было четко понимать, в каком направлении следовало идти и каким способом можно было точно выдерживать это направление на местности. Ориентиров-то на дрейфующем льду никаких нет, да и магнитный компас в этих широтах практически не работает.

Но у нас был еще один прекрасный помощник — Солнце. Мы же не впервые путешествовали в подобных условиях и давно уже накопили определенный опыт. Поэтому проблема выбора направления движения беспокоила нас меньше всего. Необходимо было лишь помнить, что за каждый час Солнце смещается по небосводу ровно на 15 градусов. Это известно и любому школьнику. Но, в отличие от школьников, для нас эта информация являлась не абстрактными сведениями, а единственным надежным способом определения нужного нам направления движения. Поэтому еще дома мы заранее приготовили специальные таблицы, с помощью которых, зная время и долготу, можно было в любой момент вычислить азимут Солнца с точностью до одного градуса. Это и был бы требующийся нам угол между направлениями на Солнце и на Северный Полюс. Так что все предельно просто. Сначала штурман с помощью навигационного приемника определял долготу точки нашего стояния. Затем смотрел на часы и в солнечные таблицы, а после этого уверенно командовал:

— Тень левее курса, тридцать пять градусов. Вперед!

И никаких проблем. Пусть дрейфом наши льды крутило как угодно и таскало взад и вперед по всему Северному Ледовитому океану. Сбить нас с выбранного курса было невозможно.

Вот, собственно, и все. Рассказывать о неповторимых красотах Арктики совершенно

бессмысленно — их надо видеть самому. Что же касается нашего маршрута, то движение к Полюсу мы начали 15 апреля, а уже утром 21 апреля были на вершине Земли. Протяженность пути по дрейфующим льдам составила всего лишь около двухсот километров — ведь никаких спортивных целей мы действительно не преследовали. Просто хотели побывать на Северном Полюсе Земли, вкусив всех арктических «прелестей».

Следует специально отметить, что группа изначально не ставила перед собой задачи автономного достижения Полюса при старте с какой-либо точки суши. Во-первых, потому, что подобные экспедиции требуют значительного времени и сил, ну а во-вторых, по мнению нашей команды, идея любых «автономных лыжных путешествий на Полюс» весьма условна. Все подобные экспедиции предполагают использование авиации: как при заброске на маршрут (например, на мыс Арктический на Северной Земле), так и при выезде с Полюса на материк.

Другими словами, **В АВТОНОМНОМ РЕЖИМЕ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЛОГИЧЕН ТОЛЬКО ТРАНСАРКТИЧЕСКИЙ МАРШРУТ.** От суши до Полюса и обратно, от Полюса — на сушу.

В рамках туризма такое достижение являлось бы величайшим спортивным подвигом. Именно так и следует оценивать уникальное путешествие, совершенное этой же зимой интернациональной «двойкой» Вебер-Малахов.

Пока их достижение — это рекорд.

Фото Евгения Корбута

Н. БЕРСЕ

ВПЕРВЫЕ НА ПОБЕРЕЖЬЕ БАРЕНЦЕВА МОРЯ

Когда мы объявили родственникам и друзьям, что собираемся провести летний отпуск с детьми за Полярным Кругом, в лучшем случае они покручивали у виска: « На Урале еще не намерзлись? Ненормальные!» Но мы уже твердо знали, что не изменим выбранному маршруту: ЕКБ-Питер-Мурманск-Лиинахамари.

Мурманск встретил нас проливным дождем, но мы продолжали приближаться к пограничной зоне. И вот, наконец, Лиинахамари — последний населенный пункт нашего путешествия. Лиинахамари — пограничный поселок, лучшее время которого, по-видимому, закончилось вместе с развалом Советского Союза. Больше чем вдвое уменьшилось население поселка, т. к. сокращение пограничных войск было ощутимым. Многоэтажные здания, где жили семьи военнослужащих, пугают пустыми глазницами окон, отсутствием рам и дверей. На всем — печать запустения, заброшенности, печать окраины. Только наскальный Ильич по-прежнему бодро взирает на все это со своим неизменным ленинским прищуром.

Быстрее к морю. Подходит военный корабль, пытается пришвартоваться. Матросики, ростом не более полутора метров, с трудом поднимают канаты под градом нецензурных выражений офицера. Если прибавить к этому небольшой утренний туман и легкую морось, то можете представить наше настроение: « И какого черта...»

Тут подходит небольшой катер, чтобы доставить нас до полуостровава Немецкий — нашей базы, где отныне мы будем жить; а этот катер будет основным нашим средством передвижения.

П-в Немецкий не производит на нас столь удручающего впечатления — сказывается его регулярная посещаемость питерцами, москвичами, украинцами.

Недалеко от песчаного берега — компрессор. На горе — кухня, столовая, спальные вагончики. Внизу — пресное озеро, на берегу которого стоит уютная деревянная изба с печкой, где мы и размес-

тились.

После сытного ужина скромного кока Юры мы и вовсе повеселели. На Севере как-то по-особому относишься к еде. Теперь все блюда Юры — наш постоянный предмет восхищения. Но на все наши комплименты он скромно улыбается и предлагает добавки.

«Если хотите — вечером, часов в девять, можете нырнуть,» - предлагают хозяева. « Не успели приехать, и сразу ночной дайв!» — удивляемся мы. Хозяева улыбаются: « Ребята, вы ведь за Полярным Кругом!» Ах, эти белые ночи! Хотя уже август, но ночь с трудом можно назвать сумерками. Так что ныряй хоть по три раза в день, он ведь такой длинный!

В отличие от питерцев и москвичей, екатеринбургские дайверы поразили хозяев своей морской ненасытностью. Не в обиду будет сказано, дайверы обеих столиц в лучшем случае нырнут один раз в день, а остальное время отмечают это событие. Но ее-то, «родимой», у нас и в ЕКБ сколько угодно. Хозяева постепенно смирились с уральским упорством и обеспечили нам нырялку два раза в день. Мы смогли и больше, да вода была +6 — +8 С.

Ну, а теперь о главном, ради чего собственно и... Подводный ландшафт Баренцева моря поражает своим разнообразием: это и вертикальные стенки, и ступени, и ровное дно. Иногда ступенчатый ландшафт напоминает карьер: только ступени здесь «мохнатые», сплошь покрытые ламинарией. И в этих зарослях ламинарии кипит жизнь. Вот огромная звезда (диаметром 40 см) пытается пропихнуть свой желудок между створок гребешка. А эту ступень облюбовали ежи. А здесь в такт с ламинариями покачиваются щупальца морской анемоны. Вообще, везде жизнь морского дна подчиняется одним законам. На Белом море тоже много водорослей; на Японском — полно ежей, звезд, гребешков. Хотите знать, чем отличается Баренцево от всех прочих морей? Вездесущностью и ненасыт-

ностью камчатского краба. Несколько десятков лет назад на Баренцево море завезли этого краба. И он не только прижился, но и расплодился так, что ученые побаиваются за сохранность морского сообщества Баренцева моря. Естественных врагов здесь у него нет, а аппетит у краба отменный: пожирает все. Поэтому отлов его не только не запрещается, но и поощряется. Причем на 30-40 метровой глубине встречаются исключительно крабики с икрой, а самцы предпочитают глубину 70-100 метров. Первые два дня нам казалось, что мы никогда не насытимся этим деликатесом — но на третий день нам почему-то захотелось просто свинины. А пресловутый деликатес скармливали провинувшимся (не пропадать же добру). Вот опять я о хлебе насущном! А хотелось о любви к морю: большой и чистой.

Хотелось бы еще рассказать и о самом п-ве Немецкий — месте, скажем прямо, неординарном. Во-первых, почему Немецкий? Здесь в годы Второй мировой войны были расположены немецкая часть и лагерь русских военнопленных. Высоты этого п-ва были заняты орудиями. Они есть и сейчас, только стволы их срезаны. Интересно то, что эти орудия управлялись и снабжались из-под земли. Под землей мы ходили часа полтора и прошли лишь небольшую часть помещений, которые во время войны эксплуатировались немцами, а построены руками русских военнопленных. Была здесь и большая крепость, от которой сейчас осталась огромная воронка. На дне ее виден лаз, через который крепость соединялась под землей со всеми огневыми точками п-ва.

Дети набивали карманы пустыми гильзами и с надеждой рыскали по п-ву в поисках чего-нибудь покрупнее (гранаты, пулемета и т. п.). Но среди карликовых берез, кроме ржавой проволоки, найти им ничего не удалось. Хотя катакомбы не были исследованы так тщательно...

Вообще, отсутствие леса с лихвой возмещается разнообразием мхов и лишайников. Каждый камень рас-

цвечивается лишайниками так, что подолгу восхищаешься мастерством Природы, которая и в таких суровых условиях находит средства щедро и ярко украсить обычный камень. А моховые подушки! Утопая в них, забываешь, что ты в краю вечной мерзлоты. Среди мха каких только ягод не отыщешь: на игольчатых ветках чернеют ягоды шикши; вот алеют пирамидки брусники; а вот — янтарно-розовая морошка. Вкуснее всех, конечно, голубика! Я бы сравнила ее с некрупным виноградом. Она стелется по кочкам и растет кистями. Провел рукой по плети — и уже собран стакан ягод. За 15 минут вдвоем мы легко набирали литра три голубики, а после сытного ужина с чаем уплетали собранный урожай. Грибы здесь водянистые, но зато их видимо-невидимо. Брали только подосиновки, остальные грибы у нас не котировались.

Оставило неизгладимое впечатление последнее погружение. Было это на мысе Колокол. Старожилы обещали нам что-то фантастическое. Прыгнули в воду, почувствовали довольно сильное течение. На глубине 3-5 метров из-за мутной воды все выглядело как в мареве. После 7 метров вода стала как слеза. Оказывается, после периода дождей переполненные ручьи принесли в море массу мутной пресной воды. При перемешивании пресной воды с соленой и возник «эффект марева», который мы наблюдали.

Постепенно замечаешь, что погружаешься вдоль вертикальной скалы. И вот на глубине 45 метров начинаешь испытывать сверхъестественное ощущение «полета», несравнимое ни с чем. Ты паришь в этой БЕЗДНЕ — и только крупные актинии на подводной стене напоминают о том, что ты в море. Здесь стирается грань между водой и воз-

духом, есть только СТИХИЯ. Случайно задеваешь рукой розовую актинию, и она из цветка, напоминающего георгин, превращается в небольшой анус. Но время погружения истекло. Пора наверх! До свидания, БЕЗДНА! Но не прощай! Мы вернемся. И еще не раз побудем с тобой tet-a-tet.

Ноль часов

НОЛЬ МИНУТ

НОЛЬ СЕКУНД

Именно в это мгновение всегда безаварийно стартует Новый год... А с какого боку планеты начинает год свой торжественный лет? Сначала ответим на этот вопрос, уж затем полетим вместе с Новым годом вокруг хрустяще-снежной и мягко-зеленой Земли, чтобы порадоваться успехам старых и молодых людей и подивиться праздничным обычаям разноземных народов.

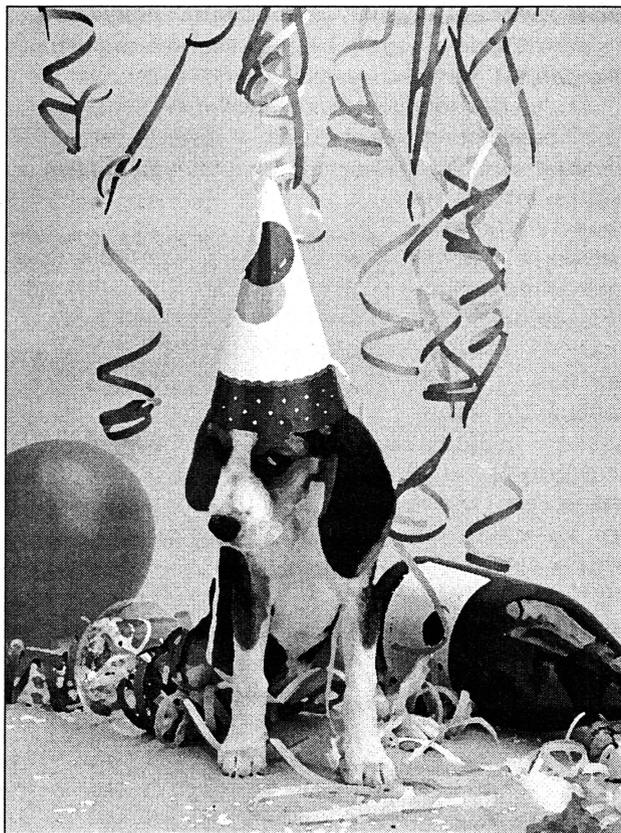
Граница дней — это меридиан, отстоящий на 180 градусов от Гринвича. Линия перемены дат проходит точно между Азией и Америкой. Здесь и рождается всякий день — и счастливый новогодний тоже. И жители чукотского поселка Уэлен первыми на земном шаре встречают Новый год.

Вот как его встречают в разных старнах.

Древние римляне бурно реагировали на перемену дат, устраивая игры и шествия с лавровыми венками; и в **средние века** было много шума в Новый год — стреляли из ружей и жалили из пушек, пели и кричали, неистово звонили в колокола, ибо не виделось им более эффективного способа изгнать злых духов; но **японцы** — всегда сами по себе... Вняв колокольному звону (108 ударов), они в час самого ликования — в двенадцать — дружно укладываются на покой, чтобы поскорее увидеть пророческие сны, а ранним утром созерцать величественный восход солнца. Да, Япония — это не только страна Восходящего солнца, но и страна сдержанных сердец. Хотя современный обычай поощряет шумное празднование ночи под Новый год.

Летосчисленне у японцев имеет цикл — 12 лет. Годы носят названия животных. Год мыши, коровы, тигра, зайца, дракона, змеи, лошади, овцы, обезьяны, курицы, собаки и свиньи. 2002 год — год лошади. Все, кто родится под ее знаком, воспримут характер этого прекрасного животного.

Индия... Здесь Новый год официально отмечается 1 января, фактически же в разных краях страны празднуют «по скользящему графику». Вплоть до весны. Перед сбором зимнего урожая. Молодежь, заметим, не томится в застоле, а устраивает состязания в стрельбе из лука.

Корея.... Она как бы в пику Японии в ночь под Новый год не смыкает очей, весело бодрствует. «Если в ночь под Новый год будешь спать — брови поседеют». Так предупреждает засонь пословица. И веселье вскипает... Тут девушки соревнуются по прыжкам в высоту — на качающейся доске.

Кампучия... И тут Новый год отмечают весной. В день праздника в городах и деревнях появляются неисчислимые холмики из песка. Каждая песчинка — прощенный грех. Так у кампучийцев многотрудное искупление грехов зиждется на песке...

И «округлим» Азию. Скажем, что в некоторых ее странах — лунный календарь, более короткий,

чем солнечный; поэтому мусульманский Новый год — не январский, и он странствует по месяцам календаря.

Итак, вперед, в Европу! Уже мелькает здесь меховая шапка Деда Мороза.

В англосаксонских странах дети перед сном подвешивают к спинке кровати чулки — Дед Мороз тайно наполнит их игрушками и сладостями. **В Швейцарии** игрушки приносит святой Иосиф, вернее, привозит, так как ему положен по службе очаровательный ослик. **Итальянцы** получают по почте друг от друга рождественские пироги. **Французы** ужинают подле украшенных елок.

Польские юноши колядуют, ходят по домам с поздравлениями, в в руках их — фонарь-звезда. **Немцы** еще хранят традицию: надо под Новый год положить на стол 12 луковиц, сделав в них углубления и сыпнув туда соли. Съели какие-то луковицы соль — те месяцы будут дождливые.

Кстати, украшение елок первыми начали в 18 веке немцы.

Но стоп! Помолчим... **В Болгарии** настала

минута новогодних поцелуев, таков здесь старинный обычай.

Перемахнем через Ла-Манш. Мужчины **в Шотландии** собираются на площадях. Все всех потчуют виски. Поют. Шумят. Ночь пролетает, как захватывающий футбольный матч. А утром вступает в силу обычай «первой ноги». Кто первым ступит на порог чьего-то дома, тот приносит счастье семье. Рыжие в игру не принимаются — увы, традиция.

Гавана... Жители белой, как океанский лайнер, столицы перед Новым годом наполнили кувшины водой и теперь выливают ее из окон: пусть старый год улетит, как эта прозрачная струя.

Америка... Индейцы встречали Новый год у высокого костра (нынешние туристы с удоволь-

ствием подражают им), а современные американцы ждут в высотных домах деловитого Санта Клауса...

Где же кончается первый день Нового года? Почти там же, где начинался — за Беринговым проливом, на Аляске, в Уэльсе.

Содержание за 2001 год

Река времени

История и краеведение

- Архипова Н. Первый географ Урала. № 7.
Басина Л. Письмо из прошлого. № 8.
Береснев В. Оплошность, достойная похвалы. № 7.
Борисихин А. Когда открывается занавес. № 6.
Борисихин А. Мария Первая. № 7.
Веревкин Г. Прикамские соратники Семена Дежнева. № 9.
Вехов Н. Миссионеры в русской Арктике. № 2.
Вехов Н. Вайгач - земля богов. № 7.
Владимиров Ю. В речке Талице студеная вода. № 2.
Воронова Т. Чимеевская чудотворная. № 9.
Выгузов О. Саткинские пороги: чудо электрического света. № 11.
Галанов В. Смоленская находка. № 8.
Гамов С. На бывшей Кафедральной. № 3.
Голдин В. Койва. № 10.
Дунаев Ю. Каменка или Усть-Утка? № 7.
Дунаев Ю. Кистенёк с кулачок. № 10.
Ермаков В. Доюбилейная металлургия. № 11.
Журавлев В. Знаменитости о русской бане. № 2.
Ищенко В. На древней Вишерской дороге. № 8.
Камина Ф. Как крица в «Тигра» превратилась. № 6.
Клюшников Ю. «Российский соловей» в Туринске. № 7.
Клюшников Ю. Подарок «Короля вальса». № 9.
Колотова О. Флот Византии. № 8.
Крапивин В. Это было совсем недавно... № 3.
Лаженцева Л. Дело о четырех самородках. № 2.
Липатников Ю. Хирурги. № 12.
Мезенин Н. Приключения алмаза Санси. № 11.
Мезенцев П. Кинозвезда родом из Миньяра. № 1.
Мы сами определяем наше сегодня и наше завтра. № 8.
Непеин И. Первый пермский краевед и его книги. № 10.
Ольховиков А. Успенская обитель. № 12.
Павлов В. Тень императора. № 1.
Павлов В. Расколоучитель Яков Лепихин. № 3.
Перепелицын А. Все ли на Земле открыто? № 7.
Пешкова И. Скульптор Канаев и его школа. № 2.
Плотников И. Маршал Блюхер: правда и около неё. № 6.

- Позднякова Н. Загадка дамы в кринолине. № 11.
Пономарев Г. Витус Беринг: о чем поведала могила. № 11.
Порошин И. Деревянная машина. № 1.
Рязанов Ю. Пермская загадка. № 3.
Серова И. Екатеринбург - Париж. № 7.
Старые журналы. Как березовцы икону выручали. № 1.
Ступина М. Старая любовная история. № 8.
Трофимов А. Голубцовы и Мусоргский. № 1.
Трусов В. Места вогулов Палькиных. № 9.
Трусов В. Слобода на Чусовой. № 8.
Трусов В. Подволошная на Чусовой. № 11.
«Уральский следопыт» - глубинке. № 6.
Фефилов П. Земля Сидорова. № 12.
Филатова Л. Ученый чудак. № 9.
Шилов В. Драконы жили в Верхнекамье? № 9.
Шумилов Е. «Гибель» фармазона Андрея Дерябина. № 9.

Поэзия

- Вязовский В. Баллада о металлах. № 8.
Лебедева А. Стихи. № 2.
Лихачевская Т. Стихи. № 2.
Носова К. Стихи. № 1.
Осипов В. Стихи. № 12.
Поповы-Лалаевы Н. и П. Стихи. № 1.
Роот Е. Стихи. № 10.
Смирнова Н. Горячая душа. № 11.
Сухов Ю. Стихи. № 11.

Проза

- Баладжаева Л. Леля. № 9.
Березовский Н. Мухомор. № 8.
Березовский Н. Последняя речалка. № 8.
Казанцев С. В одной постели. № 3.
Кузнецов Е. Из жизни Ивана Калиты. № 1.
Ромашов А. Серебряный туман. № 8.
Суренков В. Дед Топазिशко. № 11.
Устюгов С. Морской роман. № 2.
Устюгов С. Опасное знание. № 2.
Устюгов С. Случай в деревне. № 2.
Шендриков В. Мертвые учат живых. № 4-6.

Аэлита

Романы, повести, рассказы

- Александрович Е. А в это время... № 8.
Аренев В. Полезная болезнь. № 11.
Бурлаченко Е. Одинокий ботинок. № 10.
Бурцев В. Командная работа. № 7.
Веров Я. Большая свалка. № 11.
Водолеев И. Мишень для левши. № 12.
Гореликова А. Юбилей. № 12.
Давыдов И. Кольцо судьбы. № 9.
Дяченко М. и С. Коряга, похожая на обернувшуюся кошку. № 11.
Игнатова Н., Кукаркина В. Сказка о любви. № 1-2.
Каплан В. Тебя берут. № 8.
Коньков Ю. Встреча с НЛО. № 12.
Корепанов А. Победитель. № 9.
Крапивин В. Давно закончилась осада... № 4-8.
Прашкевич Г. Великий Краббен. № 3.
Радутный Р. Когда смеется дьявол. № 11.
Разливинский Я. Шесть Наполеонов. № 12.
Столпер Ю. Soft parade. № 11.
Щупов А. Очередь. № 6.

Заочный КЛФ

- Бережной С. Генри Каттнер и Кэтрин Мур: История одной любви. № 9.
Бережной С. Несколько главных слов. № 7.
Бережной С. Покушение на витражи. № 4-5.
Икаров Р. «Аэлита-2001»: почет ветеранам! № 3.
Казанцев С. Ген-ий, сын Марта. № 3.
Косарева А. Фэндом-2000. № 1.
Крафт Т. Книга о планетарном бардаке. № 10.
Крафт Т. Герой, детали и здравый смысл. № 11.
«Литературное агентство «Уральский следопыт». № 1.
Лукьяненко С. Незнайка на Луне. № 4-5.
Мамаева Н. Это не фэнтези! № 9.
Миркес М. Урания-2001. № 8.
Некий Д. Фэн-Дом 2001. № 9.
Прашкевич Г. Из «Записных книжек». № 3.
Стайнин Д. Бывают мостовые... № 10.
Фазтонов А. Поступь полководца разбитой армии. № 1.
Щупов А. Демократия и культура - две вещи несовместные? № 2.

Встречный ветер

- Авдеев Н. Тайны Воскресенского монастыря. № 11.
Арбузное лето «приморского» града Екатеринбург (интервью с А. Арбузовым). № 7.

- Ашмарин С. Вернисаж карикатуры. № 4-5.
Берсе Н. Впервые на побережье Баренцева моря. № 12.
Блинков А. Сотый меридиан. № 11.
Водопьянов О. Здесь сломался бы даже «Верблюд»! № 4-5.
Водопьянов О. Русский восьмимысячник. № 6.
Доронин Л. Лето - это маленькая жизнь. № 8.
Зверев Г. Гимнастика ума для старшеклассников. № 4-5.
Клёнов А. Восхождение на непокорную гору. № 9.
Кондрашин С. Thistlegorm. Притяжение затонувших кораблей. № 7.
Крапивина Л. Корабль неумолимых путешественников. № 4-5.
Кулешова С. Наша «Ходжа». № 12.
Мельтенисов В. Сальто-мортале на Юце. № 12.
Нарицын А. Пособие начинающему сталкеру. № 9-10.
Никитин Ю. «Горячее» лето «Каравеллы». № 8-9.
Никитин Ю. «Каравелла» собирает выпускников. № 7.
Никитин Ю. Остров Крым - 2001. № 10.
Никитин Ю. Паруса «Каравеллы». № 6.
Ноль часов, ноль минут, ноль секунд. № 12.
Рундквист Н. В душе моей неосторожно вы разбудили вулкан! № 11.
Смирнов С. Самая русская американская игра. № 2.
Смолин П. Памирский дневник. № 11-12.
Спирин Е. Спринт-бол - это по-нашему! № 10.
Судьина Ю. Лошадиная песня. № 8.
Тамплон Е. Поход на перевал. № 7.
Тамплон Е. Урал-трофи-2000. № 4-5.
Тамплон Е. Урал-трофи-2001: гонки на выживание. № 10.
Тамплон Я. Дневник «Урал-трофи-2001». № 8.
Тиунов Д. Что такое полюс?
«Ты сделал это - гордись!» (интервью с В. Рыкшиным). № 3.
Филатов И. Серое безмолвие. № 1.
Шкаредный В. Русские рыцари. № 11.

Проза

- Коростелев Е. Трещина. № 2.
Кругликов А. Мара. № 3.
Кругликов А. Прощай, Танюша! № 3.
Полежаев А. Кэрри. № 3.
Полежаев А. Удар, еще удар! № 8.
Полежаев А. Упущенный шанс. № 4-5.
Полежаев А. Чарли. № 1.
Посняков А. Журналюга. № 2.
Эст С. М+Д=. № 1.

ПОДПИСКА 2002

ДА! Я хочу подписаться на “Уральский следопыт”

- Я подписываюсь на 6 номеров журнала и плачу 210 руб.
 Я подписываюсь на 12 номеров журнала и плачу 432 руб.
 Я хочу получать журнал ценной бандеролью

ФИО _____
 Индекс _____ Область _____
 Город _____
 Улица _____ Дом _____
 Корпус _____ Квартира _____

линия отреза

ООО Редакция журнала «Уральский следопыт»			
Расчетный счет		Получатель платежа 40702810301010000519	
ОАО «ВУЗ-Банк», г. Екатеринбург БИК 046577781			
Корреспондентский счет		наименование банка счет № 30101810600000000781	
Подписной индекс		73413	
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Сумма	
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров			
Плательщик			
ООО Редакция журнала «Уральский следопыт»			
Расчетный счет		Получатель платежа 40702810301010000519	
ОАО «ВУЗ-Банк», г. Екатеринбург БИК 046577781			
Корреспондентский счет		наименование банка счет № 30101810600000000781	
Идентификационный №		73413	
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Сумма	
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров			
Плательщик			

Кассир

КВИТАНЦИЯ
кассир

Подписаться через редакцию очень просто:

- Заполните купон;
- Перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк по приведенной квитанции или используйте ее как образец для заполнения бланка почтового перевода;
- Отправьте купон и квитанцию об оплате (или их копии) по адресу: Россия, 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, отдел подписки “Уральского следопыта”.

Уважаемые читатели!

Вы можете подписаться на журнал «Уральский следопыт» непосредственно в редакции по адресу: г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67. Тел. 22-36-62.

Если мы получаем заявку до 10 числа текущего месяца, доставка начинается со следующего номера.

Подписаться на журнал вы можете, начиная с любого номера. По индивидуальным заказам вы можете приобрести любой номер журнала «Уральский следопыт» за любой год.

Став подписчиком журнала, вы можете принять участие в лотерее. Победители лотереи будут награждены ценными призами. А пятьдесят первых подписчиков по опубликованному купону станут обладателями подарков, предоставленных редакцией журнала.

У Р А Л Ь С К И Й 12,2001
следопыт

Директор редакции Синицын Александр

Редактор отдела истории и краеведения	Юний Горбунов
Редактор отдела фантастики «Азлита»	Евгений Пермяков
Редактор отдела экстремального туризма и спорта	Владимир Чудинов
Художественный редактор, верстка	Татьяна Суворова
Редактор отдела прозы и поэзии	Петр Родимов

Редакционный совет:

Виктор Астафьев
Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Кир Булычев
Николай Никонфв
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Станислав Мешавкин

Председатель наблюдательного совета
журнала «Уральский следопыт»
Максим Юрьевич Фирсов

Главный бухгалтер
Елена Балабанова

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г.
Министерством печати и массовой информации РСФСР.
ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом на логотипы и название журнала.
Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала допускается
только с письменного согласия ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.
Цена по подписке 30 рублей. В розницу журнал не распространяется.

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Тел. редакции: (3432) 224-501

E-mail: info@uralstalker.ekaterinburg.com

Адрес в Интернете:

<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 12-2001

Формат бумаги: 84x108/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Тираж 2500. Заказ №124
Отпечатано в типографии «Уральские военные вести», г. Екатеринбург, ул. Народной воли, 62.

ВИДЫ ПРИПОЛЯРНОГО УРАЛА

Полярный Урал... Горы, созданные для того, чтобы испытать человека на прочность. Кто ты, пришедший в них? Сможешь ли ты стать сильнее, чем эти промерзшие, тяжелые исполины из камня, стоящие здесь уже многие и многие миллионы лет? Насекомое ли ты, ползающее по их склонам — или тот, кто им равен?

Тянет людей в эти древние, все еще малоизученные края. Края легенд о снежных людях, о духах лавин и пещер. Реальность и древние мифы этой земли еще не отделены друг от друга. Но все же этот холодный, солнечно-острый мир — дом для людей. Тут живут ненцы, ханты и другие небольшие, самобытные народы. Они поют об этих скалах и утесах, о зверях — мохнатых хозяевах этих мест.

Так что добро пожаловать в эти края, человек — кем бы ты ни был: геологом, путешественником или обычным туристом. Может быть, ты, эти горы и их обитатели полюбите друг друга...

